

НОВАЯ ПОЛЬША

№12₍₃₇₎



2002

ВОТ ВАМ И ПОЛЬСКАЯ ГЛУБИНКА
Иренеуш Каня — человек ста языков
Ярослав Ивашкевич об Александре Блоке
ПОЧЕМУ СТАЛИН ИСТРЕБИЛ СВОИХ ГЕНЕРАЛОВ
Анджей Новак: унтер-офицерская вдова
Пресса национальных меньшинств
БЕСЕДА С ПРОФ. МАРИЕЙ ЯНИОН
СТИХИ ЮЛИИ ХАРТВИГ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589



Всех наших читателей,
сотрудников и друзей
поздравляем с наступающим
Новым годом и Рождеством Христовым

Редакция „Новой Польши”

НОВАЯ ПОЛЬША



№ 12(37)
2002
ДЕКАБРЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	БЫЛА БЫ ИДЕЯ	
	Иоланта Стецюк ВОТ ВАМ И ГЛУБИНКА...	3
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	8
	Гжегож Вуйтович УЖЕ НЕПЛОХО, НО МОЖНО ЛУЧШЕ	14
	НАШИ ЛЮДИ	
	ЧЕЛОВЕК СТА ЯЗЫКОВ <i>Беседа с Иренеушем Каней</i>	16
	Лешек Шаруга ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СЛОВА	20
	Юлия Хартвиг СТИХОТВОРЕНИЯ	22
	Ежи Корчак ВСЕГДА ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ	25
	Петр Мицнер ИВАШКЕВИЧ И СВЯТАЯ РУСЬ	28
	Ярослав Ивашкевич БЛОК	36
	ПОЧЕМУ СТАЛИН ИСТРЕБИЛ СВОИХ ГЕНЕРАЛОВ <i>Беседа с Павлом Вечоркевичем</i>	42
	ИЗ-ПОДСПУДА	
	Виктория и Ренз Сливовские ВЛАСТЬ СОЛОВЕЦКАЯ И ПОЛЯКИ	46





СООБЩАЕТ «МЕМОРИАЛ» 49



Михал Болтрык 50
О ЧЕМ ДУМАЕТ БАБУШКА ФЕВРОНИЯ



БУРНАЯ ЖИЗНЬ ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА 53
Беседа с Эвой Зажичкой-Берар



Анджей Новак 55
УНТЕР-ОФИЦЕРСКАЯ ВДОВА



ГАЗЕТНЫЙ КНОСК
Цезарий Поляк 60
ПРЕССА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ



Лешек Шаруга 64
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ



Янина Куманецкая 68
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ



Катажина Гардзина 71
НОВЫЙ СТАРЫЙ ДИРЕКТОР



ЖИВЯ — УТРАЧИВАЕМ 73
Беседа с Марией Яшион

Переводчики: Н. Астафьева, А. Базилюкский, А. Бондарев, П. Горбаневская, Н. Кузнецов, А. Москвин, Г. Погожева, А. Пустынцева, С. Тонконогова, Ст. Филиппак.
Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 16, 22, 42, 73, 76), D.V. Lomaczewska - Zbiory Domu Literatury w Warszawie (стр. 28, 35, 53), W. Mastierow (стр. 42), M. Boltryk (стр. 50, 52).

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кашпер Ванчик

Адрес редакции

Al. Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел.: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д. 15, кв. 49

тел.: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

ВИБЛИОТЕКА NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша

тираж 5000 экз.



Иоланта Стецюк

ВОТ ВАМ И ГЛУБИНКА...

Студенты-бизнесмены советуют Ольштыну

В кабинет доктора наук Иоанны Заленской на втором этаже Лондонской школы бизнеса (по рейтингу газеты «Файнэншл таймс» — восьмое место в ряду ста лучших в мире учебных заведений по бизнесу) постучал профессор Аластер Николсон.

— Сколько людей ты знаешь в Польше? — спросил он.

«Что за нелепый вопрос!» — подумала Заленская.

— А сколько бы ты хотел: сто, тысячу?

Для начала ему требовалось меньше. Профессор хотел послать студентов на кратковременную практику в польские фирмы. Они уже ездили во Францию, Италию, Германию. И везде одно и то же: возвращаясь, жаловались, что скучно. Профессор тоже искал нового опыта в бизнесе. Польшу он знал. Его приглашали читать лекции в Школе бизнеса при Варшавском политехническом институте, и он влюбился в центральноевропейский вариант свободного рынка. Но в Варшаву со студентами он ехать не хотел: крупные корпорации, полагал он, везде одинаковы.

— Поехали в Ольштын! — предложила Иоанна Заленская, дочь ольштынского портного и медсестры; замысел профессора Николсона пришелся ей по душе.

39-летняя Иоанна Заленская, единственный научный сотрудник из Польши в ЛШБ (она, к примеру, изучала деятельность польско-американских совместных предприятий) позвонила своим бывшим одноклассникам из ольштынского лицея №3.

Кшиштоф Микунда, тот, что на уборке картофеля в госхозе делал самые красивые фотографии, взяв трубку, очень удивился.

— Аська же меня не любила, я зазнайкой был, — признается этот великан с подковообразной бородкой. В 1989 г. Микунда вместе с женой Виолеттой (тоже школьной подругой) основал рекламное агентство. Сегодня у них в агентстве «Матрикс» работает семь человек.

Три года назад Микунда первым согласился принять гостей из Лондона. И не перестает благословлять тот день. В сентябре нынешнего года в Ольштын приехали 62 студента ЛШБ (средний возраст 29 лет). В их числе Кристиан Финке из Австралии, финансовый контролер лондонской биржи цветных металлов, Джефф Натансон из США, продюсер в телекомпании Си-Эн-Эн, Рекха Патель из Индии — она работала заместителем директора «Дойче-банка» в Лондоне, а теперь намерена создать международную сеть закусовых.

— Таких, как «Макдональдс», но вегетарианских, — планирует она. В ее семье из поколения в поколение не едят мясо, это запрещено религиозными традициями штата Гуджарат.

В течение шести дней в сентябре студенты работали в 12 фирмах. В том числе в пекарне, в городском управлении водопровода и канализации и в рекламном агентстве «Матрикс» (уже в третий раз).

■ КАК БУДТО Я ИЗ «ИНДИКПОЛЯ»...

— По образованию я зоотехник. Благодаря художественным наклонностям занялся рекламой, так уж оно и останется, — Кшиштоф Микунда садится за письменный стол, его жена вносит термосы с кофе.

У столика напротив тянутся за сахаром американец, англичанин и двое французов. Все они в Польше впервые.

— Чем мы можем быть вам полезны? — заводит разговор Джефф, продюсер Си-Эн-Эн.

— Большинство моих клиентов, — говорит Кшиштоф, — мелкие фирмы. Я считаю у них универсальным. Мы выпускаем брошюры, визитные карточки: адвокат, видеосъемки. Спроектировали молоч-



ные пакеты. Я мечтаю работать на крупные олыштынские фирмы, но побаиваюсь. Как объявлено: агентство «Матрикс» специализируется в создании имиджа крупных фирм, — так, глядишь, потерю заказы от фирм помельче. А они-то и дают мне хлеб насущный. Кем мне быть на этом рынке — вот моя дилемма.

Аппетит у Кшиштофа Микунды разыгрался после того, как он победил в конкурсе на рекламу продукции фирмы «Индикполь», крупнейшего в Польше производителя продуктов из индюшатины:

— Это работа творческая и бюджет большой.

Американец Джефф передает глянцевые образцы этикеток французу Жерару (он — начальник отдела распространения в Европе продукции фирмы «Бик»: шариковые ручки, лезвия).

Жерар рассматривает этикетки: «Колбаса ветчинно-рубленая из индюшатины», «Котлетный фарш индюшачий», «Острые кубики для салата» и одобрительно кивает. Он хотел бы знать, как Микунде удалось заполучить такого клиента.

— Вы можете представить мне свое агентство так, будто я из «Индикполя»? — спрашивает Жерар.

Джефф устраивается на стуле:

— Представьте себе, что я с малолетства тружусь в индюшатнике.

— Нет, ситуация должна быть подлинной, — возражает владелец «Матрикса». — Я устанавливаю с клиентом настоящую психологическую связь.

Студенты просят перерыва на ланч. Они идут к ларьку за углом, где торгуют жареной рыбой (садовая мебель, оконные стекла оклеены голубыми дельфинами, тресковое филе на картонках).

Разрабатывают план. Джефф поедет в крупное варшавское агентство и разузнает там для Микунды, каковы прогнозы развития рекламного рынка в Польше. Остальные расспросят клиентов: почему они выбрали «Матрикс»? Затем нанесут визиты в фирмы, о которых мечтает Микунда, и выяснят, чего те ожидают от рекламного агентства.

К концу октября уже из Лондона они пришлют готовый отчет (ЛШБ за свой счет переведет его на польский). Кшиштоф Микунда ознакомится с этим отчетом и даст ему оценку. От нее (процентов на 20) зависит, какую отметку профессор Николсон поставит в зачетные книжки.

После ухода студентов Виолетта Микунда вынимает из ящика письменного стола фотографии группы ЛШБ, которая работала в «Матриксе» три года тому назад. После их практики они с мужем реструктуризировали «Матрикс»: создали торговый отдел и взяли дополнительного работника.

— Такие гости мне и во сне не снились — восхищается Кшиштоф. — Принц из Уганды, обучение ему финансировали родители. Из Калифорнии приехал вице-президент компании Хенсона — продюсера знаменитого «Маппет-шоу». Я даже чуточку задумался, не слишком ли большая пропасть нас разделяет.

На фотографии: желтая стена с канализационной трубой, на черном шкафчике у дверей — засушенные рыбы головы.

Виолетта говорит:

— Они велели убрать из конторы теннисную ракетку мужа, насадки для рыбы, щучьи головы.

После отъезда лондонцев Микунда упаковал вещи и перевел агентство в другое помещение.

«Матрикс» сегодня: снежно-белые стены, на окнах синие шторы, на стойках глянцевые буклеты. Только аквариум остался.

■ КРИСТИАН ПОКУПАЕТ БУХАНКУ ЧЕРНОГО

Два года назад студенты из Лондона порекомендовали пекарне Домбковского строить собственные торговые точки: они дают независимость, влияют на качество показа товара и ускоряют оборот средств.

— Это было прямо в «яблочко»! — радуется Збигнев Домбковский.

В нынешнем году все семь булочных фирмы посетили Джонатан (страховщик танкеров из Великобритании), австралиец Кристиан (финансовый контролер биржи цветных металлов) и Рекха из Индии, та, что мечтает о вегетарианских закусовых.



Ранним утром они приехали на площадь Пилсудского. Булочная Домбковского помещается на первом этаже углового здания: стеклянный козырек над стеклянным входом. Лондонцы несколько минут смотрели на хлеб через окно и только потом вошли.

Рыжий австралиец (цветные металлы) встает у одного из столиков: с девяти до полдесятого вошли 24 человека.

К примеру, пенсионерка Анна Небещанская взяла буханку, два батона и две булки. Через минуту вернулась за йогуртом и булочкой. Это для пана Петра, который ждет на лестнице («Я из тюрьмы вышел. Теперь вот побираюсь»).

Девушка в джинсовой курточке хотела было взять слойку с творогом, но ее парень покрутил носом, и они ушли.

ДЕТАЛИ ВАЖНЫ

На их основе команда Кристиана готовит в Лондоне анкету. Збигнев Домбковский попросит своих клиентов заполнить ее и сможет понять, как усовершенствовать предложение в соответствии с их потребностями.

Студенты закрывают блокноты и едут к следующей булочной Домбковского, на улице Кайки.

Кристиан ведет счет клиентам с поста под липой.

Джонатан (танкеры) весь день фотографирует вывески:

— На одном магазине «Хлебобулочные изделия», на другом — «Булочная». Профиль размытый, — замечает он. — И логотип плохо виден.

Австралиец Кристиан заходит внутрь, чтобы купить буханку черного хлеба.

Анна Бурбула, 23-летняя продавщица, испытание прошла: хлеб подала, надев целлофановую рукавичку. Анна поступила в булочную, чтобы заработать на платные курсы информатики. Получила профессию техника по компьютерам, но работы не нашла. Теперь откладывает деньги на высшее образование.

— Отлично! У Домбковского работник лучше, чем требуется на эту должность, — считают иностранцы.

— На улице Кайки — офисы фирм и учреждения, вокруг Пилсудского — жилой район, — записывает Рекха. И сопоставляет местоположение, площадь, занимаемую полками, часы работы, самый ходовой товар. Так она определит, где выгоднее всего продавать хлеб.

Все булочники знают, что выгоднее всего у виадука. Там сходятся улица Лимановского, где стоит булочная «Ягодзянка», улица Жеромского с ларьком Домбковского и Железнодорожная — с булочной «Тирольская».

«Ягодзянка» ни с кем не может конкурировать. У Домбковского на сияющем чистотой прилавке уложены хлебные колосья, стоит фигурка мельника в белоснежном чепчике. В «Ягодзянке» над хлебом вьются осы. Другое дело «Тирольская» — блеск и самое лучшее местоположение. Потому что деньги в Ольштыне издавна плывут по Железнодорожной, вдоль путей.

Люди проходят по ней на бывший конский рынок (теперь там торгуют лаком для ногтей и картошкой прямо из ящиков), на крытый рынок «Затожанка» (виноград и диван-кровати), заходят в ларьки вдоль сетки, ограждающей пути (платья и платки из тафты), — во времена ПНР их называли железно-дорожной «Березкой». А раз в неделю — на птичий рынок.

— Пойду узнаю, почем хлеб в «Тирольской», — предлагает Рекха.

Тем временем Кристиан записывает цены у Домбковского, а Джонатан — в «Ягодзянке».

— Трудный рынок, — заключает он.

Это подтверждает и Збигнев Домбковский.

— С марта цены на хлеб упали на 30%. Буханка стоит уже всего злотый. Конкуренты стали во второй половине дня продавать хлеб за полцены. Ну и мне пришлось — в одной, правда, точке, в Грюнвальдском микрорайоне.



Деревянную вывеску над булочной Домбковского на Грюнвальдской видно издалека. Внутри — лампы в чугунной оковке, на стенах светло-коричневые фотографии ржаного хлеба.

— Уже к двум часам дня выстраивается очередь, — говорит продавщица.

Продажа за полцены начинается в шесть вечера. В холодные дни очередь просит начать хоть минут на 15 раньше.

50 грошей за буханку для себя и жены платит пан Адам, маляр на пособии по безработице.

Пани Барбара, вдова с дочерью в инвалидной коляске, выкладывает 2 злотых 10 грошей:

— Я покупала в продуктовом на другой стороне улицы, а тут смотрю: очередь — дай, думаю, попробую.

Пани Мария была машинисткой. Компьютеры вытеснили ее из проектного бюро пять лет назад. Хозяйствует на зарплату мужа.

— Я взяла три буханки, 20 булок и три пончика. Сын поступил в автомобильный техникум. Поскольку в булочной мы экономим, купила ему велосипед в рассрочку.

Кое-кто называет свои фамилии.

Чеслава Янковская работает в католическом благотворительном обществе «Каритас».

— Дешевых закупок я здесь не делаю, купила только сладкую булочку.

Януш Галонзка, 36 лет, подсобный рабочий на складе бумаги полиграфического предприятия, одинокий, каждые два дня кладет в рюкзак четыре буханки черного, две серого и два батона.

— Я покупаю по дешевке все: ботинки, шампунь, лезвия.

Распродажа нервирует Домбковского:

— Это отразится на всей фирме. Мы не заработаем на необходимый ремонт машин. Хлеб надо продавать по нормальной цене, а бедным давать даром.

Студенты ЛШБ:

— Продажа по сниженной цене вредит репутации, дает клиенту двойственный сигнал о качестве продукта. Если все же она неизбежна из-за конкуренции, то в Грюнвальдском микрорайоне следует убрать логотип.

■ ЛОНДОН В ПОГОНЕ ЗА РАЗУМОМ

Я посетила Лондонскую школу бизнеса в мае, за четыре месяца до приезда студентов профессора Николсона в Ольштын. На первом этаже, прямо у главного входа, минуя книжный магазин. В витрине руководство «Как испечь хлеб домашним способом» — альбомное издание в глянцевой обложке, а также «В погоне за разумом» Хелен Филдинг.

Кевин Маккарти, лысый 35-летний мужчина, отвечающий за связи с прессой, водит меня по оснащенным компьютерами библиотекам и конференц-залам.

— Наша школа основана в 1965 году, — рассказывает он. — Мы конкурируем со старыми американскими университетами. В Гарварде есть бассейн — значит, и у нас он должен быть.

Двери лифта открываются на уровне подвального этажа, и глаза ослепляет бирюза подземного плавательного бассейна.

— Выпускники школы до конца жизни имеют сюда свободный доступ, — добавляет Кевин.

Мы выходим во внутренний дворик; в глиняных горшках растут молодые фиговые деревца. В правом крыле здания находится квартира ректора Лоры Д'Андреа Тайсон, бывшего экономического советника Билла Клинтон. Из гостиной ей видна плачущая ива в школьном саду и странная гипсовая статуя с человеческими формами. Статуя расчленена с головы до ног, в середине пусто, словно пациент только что выскочил оттуда.

— Не успели еще прибрать после занятий по творческому мышлению, — предупреждает Кевин мой вопрос.

По аллеям ходят молодые люди в простых свитерах и джинсах. За их обучение обычно платят фирмы, готовящие их к высоким должностям. Только немногие сами берут кредиты на обучение. Потому что двухгодичные курсы МБА (два уик-энда в месяц) стоят сумму, равную 200 тыс. злотых. Самая многочислен-



ная группа студентов — из США. Вторая по численности — из азиатских стран. Третья — из самой Великобритании. Студентов из Восточной Европы меньше 10%. Каждый третий студент — женщина.

— Это здесь, — Кевин указывает мне дверь кабинета профессора Николсона и исчезает.

На подоконнике соляной кристалл с надписью «Величка» [знаменитые польские соляные копи, ныне музей].

— Впервые я приехал читать лекции в Польшу десять лет назад, — рассказывает профессор. — Бизнес тогда у вас был словно пластилиновый. И я почувствовал: это начало чего-то важного. А для меня — возможность заново переосмыслить то, чему я учил много лет.

■ ЧЕГО ОНИ ВПРАВДУ ХОТЕЛИ БЫ

Команда Найала Миллса, 34-летнего инженера (в Англии он несколько лет занимался водопроводом, теперь строит железную дорогу), изучает пожелания работников Ольштынского городского управления водопровода и канализации.

Это крупная фирма, в ней занято более 400 человек. Как управлять ею современными методами — вот что хотел бы знать ее директор Веслав Панцер.

Найал Миллис готовит для нее стратегию стимулирования коллектива. Сейчас он с помощью коллег из ЛШБ проводит беседы с работниками всех уровней. Они уже расспросили заместителя директора, сотрудников среднего звена, представителей профсоюзов. Самое время поинтересоваться, что скажут рабочие на местах.

Машинист насосной станции, водозабор Каролин:

— Воду мы берем из колодца в Вадонге. Я перекачиваю ее в резервуары. Потом она проходит через фильтры и очищается. Чистую воду направляю в город.

147 тысяч литров ежемесячно он направляет в один только лицей №3.

Машинист только что заполнил анонимную анкету. Ответил на вопросы:

— Как часто он видит директора и хочет ли видеть его чаще? (Не хочет).

— Что создает больше всего проблем в работе?

— Что он изменил бы, получив волшебную палочку?

— Задавая последний вопрос, я намерен узнать, чего люди вправду хотят: к примеру, повышения зарплат, более современных машин, — разъясняет Найал Миллис. — Благодаря волшебной палочке они перестают думать только о том, что, по их мнению, и так можно изменить.

40-летний Гжегож Шиманский, машинист насосной станции, водозабор Ликусы:

— Я полжизни провожу на насосной станции. Рядом лес, озеро. Наше здание, мне кажется, не гармонирует с окружающим пейзажем. Я бы деревья здесь посадил, а станцию перекрасил бы в какие-нибудь пастельные не агрессивные тона. У себя дома я сам сделал фасад — в духе вармийской архитектуры.

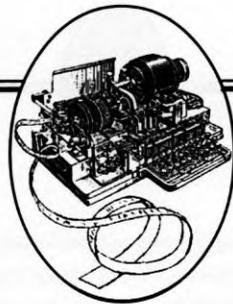
■ ВСЁ СПРАШИВАЛИ ДА СПРАШИВАЛИ

Большая группа иностранцев из 16 стран мира (от Бельгии до Кении), одетых в костюмы и платья-костюмы, вызвала в Ольштыне беспокойство...

— А не связан ли как-то этот визит с Евросоюзом? — интересуется Гжегож Шиманский.

...и разочарование:

— Всё спрашивали да спрашивали, — сердится машинист со станции Каролин. — А я хотел бы знать, какие у них там в мире водопроводы имеются. Вода какая? Потому как у нас в Ольштыне она кристальная. И по вкусу самая лучшая.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

☛ Президент Александр Квасневский: «То, что происходит сейчас в Москве, можно назвать жесточайшим проявлением терроризма, и это вызывает у нас чувство глубокой скорби (...) В настоящий момент я могу лишь выразить соболезнования президенту России Владимиру Путину и всему российскому народу. Хотелось бы также заявить о нашей солидарности с заложниками и их семьями (...) [Российское] руководство оказалось перед лицом драматических событий, и, вероятно, его ждут очень непростые решения». (*«Жечтосполита»*, 25 октября)

☛ Уже спустя несколько часов после теракта в Москве комендант варшавской полиции связался с офицером, ответственным за безопасность посольства России, и предложил усилить охрану российских дипломатических представительств. Российская сторона проявила заинтересованность в сотрудничестве с польской полицией. В районе посольства и резиденции дипломатов появились усиленные патрули. На стоянках возле российских представительств запрещено ставить машины, не имеющие специального разрешения. (*«Жечтосполита»*, 25 октября)

☛ Польский МИД сделал заявление, в котором он осуждает «акт насилия, совершенный группой вооруженных чеченских террористов», выражает солидарность с жертвами теракта и заверяет российские власти в поддержке. В то же время МИД выразил убеждение, что чеченский конфликт «можно урегулировать только мирным путем». (*«Жечтосполита»*, 26-27 октября)

☛ Варшава сочувствует россиянам. Спустя несколько дней после штурма Театрального центра отрядами спецназа перед российским посольством в Варшаве все еще горели многочисленные лампы, зажженные и поставленные там варшавянами в память о жертвах. (*«Газета wyborcza»*, 28 октября)

☛ «Польская гуманитарная акция» Янины Охойской, уже много лет оказывающая гуманитарную помощь Чечне, организовала сбор денег для детей, осиротевших в результате московской трагедии. «Мы помогаем всем сторонам трагедии. Жертвы есть повсюду», — говорит Янина Охойская. (*«Газета wyborcza»*, 30 октября)

☛ Лешек Колаковский: «Чеченцы — жертвы России, а жертвы имеют право мстить. Однако месть не может быть слепой: нельзя мстить невинным людям. Не существует чего-то такого, как коллективная ответственность, каждый русский не может быть объектом мести. Люди, захватившие московский Театральный центр (...) действуют как палестинские террористы, взрывающие себя на улицах Израэля». (*«Газета wyborcza»*, 26-27 октября)

☛ Збигнев Бжезинский: «Трагические события в Москве, жертвами которых стали невинные россияне, — непосредственный результат равнодушия мира к истреблению маленького народа. Из этой ситуации есть только один выход: Кремль должен понять то, что американцы поняли во Вьетнаме, а французы — в Алжире». (*«Газета wyborcza»*, 25 октября)

☛ 4402 чеченца попросили политического убежища в Польше. Убедить польские власти в том, что на родине им грозит реальная опасность, удалось лишь 382-м из них. 1458 беженцам из Чечни Польша отказала в политическом убежище. 1200 чеченцев, ожидавших получения беженского статуса, не стали дожидаться решения: скорее всего, им удалось нелегально проникнуть на Запад. (*«Жечтосполита»*, 26-27 октября)

☛ «Польша — член антитеррористической коалиции, поэтому мы должны проследить, чтобы чеченцы, пользующиеся в Польше невероятной благосклонностью, не создали в нашей стране базы для очередных терактов. Мы должны обращать особое внимание на чеченцев, просящих у нас политического убежища, а также на деятельность кругов, выступающих за свободный Кавказ», — утверждает Лукаш Важеха, на что Бронислав Вильдштейн отвечает: «Российские власти будут уничтожать чеченцев, называя их террористами. Впрочем, эту терминологию они используют постоянно. То, что Западная Европа из трусости, во имя своих близоруких интересов начинает прилагать к этому руку, — тема для отдельного разговора. Однако призывать поляков присоединиться к этому фронту — просто позор». (*«Жечтосполита»*, 4 ноября)

☛ Пресс-секретарь МИДа Богуслав Маевский: «Нашему послу в Москве была вручена нота, в которой Россия требует закрыть чеченские инфор-



мационные центры, действующие на территории Польши. Однако до тех пор, пока эти центры действуют в рамках закона и не нарушают его, у нас нет оснований ограничивать их деятельность». В Польше существуют, в частности, чеченские информационные центры в Кракове и Варшаве, комитет «Польша — Чечня» в Варшаве и комитет «Свободный Кавказ» в Кракове и Познани. (*«Жечпосполита»*, 6 ноября)

☞ Президент Александр Квасневский: «В Польше чеченцы пользуются строго определенными правами. [Чеченские информационные] центры действуют в соответствии с польским законодательством. Мы контролируем ситуацию. Если окажется, что от чеченских кругов в Польше исходит угроза терроризма, мыотреагируем немедленно. Мы должны солидарно искоренять бич терроризма». (*«Ньюсуик-Польша»*, 10 ноября)

☞ Согласно опросу ЦИМО, 80% поляков считают, что между Польшей и Россией возможны добрососедские партнерские отношения (в 2000 г. — 69%), и лишь 17% придерживаются противоположного мнения. 73% считают возможным примирение с украинцами (в 2000 г. — 64%); 25% не согласны с этим. (*«Жечпосполита»*, 29 октября)

☞ Из последнего доклада Восточного института «Россия-2002. Доклад о преобразованиях», подготовленного группой польских и российских экспертов, следует, что за последние два года отношения между Россией и странами Центральной и Восточной Европы стали более оживленными. (*«Жечпосполита»*, 29 октября)

☞ Епископ Ежи Мазур, высланный из России 19 апреля: «Случилось так, что родина стала местом моей ссылки, моего изгнания. Раньше людей ссылали в Сибирь — теперь их туда не пускают. Когда-то родители молились, чтобы их сын вернулся из Сибири. Я же сказал моей маме: «Ты, наверное, единственная польская мать, которая молится, чтобы ее сын попал в Сибирь»». (*«Жечпосполита»*, 12-13 октября)

☞ Размышлениям о польской и русской душе была посвящена прошедшая в Москве совместная конференция польских и российских историков, политологов или литературоведов. Участники конференции единодушно согласились с тем, что причины различий коренятся в XIX веке. (*«Газета выборча»*, 12-13 октября)

☞ Место захоронения 18 польских офицеров было обнаружено в Мельниках под Шацком (Украина). Офицеры попали в плен в сентябре 1939 г. во время боев с частями 52-й стрелковой дивизии полковника Руссайнова, а затем были расстреляны на глазах польских солдат. Теперь, спустя 63 года, их прах эксгумирован и предан земле на кладбище в Мельниках. (*«Жечпосполита»*, 9-11 ноября)

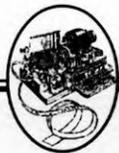
☞ Депутат Ян Халадай («Союз демократических левых сил») блокировал принятие комиссией Сейма по иностранным делам предложения, касающегося нарушений прав человека в КНР. Фирма Халадая ведет торговлю с Пекином. (*«Тыгодник повсехний»*, 20 октября)

☞ После продолжавшейся всю среду оккупации трибуны Сейма депутатом Габриэлем Яновским («Лига польских семей») в четверг то же самое проделал Анджей Леппер и его люди из «Самообороны». Вице-маршал Томаш Наленч исключил их из прений и, бессильный перед лицом подобного явления, объявил перерыв в работе Сейма до 28 октября, т.е. до первого дня после выборов в органы местного самоуправления. (*«Газета выборча»*, 18 октября)

☞ Регламент Сейма будет изменен таким образом, чтобы отдельные депутаты не могли парализовать его работу. Такое решение приняли представители всех парламентских фракций на заседании Конвента старейшин. Президент Александр Квасневский пригласил на консультацию представителей всех парламентских группировок за исключением «Самообороны». (*«Жечпосполита»*, 26-27 октября)

☞ По данным опроса института исследований общественного мнения и рынка «Пентор», 70% поляков считают, что недисциплинированных депутатов нужно удалять из зала заседаний силой. 17% — против этого. В то же время 84% поляков выступают за введение обязательной психиатрической проверки кандидатов в депутаты и сенаторы. (*«Впрост»*, 27 октября)

☞ Проф. Лена Колярская-Бобинская, директор Института общественных вопросов: «За последние годы доверие к Сейму уменьшилось с 50 до 16-20%. Лишь каждый пятый поляк доверяет своему парламенту. Поляки все меньше доверяют также правительству, органам местного самоуправления и правосудию. При столь большом потенциале недоверия очень легко пускают корни популистские движения. Поляки ценят демократию, но считают, что она плохо функционирует, ее институты недействительны, враждебны человеку, а политический класс обособлен и руководствуется собственной выгодой. В то же время осознание гражданских прав и обязанностей, желание осуществлять их находится в Польше на очень низком уровне (...) У поляков все меньше желания участвовать в работе неполитических движений, школьных и церковных комитетов, общественных организаций. Таким образом, в обществе нарастает апатия». (*«Газета выборча»*, 2-3 ноября)



☞ Проф. Бронислав Геремек: «Иногда мы с изумлениемзираем на нашу политическую сцену и спрашиваем себя: как это могло случиться? И все же не будем забывать, что Польша продолжает оставаться демократической страной с рыночной экономикой, членом европейских организаций и союзов. Те, кто думает иначе, составляют лишь одну пятую общества, не более того. Я сожалею, что эта одна пятая существует, и думаю об этом с горечью, но, подводя итог, убеждаюсь, что он еще не так ужасен (...) Польша играет важную роль в регионе. Это не роль сверхдержавы: для этого у нас нет достаточного экономического и политического потенциала. Однако наша страна может помочь другим (...) Среди посткоммунистических стран региона нас воспринимают как способных помочь советом, политической, и не только политической, поддержкой. Это наш шанс (...) Это элемент реалистической политики, которая может сослужить миру хорошую службу». («Газета wyborcza», 19-20 октября)

☞ Бронислав Геремек награжден орденом Белого Орла. Президент удостоил его этой высшей награды за выдающиеся заслуги перед Польской Республикой. Геремек был советником «Солидарности»; после введения в 1981 г. военного положения был интернирован. Позднее участвовал в подготовке соглашений «круглого стола», а в бытность министром иностранных дел добился приема Польши в НАТО. («Жечпосполита», 7 ноября)

☞ На выборах в органы местного самоуправления всех уровней больше всего депутатских мандатов получил «Союз демократических левых сил» (СДЛС). Всего мандатов было 39 978, а распределились они следующим образом: коалиция СДЛС — «Уния труда» — 4816; крестьянская партия ПСЛ — 4077; «Самооборона» — 988; «Лига польских семей» — 779; «Право и справедливость» — 207; «Гражданская платформа» — 82. Остальные комитеты, официально не связанные с политическими партиями и зачастую имеющие только локальное влияние, получили почти 29 тыс. мандатов в советах гмин. Явка на выборы составила 44,23%. («Газета wyborcza», 8 ноября)

☞ «Часть СДЛС хочет создавать локальные коалиции с «Самообороной», а «Гражданская платформа» и «Право и справедливость» сотрудничают с СДЛС предпочитают альянсы с «Лигой польских семей» (...) «Самооборона» и «Лига» — это не только люди, но и символы, символы радикальных врагов демократии (...) Сотрудничество с ними ведет к недооценке зла (...) и создает у многих избирателей иллюзию, что по сути дела это такие же

партии, как и все другие, — разве что более необузданные (...) В Польше нет согласия не только в том, как поступать с экстремистами, но и в том, кто они. Определение зависит от сиюминутных интересов. Часть политиков называет это реализмом, однако, для меня реализм, допускающий к власти «Лигу» и «Самооборону», — это не просто глупость. Это ошибка простофиль — усиливать своих подлинных врагов». (Яцек Бейлин, «Газета wyborcza», 7 ноября)

☞ Из 2478 войтов и президентов (мэров) городов избраны 1272. Остальные будут избраны во втором туре. («Впрост», 10 ноября)

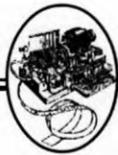
☞ Президентом Варшавы избран бывший министр юстиции Лех Качинский (72% во втором туре). Ему доверяют 59% поляков, благодаря чему в рейтинге политиков он занимает второе место после президента Александра Квасневского (82%). По мнению Александра Квасневского, Лех Качинский несомненно становится лидером правой части политической сцены: «Несмотря на то, что я не согласен со взглядами братьев Качинских, я вижу их последовательность в политике на протяжении многих лет. Часто они проигрывали, чтобы потом победить. Сегодня у них есть шанс создать в Польше современные европейские правые силы». («Ньюсуик-Польша», 10 ноября)

☞ Начиная с 1989 г. из эмиграции вернулось около 60 тыс. поляков. Чаще всего возвращаются люди 30-40 лет, так как общественно-политические и экономические преобразования порождают в них надежду на продолжение карьеры в Польше. 38% реэмигрантов считают, что в Польше им живется лучше, чем за границей, 27% — что приблизительно так же, а 19% — что хуже. («Газета wyborcza», 15 октября)

☞ Польские мужчины живут на 4 года дольше, чем в начале 90-х. Средняя продолжительность жизни женщин возросла за это время на 3 года. Средняя продолжительность жизни мужчин составляет почти 70 лет. Женщины, по статистике, живут на 7 лет дольше. («Жечпосполита», 10 октября)

☞ По данным Государственного института гигиены, Польше потребуется 55 лет, чтобы число смертей, вызванных раком шейки матки, сократилось до европейского уровня, и 17 лет, чтобы ограничить до этого уровня смертность, связанную с болезнями системы кровообращения. («Газета wyborcza», 10 октября)

☞ Польша и девять других стран будут готовы вступить в Европейский союз в 2004 г. — таково мне-



ние, представленное странам ЕС Европейской комиссией. Однако в докладе комиссии есть и множество критических замечаний. Критика касается, в частности, неумелого управления, коррупции в системе правосудия, отсталого сельского хозяйства и слабого контроля за качеством пищевых продуктов. («Жечтсполита», 10 октября)

☛ В будущей объединенной Европе Польша, насчитывающая 38,646 млн. жителей, окажется на 6-м месте по численности населения — между Испанией с населением 39,42 млн. человек и Голландией (15,81 млн.). («Газета wyborча», 10 октября)

☛ «После 1989 г. Польша приложила огромные усилия, чтобы сократить разрыв, отделяющий нас от цивилизованных стран (...) За это время было создано свыше 2 млн. частных фирм. Сегодня они дают 70% национального дохода (...) Однако в конце 90-х темпы экономических преобразований заметно снизились (...) Символом нашего сегодняшнего положения можно назвать тот факт, что мы купили несколько миллионов новых автомобилей, но не построили автострад или хотя бы просто приличных дорог (...) Недавний доклад ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) прямо призывает польское правительство реформировать рынок труда и перечисляет тревожные симптомы, тормозящие наш экономический рост: самое высокое в группе стран ОЭСР налогообложение зарплаток — даже выше, чем во Франции; пособия по инвалидности, на 30% превышающие среднюю величину по Евросоюзу; непомерно разросшаяся защита трудящихся; приостановка приватизации». (Александр Качоровский, «Ньюсуик-Польша», 10 ноября)

☛ По данным «Transition Report 2001», доля частного сектора в ВВП составляет в Польше 75%, в Чехии и Венгрии — по 80, в России — 70, на Украине — 60, в Белоруссии — 20%. («Впрост», 13 октября)

☛ Цезарий Банасинский, директор Управления защиты конкуренции и потребителя: «Железные дороги, почта, «Польская телекоммуникация» — это бельмо на глазу польской экономики. Их господство на рынке негативно сказывается на всей экономической системе. В нынешних условиях демонополизация будет весьма нелегкой задачей. Монополии укрепились, законсервировались, и разбить их будет очень трудно». («Ньюсуик-Польша», 10 ноября)

☛ В первом полугодии объем прямых иностранных инвестиций в Польшу составил 3,23 млрд. долларов, т.е. столько же, сколько в аналогичный пе-

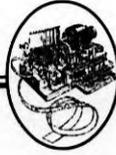
риод прошлого года. По данным консультационной фирмы «АТ Кеагней», по привлекательности для инвесторов Польша занимает 11-е место. Чехия, Венгрия и Россия занимают соответственно 14-е, 16-е и 17-е места. («Газета wyborча», 18 октября)

☛ В 1992-1996 гг. польские компании «Центрэк» и «Стео» отправили по меньшей мере 15 нелегальных транспортов с оружием, стоимость которого по накладным составила около 4,5 млн. долларов. Его рыночная стоимость была значительно выше. Гданьская прокуратура возбудила следствие, однако Военная информационная служба скрыла истинную роль, которую сыграли в этом деле ее офицеры и сотрудники. Некоторые офицеры ВИС, замешанные в этой операции или в ее сокрытии, до сих пор работают в информационной службе и даже пошли на повышение. («Жечтсполита», 22 октября)

☛ Верховный суд оставил в силе приговор, вынесенный подполковнику Чеславу К., который был осужден на четыре года лишения свободы и разжалование за шпионаж в пользу СССР и России. В 1998 г. были арестованы три офицера, подозреваемые в подобных действиях. Второй из них, подполковник Збигнев П., был приговорен к трем годам тюрьмы и разжалованию в 2001 г. Процесс третьего офицера продолжается по сей день. («Жечтсполита», 16 октября)

☛ Президент Александр Квасневский подписал дополнение к закону о люстрации, согласно которым люстрация не будет распространяться на сотрудников разведки, контрразведки и погранохраны ПНР. Это означает прекращение люстрационных процедур в отношении нескольких ведущих политиков СДЛС. («Тыгодник повсехний», 27 октября)

☛ «Это уже становится правилом: в государственных СМИ нет места бывшим агентам. Совсем иначе дело обстоит в политике, хотя в обоих случаях у власти стоят представители одних и тех же политических кругов (...) Человек, признавшийся в сотрудничестве со спецслужбами, теряет работу, несмотря на то, что этого не требует ни один закон. Анджей Длугош, председатель контрольного совета Польского радио: «Таково негласное правило, хотя никто никогда его не устанавливал». (...) Владзимеж Чажастький, секретарь Всепольского совета телевидения и радиовещания: «Государственные СМИ — это особо чувствительная материя, поэтому будет лучше, если лица с агентурным прошлым поищут себе место в других отраслях». («Жечтсполита», 14 октября)



☞ Антонио Мартинес да Коста, бывший вице-президент «Всеобщего страхового агентства», в чьем кабинете было обнаружено подслушивающее устройство: «Я сделался недоверчивым, однако вскоре понял, что подобная подозрительность может перерасти в паранойю. Тогда начинаешь думать: «Ладно, у меня в кабинете подслушка, а где еще она может быть? В сотовом телефоне? А может, дома?» Потом в голову приходит, что раз в твоей служебной машине для большей безопасности установлена система GPS, то можно следить, куда ты едешь, с кем встречаешься. Все это ведет к паранойе. Но ведь мы не в Чечне живем (...) Я профессиональный менеджер, а не политик. Поэтому я начал задумываться, что я здесь делаю, и в конце концов сказал себе: «Все. Хватит!». Да Коста ушел из агентства. (*«Жечпосполита»*, 18 октября)

☞ Президент Александр Квасневский: «Часто поляки ведут себя так, словно думают, что весь мир нас любит. Тем временем огромное большинство людей равнодушно к Польше, а есть и такие, кто имеет к ней всевозможные претензии». (*«Впрост»*, 27 октября)

☞ Юлия Тимошенко, лидер украинской оппозиционной партии «Батькивщина»: «Я считаю, что президент Квасневский — превосходный адвокат Украины на Западе, и ценю его за это. Однако я бы предпочла, чтобы он реже целовался с Кучмой и больше интересовался нами». (*«Впрост»*, 20 октября)

☞ Виктор Ющенко, бывший премьер-министр Украины, лидер оппозиционного блока «Наша Украина»: «Польский «круглый стол» 1989 г. был прекрасным примером того, как с помощью диалога преодолевать принципиальные разногласия между властью и демократической оппозицией. Я думаю, что благодаря инициативе Польши подобный процесс обмена мнениями уже начался между властью и оппозицией Украины (...) Варшавская конференция стала для нас важным средством связи с миром и с собственным обществом». (*«Впрост»*, 27 октября)

☞ Украинский писатель, публицист, переводчик польской литературы Микола Рябчук и Яцек Куронь стали лауреатами Премии польско-украинского примирения. Специальной премией был отмечен также польско-украинский батальон, участвующий в миротворческой миссии на Балканах. (*«Жечпосполита»*, 21 октября)

☞ Впервые в послевоенной истории Польши состоялась встреча высших иерархов Греко-Католической и Православной Церквей. Православный архиепископ Абель и греко-католический епископ Владимир стали сопредседателями совместной ко-

миссии, деятельность которой должна стать христианским свидетельством поисков единства в разделенном мире. (*«Жечпосполита»*, 5 ноября)

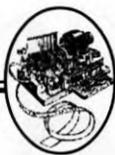
☞ Траурной церемонией перед памятником узникам Центрального трудового лагеря в Явожно была отмечена 55-я годовщина операции «Висла» (массовой высылки украинцев в северную и западную Польшу). В 1947-1949 гг. в этом лагере содержались в заключении около 4 тыс. украинцев, в т.ч. женщины и дети. 161 человек погиб из-за плохих условий и жестокого обращения. Памятник жертвам лагеря открыли четыре года назад президенты Польши и Украины. Польский союз украинцев требует специальных пенсий для жертв депортации. Компенсации следовало бы выплатить прежде всего 168 украинцам, содержавшимся в Явожно без приговоров суда. (*«Газета wyborca»*, 7 октября)

☞ Руководство Польского союза украинцев напоминает, что до сих пор не принято решение о компенсациях украинцам, сидевшим после войны в трудовом лагере в Явожно, не принят закон о реприватизации и не увековечены многие места мученической смерти украинцев. (*«Жечпосполита»*, 24 октября)

☞ Проф. Мирослав Маринович, проректор Львовской богословской академии, во время совместной молитвы украинцев и поляков на львовском Лычаковском кладбище у могил польских и украинских солдат, погибших в братоубийственных боях 1918-1919 гг.: «Было время, когда украинцы молили Бога спасти их от поляков, а поляки молились, чтобы Бог спас их от украинцев. Настало время вместе помолиться Святому Духу, чтобы Он очистил сердца и тех и других». (*«Газета wyborca»*, 2-3 ноября)

☞ Преступления в Едвабне и Радзилове не были единичными случаями. Летом 1941 г., в первые недели гитлеровской оккупации, по меньшей мере в 30 местностях Белостокской земли поляки устроили массовые погромы своих соседей-евреев. Такими результаты расследований историков из Института национальной памяти, опубликованные в книге «Вокруг Едвабне». (*Андрей Качковский, «Жечпосполита»*, 2-3 ноября)

☞ «Тысячи польских семей разбогатели во время войны, когда люди массово занимали опустевшие еврейские магазины и квартиры (...) По сей день в Польше это запретная тема, по сей день такое происхождение [польских капиталов] отрицательно сказывается на нашем коллективном сознании». (*Андрей Качковский, «Ньюсуик-Польша»*, 10 ноября)



☛ О. Станислав Мусьял, иезуит, на конференции «Януш Корчак: новая антропология воспитания», состоявшейся 19-21 сентября в Варшавском университете: «Среди шести миллионов евреев, убитых нацистами и их приспешниками, было полтора миллиона детей. Можно ли представить себе весь ужас в глазах этих детей, всю тяжесть их страданий в минуту смерти?» («Тыгодник повсехний», 13 октября)

☛ Одиннадцатое братское кладбище немецких солдат, погибших в Польше во время II Мировой войны, открылось в Надолицах под Вроцлавом. На кладбище похоронены 13 тыс. солдат Вермахта, ранее покоившихся в могилах, рассеянных по всей Нижней Силезии. О нем, как и о других подобных кладбищах, заботится Немецкий народный союз опеки над воинскими могилами. («Жечпосполита», 7 октября)

☛ 16 старых бункеров и штолен, в которых зимуют летучие мыши по обе стороны польско-немецкой границы, были защищены от посторонних, способных нарушить зимнюю спячку этих животных. Соответствующие работы были проведены совместно войсками польской саперной бригады из Бжега и немецкой 70-й саперной бригады из Гери при поддержке учреждений и организаций по охране природы в обеих странах. Проект полностью финансировался немецкой стороной. («Газета wyborча», 4 ноября)

☛ Согласно опросу ЦИМО, 41% поляков утверждают, что оказывают помощь людям в тяжелой жизненной ситуации. 59% не занимаются подобной помощью. Лишь в последнее время 61% поляков включились в акции помощи, организованные благотворительными организациями. («Жечпосполита», 11 октября)

☛ Премьер-министр Лешек Миллер поручил поморскому воеводе предоставить о. Генрику Янковскому концессию на добычу янтаря, необходимого для строительства огромного алтаря в гданьской базилике Св. Бригитты. Янтарный алтарь создается там уже два года. Алтарь будет иметь 12 м высоты и 7 м ширины; для его создания понадобится 8 тонн янтаря. («Газета wyborча», 2-3 ноября)

☛ Гостиами 319-й пленарной сессии конференции епископата Польши стали государственный секретарь Ватикана Анджело Содано и польский министр финансов Гжегож Колодко, который информировал епископов об экономическом и финансовом положении государства. («Тыгодник повсехний», 20 октября)

☛ Депутат Зита Гилёвская («Гражданская платформа») во время обсуждения бюджета в Сейме: «В конце 2001 г. государственный долг Польши в пересчете на душу населения составил 7,8 тыс. злотых. В этом году он составляет уже 9,3 тыс. зл. Если так пойдет и дальше, то через год он достигнет 10,2 тыс. зл.» («Газета wyborча», 21 октября)

☛ Вице-премьер и министр финансов Гжегож Колодко, участвовавший в знаменитом нью-йоркском марафоне, занял 8501-е место. («Тыгодник повсехний», 10 ноября)

☛ В присутствии президента Александра Квасневского и генерального секретаря Европейского союза Хавьера Соланы министр иностранных дел Владзимеж Цимошевич вручил зачетные книжки первым 37 слушателям Дипломатической академии министерства иностранных дел. Идею создания этого учебного заведения подал в 1990 г. первый министр иностранных дел Третьей Речи Посполитой Кшиштоф Скубишевский. («Жечпосполита», 17 октября)

☛ Януш Войцеховский, вице-маршал Сейма, бывший председатель Высшей контрольной палаты (ВКП): «Образ польского законодательства, вырисовывающийся из докладов ВКП, все более мрачен: более 400 недостающих актов органов исполнительной власти, многочисленные бреши в законах, решения, ведущие к общественным и экономическим патологиям, к коррупции. А выводы ВКП, касающиеся исправления плохого законодательства, куда-то исчезают из докладов». («Жечпосполита», 7 октября)

☛ Рышард Капустинский: «Можно говорить и писать на любую тему, однако это никого не волнует (...) Впрочем, то, что ты скажешь, все равно утонет в шуме». («Газета wyborча», 10 октября)

☛ Вот уже семь лет маленькая дворняжка по кличке Блесь сопровождает во время работы почтальона из Порая под Ченстоховой. Каждый рабочий день в полдевятого утра, невзирая на погоду, Блесь ждет перед почтой, а затем вместе с почтальоном преодолевает 18-километровую трассу. Польская почта выделила Блесью две фирменные миски и высококачественный корм. («Газета wyborча», 25 сентября)



Гжегож Вуйтович

УЖЕ НЕПЛОХО, НО МОЖНО ЛУЧШЕ

«Саммит Земли», состоявшийся недавно в Йоханнесбурге (ЮАР), проходил, в частности, под лозунгом «устойчивого развития», которое, как предполагается, должно обеспечить улучшение условий жизни во всем мире. Это неплохой повод, чтобы задаться вопросом: каково же сегодня место Польши в этом мире? Мы находимся в первой десятке по таким показателям, как производство ржи, картофеля, сахарной свеклы и поголовье свиней, а также добыча самородной серы, бурого и каменного угля и производство рафинированной меди. Однако здесь есть и свои тонкости. Общая позиция страны определяется объемом ее внутреннего валового продукта (ВВП), а ВВП Польши в пересчете на покупательную способность дает нам 24-е место в мире, 7-е — в расширенном Евросоюзе.

Анализ множества показателей, которые можно найти в доступной международной статистике, доставляет некоторое количество приятных ощущений, но и, увы, неприятных разочарований. В предыдущем десятилетии мы достигли высокого годового темпа роста доходов на душу населения: 4,5%. В этом отношении нас опередило только 12 стран, в том числе одна-единственная европейская — Ирландия. Таким образом, доход на душу населения, измеряемый покупательной способностью, достиг в Польше 9 тыс. долларов. Однако по этому показателю мы занимаем лишь 74-е место среди 207 стран, насчитывающихся сегодня в мире. В расширенном Евросоюзе мы будем плестись в хвосте вместе со странами Прибалтики.

Стоит напомнить, что в 90-е годы мы переживали глубокий спад объема производства и радикальные изменения его структуры. Затем темпы роста были весьма быстрыми, хотя соображения устойчивости потребовали в конце концов замедления динамики роста. Это десятилетие мы начинаем с более низких темпов роста, хотя это не обязательно означает, что его результаты будут хуже предыдущего.

Экономическая сбалансированность улучшилась в нескольких отношениях. В предыдущем десятилетии годовой рост цен в Польше превышал 23%. По показателям инфляции мы скатились на 136-е место в мире. Теперь у нас инфляция очень низкая. Оживилась внешняя торговля, но по-прежнему отношение ее объема к ВВП (51%) довольно низкое, что ставит Польшу на 118-е место в мире.

Мы пережили трудный период глубокого дефицита в текущих платежах по расчетам с зарубежными странами. В 2000 г. дефицит, достигавший 6,3% от ВВП, вытеснил нас на 110-е место в классификации стран по степени сбалансированности внешнеторгового оборота. Теперь более низкий дефицит позволил нам передвинуться в середину списка европейских стран. У нас не было проблем с финансированием, так как значительный приток прямых зарубежных инвестиций, составляющий в последнее время 5,9% от ВВП, позволял нам занимать 40-е место в мире и 13-14-е — в Европе (с учетом как членов ЕС, так и кандидатов на вступление).

Будучи открытой страной, мы приняли в этом году 17 млн. туристов, что позволило нам подняться на 12-е место в мире. Хуже дело обстояло с доходами по этой статье: туристы оставили у нас больше шести миллиардов долларов, что соответствует 22-й позиции в мировом рейтинге.



Мы имели возможность в очередной раз убедиться, что экономический рост невозможен без качественной инфраструктуры. Состояние польских дорог известно каждому из нас — здесь нас опережают 58 стран. Совершив в последние годы резкий скачок в области средств связи, мы дошли до цифры 456 телефонов на 1000 жителей. Лучше дело обстоит в 60 странах. Во всех странах ЕС на одного жителя приходится более чем по одному телефону. В Польше на 1000 жителей приходится 69 компьютеров. Здесь впереди нас 56 стран, а в странах ЕС на 1000 жителей — не меньше 300 компьютеров.

Экономическое развитие не должно разрушать и загрязнять природную среду обитания. Нам удалось сохранить леса более чем на 30% общей площади страны, что более или менее соответствует средневропейскому показателю. Однако мы не должны забывать, что запасы воды у нас невелики: 1630 м³ на душу населения. Это соответствует всего лишь 134-му месту в мире и 20-му — в расширяющейся Европе. Ускоренные темпы индустриализации не прошли даром: эмиссия углекислого газа на душу населения составляет у нас 8,3 тонны в год. Было еще хуже, но успехи в этой области не меняют того факта, что все равно этот показатель слишком высок — хотя в 33 странах дело с этим обстоит еще хуже, чем у нас.

Сколько бы, впрочем, ни рыться в статистических данных, всегда в конечном итоге самыми важными оказываются цифры, характеризующие жизнь человека, причем в самом буквальном смысле. В мире все еще есть страны, где младенческая смертность на 1000 живых новорожденных достигает устрашающих цифр, доходя даже до 163. В Польше умирают 9 новорожденных на 1000, но в Швеции соответствующий уровень смертности удалось ограничить до трех. Дольше всех в мире живут японцы — в среднем 81 год. В этом списке Польша, где средняя продолжительность жизни составляет 73 года, опережает 58 стран.

Мне представляется, что в быстро меняющемся мире мы занимаем крайне сильно разнящиеся места в рейтингах в зависимости от принятых критериев, что прежде всего указывает на возможности дальнейшего улучшения. Многочисленные новые вызовы бросает нам будущее членство в Евросоюзе. Польша — самая крупная страна из десяти первоочередных кандидатов в ЕС, и нам еще многое предстоит сделать в области улучшения качества жизни, состояния окружающей среды и сбалансированности экономики. На решение этих задач могут потребоваться многие годы, поэтому процесс дальнейших перемен, то есть глубоких структурных преобразований, должен продолжаться без излишнего промедления. Вместо того, чтобы слышать уже набившую оскомину рекламную фразу «Поляк? Этот может!», хотелось бы просто услышать, что поляки постарались — *и смогли*.

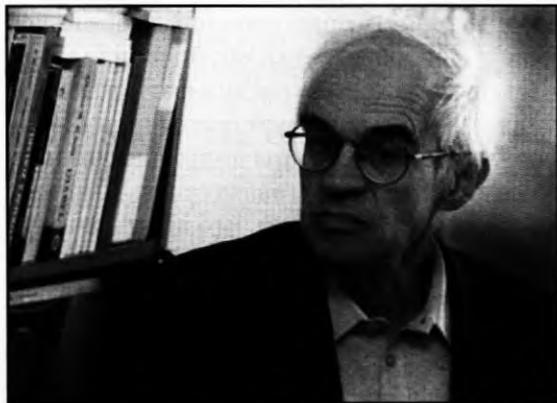

RZECZPOSPOLITA

Гжегож Вуйтович — известный экономист, специалист по банковскому делу, член Совета монетарной политики.



ЧЕЛОВЕК СТА ЯЗЫКОВ

Беседа с Иренеушем Каней



Иренеуш Каня (1940 г.р.), по образованию романист. Писатель и переводчик. В Польше вышли, в частности, его переводы с иврита («Зогар»), тибетского («Тибетская книга мертвых»), португальского и др. Публикует статьи и научные труды на стыке музыковедения и философии, а также филологии и богословия. Живет и работает в Кракове.

— Семьсот лет назад в андалузском городе Толедо жил и царствовал король Альфонс X Мудрый — правитель, сумевший создать атмосферу веротерпимости и сосуществования множества культур. В Толедо съезжались мыслители со всей Европы, Северной Африки и даже из Багдада. Там возникла знаменитая школа переводчиков, где древнегреческие тексты переводили на латынь и, что более любопытно, на западноевропейские языки. Один современный албанский поэт сказал, что переводчик — это посредник между культурами, то есть человек, несущий мир. Можно ли сказать, что вы подобным образом относитесь к своей работе?

— Не могу сказать, что это основной принцип моей работы, хотя я, разумеется, знаю и разделяю это мнение. Переводчики всегда играли эту роль и будут продолжать играть ее. Каков сегодня мир и в каком направлении он движется, все мы видим. Парадоксальным образом эта роль будет приобретать все большее значение. Казалось бы, сегодня мы имеем дело с тенденциями, нивелирующими культурные различия, но, с другой стороны, наблюдаются совершенно противоположные, местнические тенденции. Люди замыкаются в небольших общностях, причем нередко замыкаются весьма агрессивно. Сегодня мы сталкиваемся с усилением течений, ставящих во главу угла обособленность — как в культуре, так и во всей цивилизации.

Много лет назад, когда я начинал свою профессиональную деятельность, я не задумывался о таких вещах, как миссия переводчика. Исходным побуждением было мое личное удовольствие. Еще в университете, выбрав романскую филологию, я начал переводить Данте и Петрарку. Я был настолько увлечен их поэзией, что мне захотелось услышать ее на нашем родном языке. Я старался увидеть, возможно ли это и какого звучания можно достигнуть. Потом появились и иные побуждения, в том числе и то, о котором мы говорили выше. Я осознал, что труд переводчика, тяжелый, кропотливый, лишенный видимой эффективности, чрезвычайно важен. Он приобретает все большее значение в области преодоления различных предубеждений, стереотипов, фобий и будет развиваться в направлении создания атмосферы доверия, понимания, а иногда, быть может, и симпатии между людьми и народами.

— Вы знаете больше двадцати языков — обычному человеку такое количество кажется просто невообразимым. Вы переводите с санскрита, тибетского, иврита, пали. Это чуждые европейцу языки, за которыми стоят культуры, тоже чрезвычайно далекие от нашей, а ведь слово — это явление прежде всего семантическое. Скажите, изучая эти языки, вы были вынуждены так же досконально узнать культуру этих народов?



— С восточными культурами это неизбежно: их тексты есть не что иное, как порождение культуры. Невозможно перевести санскритский или тибетский текст, не будучи знакомым со всем их культурным, религиозным и философским контекстом. На Востоке сферы светской и религиозной мысли не отделены друг от друга. Литературные произведения перенасыщены религиозными элементами, аллюзиями и отсылками к истории и мифологии. Например, в кругу буддизма, чрезвычайно мне близком, где я работаю уже десятки лет, философия и религия составляют единое целое, и лишь из этой почвы вырастает культура. Чтобы переводить тибетские тексты, нужно глубоко проникнуть в самые корни буддизма. Когда занимаешься восточными цивилизациями, углубленное изучение всего культурного контекста — условие *sine qua non* переводческой работы.

— *А сталкиваетесь ли вы с просто непереводимыми понятиями? Ведь это же не только проблема перевода идиоматических выражений — существуют огромные различия в шкале ценностей. Мы живем в «цивилизации развития», а народы Азии — в «цивилизации неизменного пребывания». Насколько различны эти мировоззрения! Как же справиться с подобными различиями на языковом материале?*

— Действительно, встречаются непереводимые тексты. Даже оставаясь на европейской почве, можно найти массу примеров, когда переводчик оказывается беспомощным и вынужден признать, что сделать это невозможно.

— *Профессор Мария Кишицеф Бырский, переводя на польский язык понятие «dharma»¹, использует польский неологизм «dzierżma» (в русском языке ему соответствует аналогичный неологизм «держма».*

— *Пер.). Вы тоже создаете неологизмы?*

— Профессор Бырский любит неологизмы, а я — не особенно. Хотя «держма» — неологизм довольно удачный, восходящий к этимологии слова «дхарма», которое происходит от санскритского корня 'dhr', что означает 'держат'. Так что «дхарма» — это то, что мы держим, чем владеем. Но я все-таки предпочитаю сохранить понятие оригинала и прокомментировать его, дать примечания.

¹ *Дхарма (санскр.)* — некое установление, которому надлежит следовать как норме; вечный закон, моральный по своему содержанию.

ние, потому что даже в случае этой самой «держмы» я не уверен, что она вполне адекватно позволит читателю понять, что такое дхарма.

Есть совершенно непереводимые вещи, особенно из области буддизма. Переводя подобные тексты, мы вынуждены в определенной степени применять перифразы и многие понятия толковать, объяснять в комментариях. В принципе ни одно из философских понятий буддизма не имеет соответствующего эквивалента в близких нам культурах. Я имею в виду, разумеется, такие основополагающие понятия, как религия, личность, спасение, мораль или этика; мы вынуждены их разъяснять.

— *Варлам Шаламов писал, что ритм — источник поэзии и всех прочих видов искусства: музыки, живописи, скульптуры. Для него ритм был формой описываемого факта. Благодаря наличию подвижного ударения в русском языке можно создавать почти музыкальные фразы, совершенно недостижимые в польском. Мариуш Вильк уже какое-то время пытается перевести его рассказ «Белка», где и само название перевести довольно трудно. Эта звучная, двусложная «белка» вполне самопроизвольно юркает между ветвями, и как же можно заменить ее несколько тяжеловесной польской «вевюркой»?*

— С конкретным словом, как хотя бы с той же «белкой», может случиться так, что нам удастся применить тот же прием — например, в новогреческом языке, где тоже безраздельно царит прихотливое, подвижное ударение. Если читать в оригинале поэзию Константина Кавафиса, вы попадаете в мир совершенно иных звучаний, практически соответствующих восприятию музыки. Переводы Зигмунта Кубяка, почти идеальные, лучшие из возможных, к сожалению, с музыкальной точки зрения относятся к оригиналу так, как роза за окном к розе, аромат которой вы вдыхаете. Это основная проблема при переводе поэзии, вытекающая из структурных, просодических различий между языками, с которыми не удастся справиться даже самому гениальному переводчику.

В так называемой современной поэзии музыкальность не играет практически никакой роли, это черта главным образом поэзии XIX века. Для русского же языка характерно, что он в каком-то смысле сам диктует богатство ритмов и интонаций, а поэт лишь поддается этому диктату.

— *Вы переводите с русского?*



— С этого началась моя переводческая «карьера». Пятнадцатилетним мальчиком я был в санатории, где в библиотеке была преимущественно русская и советская литература; это было в 1955 году. Например, «Трех мушкетеров» я впервые прочитал по-русски. В результате я неплохо выучил этот язык. В то время в школе было принято устраивать «политинформации», и мне поручили сделать обзор русских статей по географии. В СССР издавался журнал «Вокруг света» (кстати, очень профессионально и хорошо сделанный), из которого я делал выписки и составлял рефераты статей. Вот тогда-то я впервые перевел детский стишок о сороке. Впоследствии я выпустил только два перевода с русского: книгу о тибетском языке знаменитого тибетолога Николая Рериха, сына выдающегося художника и философа, и уже по заказу издательства —



сборник эссе В. В. Розанова «Полумысли, полочувства», который составил Дмитрий Шевионков-Кисмелов, художник-график, сотрудничавший с издательством «Официна литератска». Этот сборник был издан с известным предисловием Юзефа Чапского.

— Вы знакомы с другими переводами русской литературы?

— Не очень, потому что сам читаю ее в оригинале. Кроме того, будучи профессионалом, я воздерживаюсь высказывать мнение об оригинале на основе чтения только польского текста. По опыту я знаю, что перевод, который прекрасно читается по-польски, может содержать массу ошибок — фактических, филологических, пропусков, искажений. — которые читатель без сравнения с оригиналом просто не обнаружит. Поэтому я всегда очень осторожен в суждениях.

Я думаю, что у нас немного хороших переводов русской поэзии, переводить которую чрезвычайно трудно в связи с различием просодии. Я полагаю, что Юлиан Тувим блестяще перевел «Евгения Онегина». С прозой дело обстоит куда лучше, хотя прежние переводы Достоевского меня не удовлетворяют и следовало бы сделать новые. Прекрасным переводчиком я считаю Ежи Помяновского, который в 70-е годы под псевдонимом публиковал переводы Солженицына. Огромное впечатление произвел на меня «Архипелаг ГУЛАГ».

— Чего еще из русской литературы не хватает на польском книжном рынке?

— В последние годы многое было наверстано, особенно в области философии и религиозной мысли. Были опубликованы Вл. Соловьев и о. Сергей Булгаков. Вероятно, недостает Бердяева, за исключением нескольких небольших отрывков, и Замятина, творческое воображение которого на годы опередило концепцию Оруэлла. Из поэтов все еще нет хороших переводов Тютчева.

Не знаю, как звучит по-польски мой любимый роман «Анна Каренина», совершенно гениальный. В довоенной Польше было издано множество произведений русской литературы, но в то время был принят такой «свободный» переводческий стиль, сегодня совершенно недопустимый, когда текст оригинала было принято чуть ли не пересказывать, перерабатывать, вводя совершенно произвольные сокращения. Я думаю, все это нужно будет переделать.

— Стихи Виславы Шимборской и Збигнева Херберта переводят на арабский язык с французских и английских переводов. Не кажется ли вам, что это нечто вроде игры в «испорченный телефон», когда мы повторяем не то, что слышим, а только, что мы, как нам кажется, услышали?

— Что касается Шимборской и Херберта, да и вообще современной поэзии, подобное решение можно рассматривать как «меньшее из двух зол» в ситуации, когда не хватает квалифицированных переводчиков с языка оригинала. Это в высшей степени интеллектуальная поэзия, а которой основную роль играет содержание, а форма отходит на второй план. Разумеется, подобные «опосредованные» переводы — не лучший выход, но нередко другого просто нет. Даже выдающиеся переводчики иногда так поступают. Милош, публикуя свои переводы японских хокку, сообщает, что пользовался английскими переводами. Я сам, если только имею такую возможность, избегаю этого, даже в случае чисто научных текстов. Мне довелось переводить еврейскую Каббалу с иврита, а не с арамейского, однако я, исходил из того, что это языки настолько между собой родственные, что большого греха в этом нет. Гершом Шолом писал, что арамейский язык знаменитой каббалистической «Книги Сияния» («Зогар») настолько искусственен, что под ним ощущается древнееврейский стиль мышления и ивритский синтаксис, так что мой перевод можно было бы считать своего рода



обратным переводом, возвращением к первоисточнику.

— *Может ли известный, выдающийся поэт, переводя своего уважаемого коллегу, а иногда и соперника по перу, допускать слишком далеко идущие вмешательства в исходный текст, оставляя на нем отпечаток собственной индивидуальности?*

— Не знаю, можно ли здесь сформулировать какое-то общее правило. По моим личным наблюдениям (и вопреки общепринятому мнению, что поэтов должны переводить только поэты), я много раз констатировал, что выдающиеся поэты бывают плохими переводчиками, хотя можно привести примеры и чрезвычайно удачных переводов. Поэзию должен переводить очень хороший переводчик, обладающий поэтическим чутьем и вдохновением. Например, Порембович — великолепный переводчик Данте и прованской поэзии. Тадеуш Бой-Желенский, кроме рифмованных каламбуров, сам стихов не писал, а гениально перевел, например, Вийона.

— *Недавно вы издали сборник эссе, в котором нашел отражение весь диапазон ваших интересов. Вы затрагиваете вопросы, касающиеся сходств и кардинальных различий между буддизмом и христианством, связей между Каббалой и Библией, пишете о музыке Вагнера и представляете читателю фигуры трех крупнейших румынских мыслителей. А откуда взялось столь поэтическое название сборника — «Тропа ночи»?*

— Название придумал редактор сборника Лукаш Тишнер, который взял на себя труд упорядочения столь разнородного материала. Я поначалу не верил, что из этого может получиться некое связанное целое, но благодаря усилиям редактора это удалось. Само название косвенно связано с моими текстами, а непосредственно — с идеями Парменида, о котором я упоминаю в одном из эссе. Я ссылаюсь на него в контексте нигилистических идей, которые прослеживаются с самого начала европейской цивилизации. Парменид говорил о двух тропах, по которым движется человеческий дух, — тропе дня и тропе ночи. О таком мрачном, нигилистическом направлении европейской философской мысли говорит выдающийся современный итальянский философ Эмануэле Северино в прекрасной книге «Сущность нигилизма», которая произвела на меня сильнейшее впечатление. А Лукаш Тишнер счел, что это и есть

доминанта моих размышлений о культуре, что я стремлюсь постичь как раз эти области мрака, близкие, с одной стороны, буддизму, а с другой — экзистенциализму. Центральная тема моих размышлений — проблема зла, которая и привела меня к философии Востока, где она была, по-видимому, наиболее строго сформулирована.

— *Какой совет мог бы дать Будда современному человеку, или, более конкретно, современному поляку?*

— Будда не выделял среди людей тех или иных групп, его мысль была совершенно универсальной (кстати, первой в истории человечества), а поляки сегодня живут практически в тех же условиях и сталкиваются с теми же проблемами, что и другие народы. Разумеется, современному человеку Будда дал бы совет, как противостоять тому, что сегодня стало для него самым большим злом, самой страшной опасностью. Это опасность непомерно разросшихся личных устремлений, направленных на овладение, охват всего мира, ненасытной жажды впечатлений и удовольствий. Они-то и становятся источником наибольших страданий — как для отдельного человека, так и с точки зрения социальных отношений, отношений между людьми.

От них исходит невероятное количество отрицательной энергии, которая раньше или позже проявляет свою разрушительную силу. Я думаю, Будда сказал бы: «Люди, укротите свою ненасытную жажду, умерьте свои амбиции, ибо это путь, который ведет в никуда. Вы никогда не сможете обладать тем, к чему стремитесь, по очень простой причине: вы каждый день желаете все большего, а потому всегда будете преследовать всё новые и новые цели и никогда их не достигнете. А результатом этой погони будет ненасытность, страдание и разрушение связей между людьми, в материальном же аспекте — самой планеты. Вспомните в свое «я», умерьте его желания, и тогда вы достигнете счастья».



Беседа вела Сильвия Фролов



Лешек Шаруга

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СЛОВА

Размышления о языке, в особенности о природе слова, — это, может быть, один из самых важных мотивов современной польской поэзии. В последней книге стихов Херберта появляется «слово — / петля на шее / последнее слово», слово, которое он дал («Я дал слово»); в книге Ружевица «всегда фрагмент. recucling»¹ речь идет о слове, «которое может быть орудьем преступления» и «которое лжет / калечит заражает», а в другом стихотворении книги появляются «бездомные слова»; Шимборская в стихотворении «Три самых странных слова» задумывается над природой слов «Будущее», «Тишина» и «Ничто». Подобные размышления появляются и в поэзии Юлии Хартвиг:

... Хотя бы слово вечность
стерильно чистое холодное как свет звезды
ведущее нас в пустоту в межпланетную бездну
в разреженный воздух в глухое дно темноты
слово без соблазнов без запаха и цвета
(«Что делать со словами»)

Это слово — «еще одно доказательство нашего безумья». Но и это безумье — двойкой природы: оно одновременно рождает и ужас, и восхищение. То безумье, благодаря которому возможны и самые отвратительные падения, и прекраснейшие взлеты. Безумье всегда преступает установленный, предписанный порядок, оно действует вопреки законам, до этого обязательным. Оно узурпирует право преступить.

Слово «вечность» вырывает нас из временности, которая нам предназначена, но это слово — также и своеобразная демонстрация двойственности человеческой личности, соединяющей в себе то, что подвластно времени, с тем, что от временности свободно, тело и душу. Душа же:

Знает всю жизнь что она бессмертна
действуя в смертном теле
(«Душа»)

Эта парадоксальность человеческой природы находит свое соответствие в парадоксальности мира, который представляет собой зеркальное отражение человека, существует благодаря человеческому восприятию и этим восприятием определяется. Иначе говоря: мир — это человеческий мир, а его противоречия, все выявляющиеся в нем антиномии вносятся в него человеком:

Сначала делаешь вид что не существует вокруг ничего:
Покажи умеешь ли быть абсолютно одиноким когда исчезает мир
Это как если б на глаза легло бельмо
Так бело что идти надо с вытянутыми вперед руками
(«Игра с туманом в Костелиско»)

Опять парадоксальная ситуация: даже одиночество без мира невозможно, и в то же время существование этого мира — акт человеческой воли, подтвержденный желанием его воспринимать. Но и это восприятие имеет парадоксальную природу, ибо глаз поэта видит не только то, что видимо, но и то, что «невидимо», что воображается или снится.

Основное противоречие в стремлении к познанию и пониманию мира, раскрываемое в поэзии Юлии Хартвиг, — это несовпадение свидетельства ощущений — особенно зрения — и языкового выражения. Поэтому в стихотворении «Размышление» она напишет: «Вещь за вещь зацепляется, слово за слово» — вот два мира взаимно

¹Второму варианту (1999) своей книги «всегда фрагмент» Ружевиц дал подзаголовок «recucling»; этот технический термин означает переработку утильсырья.



непроницаемые, и в то же время, что кажется и очевидным, и непонятным, существующие совместно в общем пространстве поэзии. Ибо поэзия — нечто иное, нежели свидетельство ощущений, и нечто иное, нежели языковое выражение этого свидетельства, нечто иное, но и нечто большее. Искусство — а стало быть, и поэзия — сочетает мир вещей и мир слов, но суть этого сочетания не очевидна и не проста. Это магия заклинания — заклинания, которое ищут вслепую, на ощупь, «чутьем». Мир скрывается в тумане языка, в тумане, в котором поэт различает очертания, идя «с вытянутыми вперед руками». Тем более что это мир, в котором перемешаны пространства яви и сна, опыта реального и сюр-реального. Поэтому прав Рышард Пшибыльский, когда, говоря о корнях этой лирики, он утверждает, что «для Юлии Хартвиг решающим был опыт французских сюрреалистов и — подумав, каждый согласится со мной — Адама Важики. Опираясь на эту традицию, она начала искать новые значения слова «ритм»».

Ритм играет важную роль в понимании поэтического мира Юлии Хартвиг. По мнению Пшибыльского, этот ритм «зависит от фактора бессознательного и надьиндивидуального, от образов сна, которые являют человеку извечное знание человеческого рода, коллективную мудрость людей, связанных поверх столетий и смерти цепью архетипов, возвращающихся во сне». Но это не только ритм сна. Ритм стихотворения создает два ритма, накладывающиеся друг на друга: внутренний, являющийся ритмом мышления, и внешний ритм космоса. Ритм создает специфический поэтический язык, позволяет придать «форму» творимому в произведении.

«Мгновение» стихотворения, островок гармонии, высвобождающий существование из хаоса случайности, — это некий «вечный момент» (по выражению Чеслава Милоша), благодаря которому боль бытия одаряется смыслом, превращается в центр кристаллизации мира, отданного во власть разрушительным силам «утысячающегося времени». Превращение, метаморфоза мира, с которой мы имеем дело в этой поэзии, позволяет сохранить то, что преходяще, противостоять сокрушительной силе времени. Отстраненность стихотворения, отстранение языка — это попытка создать точку опоры, чтобы постигнуть то, что кажется непостижимым. В стихотворении рождается «пространство, что прозрачно и ничье» — стало быть, пространство, как бы выносящее за скобки личность автора, тем самым пространство мистическое, — это пространство поэзии, пространство искусства.

Это «пространство, что прозрачно и ничье», пространство вневременной общности художественного познания и постижения смысла человеческого существования, придающего смысл существованию мира, это пространство, позволяющее видеть невидимое и отстраняться от ежедневного «здесь и сейчас», — пространство поэзии дает боли форму в бесформенном хаосе большой человеческой истории, в которой свобода и счастье не обуславливают друг друга. История вторгается даже в пространство сна:

Убивали скрытно наших близких
и затоптали могилы и на них посадили лес
этот лес подступает ночью к нашим снам будто лес Бирнамский
и ночные птицы плачут в его ветвях
звя нас к очистительным обрядам

(«Говорите нам это»)

Историческим опытом проверяется цельность создаваемой в этой поэзии картины мира и приводится в движение этическая составляющая этой лирики, полностью отдающей себе отчет в своем бессилии, в своей беспомощности перед мощью равнодушной к человеческим ценностям «неудержимой жизни».

Пuls невидимого, но увиденного накладывает на пульсирование ежедневности. Так рождается ритм стихотворения, стремящегося упорядочить хаос человеческой жизни системой ценностей, а значит, трактующего эту «неудержимую жизнь» как задачу для себя — такую же, как создание поэтического произведения. Берясь за эту задачу, мы обретаем шанс выйти из круга «грязных обрядов будней», о которых говорится в стихотворении «Наши сердца хотели быть простыми», открывающем книгу «Всегда сызнова».

Но, берясь за эту задачу, нужно сознавать, что она влечет за собой следующую, что человек «всегда сызнова» должен меряться силами с диссонансом мира, все слабее слышимым противоголосом которого будет слово поэта.

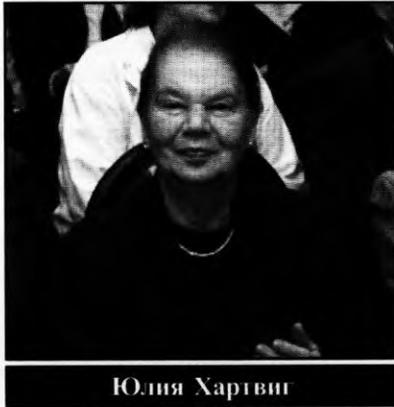
Поэтический рассказ преобразует хаос повседневности, насыщая дисгармонию существования гармонией сущего, давая экзистенциальному опыту его языковое выражение, а стало быть, придавая ему характер притчи — неоднозначной, как опыт сновидений. Нереальный идиллический пейзаж появляется по ходу этого рассказа в контрапунктном сочетании с пейзажем руин и неустанныго распада, который предлагает нам история, — взаимопроникновение этих образов позволяет даже в центре свершающегося апокалипсиса спасти зерно любви, благодаря которой мир сможет существовать дальше.



Юлия Хартвиг

Перевод
Нatalьи Астафьевой

СТИХОТВОРЕНИЯ



Юлия Хартвиг

Сидели женщины, пили кофе.
Мне вырывали ногти — говорит одна.
Меня слепили рефлектором.
На меня капала вода двое суток.
Мне отбили почки.
У меня расстреляли сына, сожгли отца.
Обыкновенные варшавянки.



Ночь не перебрешь, как воду, мрак — это твердая земля, которую надо пахать. С трудом ступаем шаг за шагом. Вдруг — гнездо и пять белосиних яичек, плоды звезд. Лоснящийся пот стекает по теплому стволу дерева.

Закричала ошалелая неясить, как обездоленный, потерявший корону рогач. Неведомые большие птицы пролетают ночью через сад.

Тогда с ближних лугов, среди тумана, подымает голову аист со сломанной ногой. Ощупывает клювом землю. Натывается на брошенные детьми раздерганные венки из одуванчиков и трав. На одном из них капля крови, нет, это ржавчина. И это не венчик, а моток колючей проволоки. На него упал, споткнувшись, местный дурачок, преследуемый детьми, прервавшими поспешно игру.

ВСЕ ВЫШЕ

Рожденные на мусорной куче
жертвы всех казней египетских
мы возглашаем каждый день победу
Еще день Еще живы
А мусорная куча растет и возносит нас вверх
к бессмертью

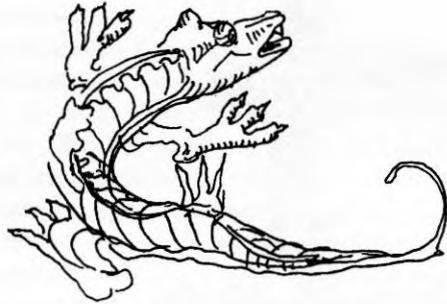
Рис. Дмитрий Шевцов-Киселов





ОДА БЕЗДНЕ

Он ест и плачет
Конечно же он гротескный
Он пытается заткнуть в себе эту бездну хотя бы едой
О, одиночество пустых квартир!
О, сомнение в смысле начала и конца:
Тупое отчаянье старцев их ненависть к самим себе
и дикое отчаянье юности ее самообожанье
ее самоистребление сомненье до самого дна
О, одиночество страшное и прекрасное
О, наша жажда жизни и ненависть к жизни
И ты липкая скука что нами овладеваешь
посреди счастливого дня
О, пропасть разверзающаяся вдруг под ногами
О, недостойный плач над самим собой
Так вот для чего эта удрученность спешкой
эта обманутая дисциплина дней
чтобы заткнуть эту дыру этот ад
заслоняемый собственным телом бесконечными разговорами
бегством в толпу



КТО СКАЗАЛ

Кто сказал что в час избиенья младенцев
не цвели цветы и воздух не ошеломлял ароматами
И что птицы не возносились на вершины виртуознейшего пенья
и молодые любовники не сплетались в страстном объятии
Другое дело приличествовало ли тогдашним писакам
описывать именно это
а не чудовищное смятенье на улице залитой кровью
дикий вопль матерей у которых вырывали из рук младенцев
возню и бессмысленный гогот солдат
возбужденных близостью женских тел
и теплых от молока грудей
Горящие факелы скатывались с каменных ступеней
всякая мысль о спасении казалась безнадежной
и ярость ужаса быстро уступала
может быть еще более страшному
оцепенению отчаянья
Именно тогда укрытые легким покровом южной ночи
бородатый мужчина опирающийся на посох
и молодая женщина прижимающая к себе ребенка
покидали землю жестокого деспота
унося в безопасное место надежду мира
под молчаливыми звездами в которых от века
было записано то что теперь совершалось



ЗА ЭТИМ, ДЛЯ ЭТОГО



День все короче.
Ах, если б я могла чуть-чуть поплакать
над этой драмой изгоняемого солнца,
пытающегося задержаться в зеркале,
на дне воды, на черепице, камне,
помедлить, бросив блики по листве.

Ах, если бы могла я погрустить
над провожением того, что вновь вернется
в печальной меланхолии повторенья,
над ежегодным увяданием растений,
над привычной обидой отлета лета
на крыльях ласточки, шмеля,
в завихрухе листьев.

Для этого, конечно же, для этого уезжают поэты,
чтобы писать об этом вдалеке.
А нам тут лишь солдатский счет часов
и эта мысль, покуда не заснешь,
что дни короче — дни тюрьмы для них короче.

1983

СЧАСТЬЕ

Воскресенье пополудни
Над Ист-Ривер серая сетка неба
и кружащиеся чайки
Старая женщина сидит на скамейке
вдавливая в землю пятки жестко вытянутых ног
Блаженство Воскресенье летит как моторная лодка
брызжа светом серебристо
Негр в шляпе брюзжит сердито
Лиза вечно роняет что-то на землю
и теперь собирай разбросанные среди листьев
ключи блокнот помаду
Старая женщина дремлет с открытыми глазами
Вид реки и людей проходящих
западают в нее как в забытый почтовый ящик
Ах какое блаженство
Ничего не боится куда не спешит
Ветер взвывает мягко ее седую челку





Ежи Корчак

ВСЕГДА ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

В начале пятидесятых я оказался в Закопане, под крышей дома творчества литераторов «Астория», который уже давно заслуживает особой монографии.

Я знал, что пребывание здесь окажется долгим, так как вернуться в Краков было невозможно. Однако я не мог предположить, что житье в «Астории» затянется на многие месяцы, и мы с женой превратимся в засидевшихся постояльцев. Сегодня, после многолетних разнообразных испытаний, я знаю, что одна из самых мудрых истин, управляющих нашей юдолью скорби, — это максима Ларошфуко: «Временное — самое устойчивое в жизни». Однако тогда, едва начав третий десяток, я верил в свою счастливую звезду, которая наверняка позволит переломить неудачный период и приведет к относительной стабилизации. Оптимизма и надежды прибавляла нам замечательная директорша, незабываемая пани Мария Красицкая, о которой, кажется, Мацей Сломчинский сказал, что это самая лучшая литературная фамилия в «Астории». Она-то однажды и посадила за наш столик молчаливого человека с серой, бесцветной внешностью, кожей землистого цвета, коротко подстриженными седеющими усиками и прищуренными глазами за толстыми стеклами очков. Он неразборчиво назвал свою фамилию и, склонясь над тарелкой, до конца обеда больше не сказал ни слова.

Молчание нового собеседника упорно продолжалось и в следующие дни, и для меня, любителя поболтать, ситуация за столом становилась просто невыносимой. Я испробовал всяческие темы, из кожи вон лез, чтобы вызвать хоть самый краткий обмен мнениями, но все кончалось лишь каким-то односложным бурчанием, сопровождавшимся тревожными взглядами по сторонам. Он быстро исчез в своей комнате, откуда выходил только на завтрак, обед и ужин. В город он совсем не выходил и вел себя так, будто его посадили под домашний арест.

Я более или менее знал, кто такой Анджей Ставар, то есть Эдвард Янус, ибо такова была его настоящая фамилия, знал и круг его литературно-кри-

тических интересов: Галчинский и Сенкевич, Бжозовский и Бой-Желенский. До войны вместе с Александром Ватом он редактировал «Месенчик литератский» — журнал крайне марксистского толка, что тем более придавало его поведению интригующую таинственность. Исповедуемая им идеология царила повсюду — откуда же этот с трудом скрываемый страх? Вопрос этот все чаще звучал в наших разговорах с женой. Мы были наивны, не до конца отдавая себе отчет в том, какую смертельную опасность представляли обвинения в троцкизме и любом другом уклоне от генеральной линии партии.

Однажды дверь его комнаты приоткрылась, и неуверенным жестом он подозвал проходившую мимо мою жену.

— Вы выходите в город? — произнес он конспиративным шепотом, предварительно оглядев коридор.

— Выхожу, — подтвердила она.

— У меня к вам просьба. Не можете ли вы купить мне два яйца?

С этих-то яиц наши отношения и начали постепенно оттаивать. Все чаще мы делали для него мелкие покупки, все чаще он решался на короткие, но довольно знаменательные признания. И все же до более близких контактов было еще далеко. Однако мы сумели обнаружить и то, как он одинок, и что занимается он каким-то малоинтересным переводом не под своим именем, так как его не печатают, и что он не очень-то знает, куда ему деваться, а его пребывание в «Астории» подходит к концу.

В это время по вечерам весь дом играл в «кино». Игра заключалась в изображении пантомимических сценок, представляющих фрагмент из какой-нибудь известной книги. Следовало угадать ее название. Это «кино» постепенно захватывало всех. Даже председатель Союза писателей Леон Кручковский, известный своим отсутствием чувства юмора, поддался соблазну и что-то сыграл.

Я пытался убедить пана Анджея, чтобы и он посмотрел, как играют. В конце концов он согласился, но остался стоять за стеклянной дверью гос-



тиной. Постоял немного и вдруг резко повернулся и ушел. Как раз в этот момент раздались аплодисменты, так как кто-то после очень выразительной сценки угадал очередное название: «Я жгу Париж» Бруно Ясенского. Увиденное его явно испугало: имя Ясенского было под запретом.

Чуть позднее в «Астории» появился Владислав Броневский, и сразу же начались его хорошо известные алкогольные выходки. Он пил с утра до ночи и ужасно скандалил. Весь дом был полон крика и топота ног по лестнице. Поэт особенно доставал Ставара, которого знал много лет: на трезвую голову им, наверное, было бы о чем поговорить. Он приставал к Ставару громко и настойчиво, явно желая уговорить его выпить с ним. Но Ставар был хилый, мучился желудком, сидел на диете, и трудно было представить, чтобы он выпил хоть рюмку. Из-за наглухо закрытых дверей доносилась монотонно повторяющаяся мольба: «Прекрати, Владек, прекрати».

Это еще сильнее разъяряло Броневского. Пани Красицкая, воплощение мягкости, такта и доброго сердца, не очень-то знала, что делать. Но как-то надо было с этим покончить. Не с пьянством высокопоставленного гостя — это никому было не под силу, а уж меньше всех его жене, каждое появление которой только подливало масла в огонь.

Я наконец поймал Игнация Нарбута, здорового мужика, в прошлом партизанского командира.

— Уведи мэтра в столовую, — попросил я его умоляюще. — Скажи, что у тебя на столе поллитровка.

Приманка сработала, и в тот вечер Ставар был спасен. Через несколько дней он переехал в Белый Дунаец, о чем по секрету сообщила нам пани Красицкая. Там у местной крестьянки он снял скромную комнатку. Мы поехали к нему с провиантом, собранным нашей бесценной директоршей.

— Как вы узнали, где я? — спросил он, едва открыв дверь.

— От пани Марии.

— А кто-нибудь еще знает адрес? — тревожно спросил он.

— Никто, — заверили мы.

Этот первый приезд безусловно помог нам завоевать его доверие. Но только до определенного предела. Мы еще несколько раз приезжали в это примитивное место отшельничества, разговаривали о литературе, о положении в мире, но стоило только начать более подробные рассуждения о по-

литике, как он отступал на явно более удобную ему территорию литературы. И тоже с ограничениями: говорить о «Месенчнике литератском» и связанных с ним кругах он избегал.

Страшно и, видимо, уже давно интересовал его Нарбут. По конспиративной привычке он ничего не спрашивал о нем в «Астории». Сейчас, в некотором отдалении, он решился заговорить на эту тему, так как заметил, что мы с ним дружим. Я рассказал ему то, что знал об Игнации. Это человек невероятно обаятельный и с замечательным чувством юмора. До войны он был близок к литературной группе «Предместье», но сам ничего значительного не написал. В последние годы вышли две его книги: воспоминания «Люди и события» и занятая художественная проза, тоже носящая автобиографический характер, — «Филипонка».

— Ну хорошо, — прервал пан Анджей, — но ведь он служил в армии, старший офицер — полковник или даже генерал, командовал большим партизанским отрядом. А сейчас гуляет по Закопане — без всякой должности и не сделав карьеры.

Я набрался смелости и ответил напрямик:

— К нему, как и к вам, относятся не лучшим образом, а по правде сказать, совсем плохо. Из армии его выбросили; пошли гонения, допросы, слежка. Кажется, только чудом не отдали под суд. Правый уклон или что-то в этом роде. Во всяком случае какая-то серьезная ересь.

Ставар покивал головой и больше ни о чем не спрашивал.

Наш контакт с ним оборвался.

Приближался октябрь 56-го, судьба забросила нас в Познань, где однажды в телефонной трубке мы услышали характерный, слегка деревянный голос.

— Еду в Познань. Хотел бы вас повидать.

Мы обрадовались. До нас дошли слухи, что он уже некоторое время живет в Варшаве и висевшая над ним анафема почти снята — даже готовят к выходу несколько его книг.

В те два вечера, что мы провели вместе, наш гость выглядел явно изменившимся: он был более оживлен, получше одет, готов обмениваться политическими взглядами — но, как и раньше, взвешивал каждое слово, по-прежнему соблюдая некие таинственные «зоны молчания». Тогда же мы впервые увидели, что этот печальный человек способен смеяться, и не вполголоса, а от всего сердца. Мы рассказали ему о шутке, которую отмочила



наша четырехлетняя дочка. Она была ужасно любопытна и любознательна. И каждый раз, когда ходила куда-нибудь с матерью, видя повсюду портреты Берута, спрашивала, кто это. А в конце концов спросила: «Мама, а у берутов есть ноги?»

Это очень развеселило Ставара.

Потом мы несколько раз бывали у него в новой, почти пустой квартире на Рыночной площади Нового города. Одно из таких посещений особенно мне запомнилось. Это произошло вскоре после познанских событий памятного июня 1956 года [жестокое подавленных рабочих волнений]. Их фон и все подробности очень его интересовали. Он внимательно читал рукопись моих хроник, написанных для газеты «Жиче литератке», которые Владислав Махеек не пропустил в печать, считая, что время говорить правду еще не пришло.

Мы пили кофе, а я рассказывал, что мне пришлось наблюдать на улицах Познани. Вдруг сидящий лицом к открытому окну хозяин схватил меня за локоть. «Тише», — сказал он с прежним страхом в голосе, указывая на стоящего на строительных лесах каменщика.

Прошло несколько лет. Печатались все новые книги Ставара. Проницательные, серьезные, нагруженные эрудицией, но несколько лишённые легкости пера. Автор не принадлежал к людям, наделённым обаянием и полетом. Зато он был — как мало кто — достоверным свидетелем эпохи. Его до конца продолжал парализовать страх, неотлучный товарищ тех лет, и многое из того, что видел и пережил, он навсегда унес в могилу. Очень жаль. Его рассказы, вероятно, могли бы составить интересное дополнение к «Моему веку» Вата: они же многие годы работали вместе. Думаю, что страх отступил от Ставара только в самом конце жизни, когда он решил не возвращаться в Польшу и оказался под опекой парижской «Культуры». Но и в этом нельзя быть уверенным. Победенный тяжелой болезнью, он вернулся на родину в погребальной урне. И после смерти история сыграла с ним злую шутку. Урну сего прахом в аэропорту Окентье перепугали с чьей-то чужой, и только потом, разобравшись в ошибке, устроили похороны. На похоронах стоял почетный караул, звучали речи. Главным оратором был Ежи Пуграмент — генеральный секретарь Союза польских писателей. Он говорил о больших заслугах Ставара, который до конца своих дней оставался верен марксизму и идеям, носителем которых была Польская объединенная рабочая партия.

Вместо постскриптума

ПИСЬМО ЕЖИ ГЕДРОЙЦА

12 июля 2000 г.

Глубокоуважаемый господин Корчак! Простите, что отвечаю с запозданием, но в последнее время у меня было много забот, которые усложняли мне работу. К сожалению, Ваш очерк о Ставаре я не напечатал, хотя он и очень интересный. Однако «Культура» составляет Вам конкуренцию, так как начинает серию биографических очерков. Интересно, что Ставар проходил известную эволюцию. Правда, это случилось под конец его жизни. У меня с ним были нерегулярные контакты и сотрудничество. Он должен был приехать на юг Франции и подготовить свою книгу, которую мы собирались издать в «Культуре». К сожалению, состояние его здоровья резко ухудшилось, поэтому он приехал к нам, в Мезон-Лаффит, но через несколько дней нам пришлось отвезти его в больницу в Сен-Жермен-ан-Ле. Состояние его было безнадежное — рак печени. Перед смертью он вручил мне рукопись. Понятно, что мы занялись похоронами, одновременно информировав посольство, которое только тогда проявило интерес к его особе, а главное, к оставшимся после него рукописям. Его прах был отправлен посольством в Польшу довольно забавным способом, если можно так сказать: как посылка без объявленной ценности, чтобы обойти сложные французские предписания. В Варшаве ему устроили торжественные похороны, учредили премию его имени и т.п. И в этот момент вышла книга Ставара, которую мы издавали очень быстро. И тут разгорелся скандал. О премии его имени и думать забыли, все это оставило очень неприятный привкус. Книга Ставара имела довольно большой успех, была переведена на несколько иностранных языков.

Возможно, эти разрозненные сведения будут Вам полезны.

*С искренним уважением
Ежи Гедройц*



Петр Мицнер

ИВАШКЕВИЧ И СВЯТАЯ РУСЬ



Ярослав Ивашкевич

«Представьте себе черного византийского святого, икону Рублева, написанную кистью Ватто. Таков Ярослав Ивашкевич — творец легенд», — писал в 1921 г. польский футурист Анатолий Стерн. Известный литературный критик тех лет Остап Ортин утверждал: «Ивашкевич с избытком вдохнул на юго-востоке левантинского воздуха», — а Стефан Наперский отмечал в Ивашкевиче соединение «латинской культуры» и «пресловутой славянской словоохотливости», «Византиец по духу» — определение, данное Анджеем Турчинским в 2002 году. За 80 лет, разделяющих эти высказывания, трактовки творчества Ивашкевича нередко опирались на поиски ключей к его текстам в византийско-русской эстетике и православной духовности.

Русское влияние на душу польского поэта — тема, которую, собственно, он сам открыл в «Книге моих воспоминаний», когда писал о своей ранней юности: «Нельзя сказать, чтоб я поддавался русификации, но отсутствие противодействия русского общества понемногу втягивало меня в его культуру. (...) То, что составляет основное течение польской культуры, самую суть ее, оставалось мне чуждым». В 1956 г. в Женеве он увидел в церкви группку эмигрантов: «Вдруг здесь, в середине XX века, — кусочек старосветской, покрытой патинной России, словно из рассказов Тургенева или Чехова. Что-то, чего, в сущности, мне очень жаль. (...) Речь не о «белой» России, а о России поэтической. Русское помещичье дворянство всегда было чем-то более значительным, чем польское, оно было богаче, свободнее, его го-

ризонты были шире» («Дневник», 20 сент. 1956). В конце жизни Ивашкевич констатировал: «Тема первого школьного сочинения «Поэзия русской действительности по «Евгению Онегину», которое я писал в Киеве в 1909 году, на всю жизнь запала в меня» («Дневник», 8 июля 1971).

В 16-17 лет он сочинял стихи и драматические сцены — по-польски и по-русски (несколько стихотворений опубликовано в «Новой Польше», 2000, №4). В конце концов он выбрал язык, на котором говорили в его родном доме, и, несомненно, это был верный выбор — на польских юношеских стихах Ивашкевича меньше сказались чужие влияния. Однако не забудем, что многие сюжеты и темы русского модернизма остались с ним надолго. К примеру, мотив Диониса-Христа, заимствованный у Вячеслава Иванова.

Русские темы, образы русских людей, русский фон, иконописные лики, — все это пройдет лейтмотивом сквозь его творчество, как и вопросы, поставленные в стихотворении «Россия» (1928):

*О чем же мне сказать тебе, Россия (...)
Что пропасть между нами не избыть,
Что боль меня эжмет, как яд ятагана,
как отверстая рана?
Сказать — ненавижу? Или признаться в любви,
без обмана?*



Знаменательно, что эти стихи вошли в книгу «Возвращение в Европу». Ивашкевич понимал: если не пытаться разрешить эти дилеммы, если не осознать русское влияние на польскую культуру, невозможно определить самобытность этой культуры — то, что, в свою очередь, гарантирует нашу причастность к европейской культурной общности. После 1945 г. проблему приходилось формулировать уже по-другому, на нее наслонились новые, трудные вопросы. Отмечавшееся в 1966 г. тысячелетие польского государства и крещения Польши побуждало к обобщениям, подведению итогов, и Ивашкевич записал в дневнике: «Вся сила польской культуры — в той эпохе, когда она была распылена и питалась соками России, Украины, Урала, Кавказа. Теперь корням неоткуда черпать силы, оттого и мельчаем».

Дабы избежать «измельчания», следовало, как наверняка полагал поэт, вновь припасть к тем же истокам и пить из них захлеб. Это бросает свет на генезис «Азиатов», написанных в 1970 г., — возможно, непосредственно по возвращении из Москвы — и опубликованных в летнем номере журнала «Творчество». След той поездки — уже в эпиграфе, вступлении к поэме:

*Е.Е. Вам нравится одно, а нам другое.
Потому что вы европейцы, а мы азиаты.
Я.И. Врешь, приятель. Все мы европейцы.
А.О. Все мы азиаты!*

(Разговор в театре)

Очевидно, один из собеседников Ивашкевича — поэт Евгений Евтушенко; кто такой А.О., выяснить не удалось. В параллель к этому вскоре произойдет разговор с парижанином Константы Еленским. И, похоже, ход разговора определит только что завершенная поэма. «Я ощутил, что я — из Стависка, из Кременца и Киева, а они — из Венеции и с Корсики. Я почувствовал это великое разделение» («Дневник», 8 апр. 1971). Мария Ивашкевич вспоминает реакцию Зигмунта Мыцельского: «И зачем ты, Ярослав, пишешь об этих азиатах?»...

В последней части поэмы перед нами предстает картина единения в воскресении. Новое небо и новая земля. На глазах людей

*Высвободится из тайны этого мира правда
И мир этот всех нас примет простым движением брата
И яблоки цвет вручит нам словно бы знак лучистый
Пресветлого убиения и вечной дружбы чистой.
(...)
Когда всё на свете сгинет — с этой широкой равниной
И с этой землей и небом сольемся мы воедино.*

Такая перспектива снимает вопрос «европейцы или азиаты?». Так что в известном смысле это полемика со стихотворением Александра Блока «Скифы», которому поэма Ивашкевича обязана своеобразной «дикостью», вызовом, бросаемым европейской культуре, и презрением к политическим расчетам, а также с мазохистскими «Грядущими гуннами» Валерия Брюсова и «Панмонголизмом» Владимира Соловьева. Впрочем, «азиатских» мотивов в русской поэзии немало. «И сам я тоже азиат», — писал Сергей Есенин.

В свою очередь дилемму «европейцы или азиаты» ставила под сомнение уже героиня военного рассказа Ивашкевича «Voci di Roma», хотя ее упрек Европе — как бы смягченный гнев Блока: «Как же можно так нас отгонять? Всех? Весь народ отогнать, отгородить! Ведь мы все были европейцами. (...) Неужели мы никогда больше не вернемся в Европу? Есть же на свете какое-то единство!»

Тему «Ивашкевич и православие» невозможно рассматривать в чисто религиозной плоскости, она связана с культурой и политикой, ибо польский поэт верил, что в русской душе эти силы особенным образом сплетены. Склонный подчас к радикальным, жестким высказываниям, он писал: «Не люблю православия, которое глубоко сидит во всяком русаке» («Дневник», 9 февр. 1955). «Не люблю» — вырвалось в сердцах, но это записано, и действительно временами он право-



Рис. Игнацы Святиос



славия «не любил». Как и некоторые герои его рассказов. Скажем, Юзё из рассказа «Зарудье» считал, что у Филарета «разум несколько помрачен, и приписывал умственные недостатки приятеля влиянию православной Церкви».

Подобные язвительные замечания появляются редко.

Детство и юность Ивашкевича прошли на фоне православия. Уже в самом пейзаже была для него тайна. «Несмотря ни на что я человек равнины, — писал он, — да еще какой равнины». Одним из шедевров мировой литературы он считал рассказ Антона Чехова «Степь».

«Как же мне теперь порой не хватает этих бескрайних просторов», — тосковал он. Ибо «степь до самого горизонта» — это «дорога в небо».

*Слышишь — зvon колокольный плывет по степи волнами,
Нежно, как запах полыни, льется искристым дымом,
Как в деревянной церкви, ладаи струится над нами,
В церкви — той, на Нерли — стоящей неколебимо.*

Это — стихотворение «Отзвуки», написанное за год до смерти.

Очевидно, Ивашкевич видел церковь Покрова-на-Нерли во время своего «чудесного путешествия по древней Руси» (как он писал в «Дневнике»), в июне 1967 г., когда посетил Загорск, Ростов Великий, Переяславль, Владимир, Ярославль... Нерль — назовет он место действия рассказа «Тано».

* * *

«Ты помнишь Киев?» — спрашивает герой «Красных щитов» князь Генрик своего попутчика, когда они где-то в Германии видят церковку, которая так похожа на православные: «довольно низкая — а может, она только казалась невысокой рядом с окружавшими ее горными кручами, — с четырьмя крытыми гонтом куполами, скрывавшими беленые округлости».

Уже в начале 20-х Ивашкевич вспоминает утраченное детство, «погребальные звоны золотистых соборов». Впоследствии церковные элементы будут претворены в более сложные структуры воспоминаний:

*Я мчался вслед за синей стрелкой,
За шелковистой птицей слова,
И за жемчужными нырками,
Что скрылись в православном храме —*

В ходе послевоенных поездок в Советский Союз, особенно во время уже упомянутого путешествия 1967 г., поэт осматривал то, что осталось от православного пейзажа, и ему хотелось верить, что не все обращено в руины. Несколько лет спустя он писал: «Русские историки искусства переживают сейчас прекрасную эпоху, эпоху восстановления и реставрации великолепных памятников древнерусской архитектуры». Короче говоря, «свято место пусто не бывает». Так, в рассказе «Тано» в бывшем монастыре расположилась группа, занимающаяся реставрацией произведений церковного искусства; здесь сопоставлены два типа духовности — русско-православная и германская. «Свято место» никуда не перенести. На убеждении в этом, быть может, более, чем на политическом оппортунизме, основывалось отчуждение поэта от русской эмигрантской литературы; кстати, сходным образом он относился и к польской культуре в изгнании.

В воспоминаниях писателя не раз фигурируют православные обряды, в которых Ивашкевич, правда, не принимал участия, но еще ребенком внимательно их наблюдал. «В Великий четверг (...) люди возвращались из церкви с зажженными свечами, которые надо было донести до дома, прежде чем они погаснут. Мелкие искорки взвивались у склона холма в синей тьме, группами по две, по три, и постепенно исчезали в невидимых хатах. А в Крещение на замерзшем пруду ставили кресты из крашеного льда, синие, желтые, красные, и воду освящали попы, прибывшие с торжественным крестным ходом». Тот же образ возникает в стихотворении «Мои сестры»:

*Под окном был пруд.
А в нём Иордань,
Красно-синие кресты из льда.*



В довоенном творчестве Ивашкевича можно найти лишь несколько, хоть и ярких, сцен православной обрядности и литургии. В повести «Луна восходит» — это молитва над телом Кнабе, в «Касидах» — празднование Преображения Господня (Спаса) в «чудесном краю Где-То-Там, не то в девятьсот одиннадцатом, не то в двенадцатом». В «Осенних празднествах» простодушный, но сильный отец Василий «остановился во главе стола, широко, с поклоном, несколько раз перекрестился, а потом воздел руки, благословляя хлебы, меды и плоды. Когда он стоял так, седой, белый, серьезный, в складках рясы, с блестящим крестом на груди, даже на устах лакеев не видно было усмешек, а Стефан, сам не зная почему, умилился».

Силу православных традиций испытывают на себе герои рассказа Ивашкевича «Тано» — как русские, так и отпущенные из плена немецкие солдаты. Упорная работа Ангелины Ивановны по восстановлению икон ведет к тому, что реставратор становится по существу иконописцем, очередным воплощением описанной в «Красных шитах» Верховславы, внучки Ярослава Мудрого, пишущей образ Бога Отца. На труд Ангелины тоже «смотрят косо» — уже не потому, что она женщина, а по причинам менее осознаваемым: быть может, именно из страха перед иерофанией, хотя старик Альтгауз, пытаясь внятно выразить свои опасения, говорит только, что она «слишком сентиментальна», а его сын — что она «идеалистка». В рассказе мы видим ее за реставрацией иконы святого Иоанна Лествичника, синайского отшельника.

Ивашкевич многократно описывал святынеобразы католической Церкви, но весьма редко показывал православные иконы — если не считать «Тано». С одним исключением. Это написанная поэтической прозой «Легенда о святом Меркурии Смоленском» (около 1917), стилизованная под русский духовный стих и использующая литературные соответствия выразительным средствам православной иконописи.

Ежи Квятковский предлагает искать влияние православия в самом творческом методе, точнее, в личности писателя, в его «созерцательном я». Весомы заметки Ивашкевича на полях прозы Ивана Бунина, в которой он особенно ценил русское начало — «элементы, которые так воздействуют и с которыми даже сравнить невозможно нашу вечную экзальтацию. Думаю, здесь много элементов Востока, буддизма, ламаизма, религии Шивы, которые к нам проникали в меньшей степени и не влияли на жизнь. Оттого и жизнь наша, даже религиозная, всегда была поверхностной и нервной, оттого и мать Иоанну пришлось поместить под Смоленск — под Ченстоховой из этого сюжета ничего бы не вышло» («Дневник», 11 сент. 1968).

В приведенном фрагменте есть существенный сбой смысла: «экзальтации» немало, даже слишком много, и в атмосфере монастыря в Людзине (где происходит действие «Матери Иоанны от Ангелов»). Ивашкевич с любопытством присматривался к крайним религиозным позициям, которые порой его восхищали, а порой вызвали отторжение. Возможно, процитированная запись — след различения католического и православного экстаза, а может быть, писатель эти вопросы до конца не продумал?

Как бы там ни было, возникающие несколько раз в его творчестве эпизоды христианского экстремизма относятся к кругу православной культуры.

Ивашкевич писал в воспоминаниях, как по дороге из родного Кальника в Дашов «со страхом проходил мимо пещеры, вырытой под кладбищенским откосом кающимся пустынноником, все еще там живущим. Он носил таинственную фамилию Жмиёвец (...) еще в молодости он покинул дом, выкопал себе в глине погоста нору и жил там, таская под белым полотняным рубищем тяжелые вериги, а поверху — корсет из хвороста, который позволял ему только стоять или лежать. Его длинная черная борода, глаза, прикрытые синими очками, холщовая безрукавка, что была на нем, — все вызывало у меня панический ужас, даже теперь я содрогаюсь, вспоминая этого человека». Герой повести «Луна восходит», компенсируя детские фобии автора, преодолевает страх и близко знакомится с безумным пустынноником, которого тоже зовут Жмиёвец и который наделен точным сходством с субъектом из кладбищенской ямы в Кальнике. Антоний входит в мир Жмиёвца, предается вместе с ним экстазическим молениям «за всех униженных, счастливых, нищих, богатых, близких, далеких, за травы, коренья, облака и плоды, за деревья, за небо, звезды и птиц».

Под влиянием пустынноника сознание Антония стало постепенно раздваиваться — так что в конце концов иная реальность, невидимая душа мира оказалась для него более реальной, чем то, что было ему известно из обычного опыта. Однако мир людских страстей предъявил свои права на Антония, и он предал Жмиёвца. Он боялся осуждения отшельника, и напрасно. Уходя, он слышал, как тот молился, перечисляя «тривидные и смешные вещи мира». Впрямую о том не сказано, но можно догадаться, что пережитый опыт приблизил Антония к Богу. «Пока Бог был лишь вероятностью, а бытие Его премудро обосновывалось катехизисом и апологетикой, Бог был для него чем-то столь же чуждым и нереальным, как равнобедренный треугольник, о котором трактует геометрия. Ощувив Бога в душе, он увидел в Нем реальность самую реальную, почти осязаемую».



К Божьим людям можно отнести и дочь попа Ганю из «Осенних празднеств» («Я из рода священников, и сама я священница всего, что свято»), и беглую монашку Ариадну из «Хвалы и славы», которая прежде чем вступить в монастырь, была художницей и живописала всяческие «безобразия», в том числе «Искушение святого Антония». Ариадна покоряется — то страсти, то искусству, то смирению — в вечном ощущении, что, бросаясь из крайности в крайность, поступает дурно, тратит жизнь впустую. В этой своей психомахии она исповедуется Эдгару, который подводит итог: «До чего же ты русская — даже приятно. Сразу такие принципиальные вопросы».

С учением Жмиёвца Ивашкевич до конца не порвал, оно еще не раз будет ему вспоминаться. В 1955 г. в Татрах он написал стихотворение, позднее включенное в книгу «Темные тропинки». Оно открывается такой картиной: три гигантских ангела являются среди горных вершин:

*Три ангела — как в «Троцце» Рублёва;
Одни, поодаль, смотрит на закат.*

Горы — «словно большие восходящие луны». Это уже отсылка к юношеской повести, в которой мистической связью соединены восходящая луна и пресуществленные Святые Дары. Стихи кончаются картиной единения со всем видимым миром — как же она напоминает видения безумного пустытника:

*На берегу, меж елсевичкой и водой,
Я, оплетен кипреем и вьюнками,
Процусь с душою, вечно молодой,
Забудусь под кудрявыми волнами.*

Исток крайних взглядов в «Луне» — не только нора Жмиёвца. Другой герой, Ежи, утверждает, что «без мира жить нельзя, надо либо принять его полностью, либо полностью отвергнуть». Рышард Пшибыльский прочел это предложение как ссылку на «Братьев Карамазовых»: «Подобные взгляды исповедует православный христианин Алеша, который унаследовал их от своего духовного отца Зосимы. Из убеждения, что надлежит принять весь мир с его добром и злом, милосердием и жестокостью, святостью и злодеяниями, следовала одна из трех главных заповедей Зосимы: всем всё простить. Достоевский показал нравственную двусмысленность такой позиции».

Представляется, что Ивашкевич, чрезвычайно высоко ценя писательский талант Достоевского, в то же время чувствовал суеверный страх перед героями его прозы, за каждым из которых проступает злое лицо автора, а также собственные убеждения Ивашкевича, от которых он отказался. Во время войны поэт писал:

*Страницы старых книг преследуют меня;
Во что я верил — всё мне ранил душу.
Тут Карамазов — как Алешу не послушать...
Княжна с любовником тоской меня казнят...*

Достоевский в его текстах — образ мифологизированный, «бичующий презрением» (стихотворение «К России», 1928). Автор «Преступления и наказания» был для Ивашкевича самым русским из русских писателей, человеком крайностей: страдания, отказа, бунта — и острейшей восприимчивости к красоте мира. Все эти черты он перечислил одним духом в начале главы о Достоевском из «Петербурга», явно для того, чтобы «не впасть в соблазн достоевщины», как он определил это в «Дневнике» (8 июля 1971), прежде чем приступить к написанию этой книги.

С этическими концепциями Льва Толстого он тоже не раз полемизировал, однако они не были ему чужды — зачастую это спор с самим собой. Кроме того автор «Воскресения» был для него авторитетом в вопросах писательского мастерства. В конце 60-х, когда Ивашкевич ощутил резкое отторжение от литературы XX века — и польской, и французской, когда даже Пруст показался ему устаревшим, он задумывается: «А на востоке? Там никогда ничего для меня не существовало после смерти Толстого» («Дневник», Женева, 13 сент. 1969).

Нам неизвестно, как Ивашкевич воспринимал Толстого в ранней юности и в каком порядке он знакомился с его текстами. Зато мы знаем, что в философской литературе, которую он тогда читал, он обнаруживал вдохновляющее влияние Толстого и отсылки к его произведениям. К примеру, в «Религиозных опытах» Вильяма Джеймса (писавшего о борьбе Толстого с «окончательной тоской», которую тот заразился, соприкоснувшись со злом), но прежде всего — в трактате Мариана Здоховского «Пессимизм, романтизм и основы христианства».



Попытаемся предположить, какие элементы мировоззрения Толстого в изложении Здеховского могли обратить на себя внимание молодого писателя. Наверняка мысль о единстве, «слиянии» человека с окружающей природой, наверняка идея поиска правды жизни через сближение с народом. «Общение с простым народом учило его [Толстого], что жизненную силу дает вера». Вера — а не Церковь; вера, не взыскующая разума, но опирающаяся на опыт (эта эмпирическая линия сближает Толстого и Джеймса). Несомненно, для автора «Войны и мира», для Здеховского, а в конечном счете и для Ивашкевича важен был этот краеугольный камень христианского пессимизма, представление, что мир погряз во зле.

В 1920 г. Ивашкевич познакомился с пламенным толстовцем — Юзефом Чапским. «Все толстовские идеи — спора с Богом, отрицания абсолютной ценности искусства, — все, что Чапский принес из России, было мне совершенно чуждо, — писал он в «Книге моих воспоминаний» и добавляет: — Он наконец признал, что я прав». Как мы увидим, Ивашкевичу вовсе не были чужды эти идеи, хотя в тот момент он их отвергал. В этом его непоследовательность, одно из его внутренних противоречий.

О «взаимоисключающих с виду противоречиях» жизни и творчества Толстого и писал Ивашкевич в обширном предисловии к «Войне и миру» в 1970 году. К этим противоречиям «с течением лет добавился еще и вопрос борьбы с чувствами, которые не очень-то желали подчиняться теориям старого мыслителя. Сознание греха, совершённого в юности, бурлит в нем до преклонных лет». Ивашкевич полагал, что Толстому «сознание «греховности» отравляет мировоззрение. В этом смысле Толстого можно сравнить с первыми христианами». Он был «по сути врагом женщины», исходил из «библейского тезиса, признающего женщину истоком всякого зла», а «эротические проблемы — первая и глубочайшая трагедия Толстого, его *primus mobile*». Тут польский писатель не соглашался с автором «Анны Карениной», ибо женоненавистником все-таки не был.

Отдавал ли он себе отчет в том, что, вскрывая «противоречия» и «ошибки» русского писателя, видит его сквозь призму собственных взглядов, своего характера и своей судьбы? Пожалуй, да.

Ивашкевич ставит в укор Толстому, что «Воскресение» ослабляют «моменты евангельской пассивности», что автор пытается убить в себе «инстинктивную любовь к жизни» с помощью «умозрительного мистицизма, сухой религии, яростного реформаторства». Он винит Толстого в христианской демагогии и по сути дела в том, что тот обесценивает учение Христа, противопоставляя его обыденной земной жизни.

Одна из спорных проблем толстовского духовного наследия — подозрительное, если не враждебное, отношение писателя к прекрасному и к искусству.

Вопрос о смысле и нравственном обосновании красоты влечет за собой и другие вопросы: есть ли вещи более важные, чем искусство, а если да, то стоит ли искусством заниматься? Толстой (уже после того как написал величайшие свои произведения) утверждал, что художество бледнеет, обращается в ничто в сравнении с учением Христа (см. «Великий вопрос Толстого» — предисловие Ивашкевича к толстовскому трактату «Что такое искусство?», изданному в польском переводе в Кракове в 1980 году). Этот взгляд разделял Юзеф Чапский, прибывший из охваченной революцией России. Ивашкевич тогда защищал искусство. Но и его коснулся толстовский кризис веры в смысл творчества. В феврале 1928 г. он писал жене: «Лишь одна красота живет чуть дольше — красота природы, да быть может, еще красота жизни человеческой, но так называемое Искусство, разумеется, с заглавной буквы, — это чудовищный обман, одно из величайших недоразумений человечества» (письмо от 16 февр. 1928).

В личных записях Ивашкевича то и дело возвращается вопрос: что важнее — жизнь или творчество? Порой этот вопрос ставится в христианской и толстовской перспективе. В 1969 г. писатель признавался: «Полжизни я верил в искусство, а потом эту веру утратил». Даже если он эту веру обретал вновь, у него в памяти оставался «великий вопрос Толстого» — вопрос о смысле занятий искусством. При этом он понимал, что порицание искусства есть покушение на святыню.

После бегства от искусства Толстой долго готовился к бегству из дома. Тема бегства из Ясной Поляны впервые появляется в творчестве Ивашкевича в рассказе «Друзья» (1929). Ахилл в беседе-исповеди объясняет священнику Галлини, что бывают поступки, лишь по видимости совершаемые из моральных, мировоззренческих, религиозных побуждений, а на деле они относятся к эстетическим экстравагантностям: «Да разве бегство Толстого не было такой эстетической экстравагантностью — чем-то несстественным, противоречащим жизни; именно это я называю преступлением против Святого Духа...»

Тема бегства — одна из ключевых в творчестве Ивашкевича. Достаточно вспомнить бегство главного героя повести «Хиларий, сын бухгалтера» со свадебного пира, в апогее жизненного успеха, — и его смерть. Не кончается добром и бегство Юлека из «Мельницы над Уtratой» — от святости и поэзии к бесцветной любовнице.



Значительно более сложна интерпретация бегства в повести «Блендомерские страсти». Здесь мы видим, как молодой поэт Каницкий бежит от собственной греховности — в смерть. А в старом писателе, которого все знают и уважают, можно усмотреть портрет Толстого, хотя различны и пути их славы, и прежде всего взгляды. Сходство есть в обстоятельствах жизни и сделанном выборе. Оба к старости созревают для того, чтобы покинуть дом. В «Страстях» бегству предшествует разговор Тадеуша Замојло с его родным братом-епископом. Писатель спрашивает, «можно ли на старости лет взбунтоваться», на что епископ Адам отвечает: «Истинный христианин никогда не бунтует против предначертаний Божиих». Но от Бога ли все, что повседневно окружает человека? «Это ад малых вещей, мелких поступков и мелких недомоганий», — оправдывается Замојло. Он взывает к авторитету Евангелия. В его устах слова Христовы звучат так: «Оставишь мать свою и отца своего, и пойдешь за Мною... и покинешь дом свой, и продашь одежды свои. А кто не пойдет за Мною, тот не войдет в Царствие Божие». Епископ реагирует резко: «Не извращай слов Господних — вам, писателям, кажется, что ко всему уже дозволено вам относиться, как к поэзии».

Интерпретационное злоупотребление, которое допускает Замојло-Толстой (сходство их явно преднамеренно), состоит в том, что словам Христа придан характер повеления. Между тем в Евангелии (Лк 18, 29-30; Мф 19, 29-30) уход от ближних к Богу допустим и одобряется, но это не единственный «пропуск» в Царствие Божие. Замојло соединил здесь вопросы семьи и имущества, забыв вдобавок о предостережении Христа, содержащемся в третьей записи об уходе, — о предостережении, адресованном тем, кто возгордился бы, совершив такой поступок: «Многие же будут первые последними и последние первыми» (Мк 10, 31).

Тем не менее Замојло заставляет епископа благословить его на путь в неведомое. Как и Толстой, герой «Блендомерских страстей» скоро умрет далеко от дома — правда, не на железнодорожной станции, а в доме лесника на Полесье. На смертном одре он будет повторять: «А ведь там, там светло», — но вся его эскапада, что с каким-то удовлетворением подчеркнет Ивашкевич, вписана в заколдованный круг искусства, а прощальные слова умирающего, обращенные к сыну, звучат так: «А вот если б вы меня спасли. Антек, тут бы я только и начал писать по-настоящему».

Бегство из Ясной Поляны, его тайна и вызов остались для Ивашкевича вопросом непростым и очень личным. Не раз в трудных ситуациях он подумывал бросить Стависко, покинуть Польшу и спрятаться где-нибудь в шведской деревне. Малыми попытками к бегству были все его многочисленные путешествия. В 1956 г. он записал в «Дневнике»: «Быть может, я убегу из дома в 82 года, как Толстой».

Это не первый случай, когда он сравнивает себя с автором «Войны и мира». Еще раньше он писал: «У Толстого была некая вера, он умирал во имя чего-то. Конечно, это был вздор, но ведь он в это верил. А я не верю ни во что» («Дневник», 17 апр. 1949). Что было вздором? Уж наверное не сам Бог, не слово Евангелия. Ивашкевич явно имеет в виду мысль, венчающую один из главных, как он полагал, шедевров русской литературы — повесть «Смерть Ивана Ильича», которую через несколько лет сам перевел на польский: «Смерти нет». О том, принять ли эту мысль как догму или развить ее, спорят герои ивашкевичевского диалога «De vite mortisque», написанного в 1913 году. Большинство из них лишь «сомневается в смерти» — их вера ослаблена, ибо направлена на многих богов (Христос, Дионис, Жизнь, Искусство).

«Смерти нет». Разумеется, это парафраза слов Священного Писания: «Поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1 Кор 15, 54-55; Ос 13, 14). Рышард Пшибыльский уже обратил внимание на то, что «Березняк» содержит полемику с повестью Толстого: «Толстой рассматривал смерть как идею, как христианское пробуждение к лучшей и вечной жизни. У Ивашкевича же смерть — не идея, а экзистенциальный феномен. В соответствии с образом мыслей, свойственным XIX веку, Толстой искал суть смерти. В соответствии с умонастроениями XX века, Ивашкевич определял лишь функцию смерти, состоящую в уничтожении человеческого бытия». Однако разве в «Березняке» мы не сталкиваемся с раздумьем о сути смерти?

Возможно, между писателями просто нет согласия по эсхатологическим вопросам, ибо автору «Березняка» чужда надежда на то, что он увидит вечный свет, во всяком случае такой, какой увидел Иван Ильич, да, наверное, и сам Толстой. В рассказе «Serenité» выведены два типа отношения к смерти. Последователь толстовской философии последних вопросов — Шуар, основывающийся, правда не на идеях Толстого, а на учении святой Терезы Авильской («Пусть ничто тебя не смущает, ничто не тревожит, все проходит, лишь Бог неизменен»). Его оппонент — Август, который не знает, что поглотит его после смерти — «ничто, материя или Бог». Догадка не праздная, толстовский след есть в этом рассказе, но скрыт он гораздо глубже, и если иметь его в виду, истолкование текста не будет простым и ясным. Еще до того, как этот рассказ был написан, Ивашкевич подчеркнул в собрании сочинений Толстого мысль о том, что само изменяющееся бытие есть доказательство бессмертия души.



Ивашкевич так сильно ощущал потребность найти опору в Толстом, что порой подчинял свою мысль его мысли или, напротив, толковал его убеждения в духе собственных взглядов. В 1955-1956 гг. он создал поэтический цикл, вошедший необходимой частью в состав складывавшегося еще со времен войны сборника «Темные тропинки». Это цикл «Ясные поляны». Важнейший его мотив — единство человека и природы, а кончается он декларацией успокоения, *serenité*:

*И был я счастлив
После трудного пути
К ясной прильнуть поляне*

Несколькими годами позже, в период глубокого личного траура и отчаяния после смерти друга, Ивашкевич написал «Слово о Толстом». В наследии русского писателя он искал «великого успокоения и великого примирения с жизнью». В умирающем Толстом видел Фауста, чтящего «гармонию».

На сходство отношения обоих писателей ко многим вопросам указывает ключевое слово «обман». Иван Ильич знает, что его жизнь была «ложью, обманом, скрывающим от него жизнь и смерть». Тем же словом охотно пользуется автор «Хвалы и славы» в своих филиппиках, обращенных против исторической действительности.

Религиозное учение Толстого интриговало Ивашкевича, вероятно, еще и потому, что, вырастая из православной духовности, оно развивалось вне Церкви. Он полемизировал с Толстым по вопросам мировоззрения и веры, и тем не менее в конце самого значительного его текста об авторе «Воскресения» мы читаем: «Мысли о Боге, запечатленные в дневниках Толстого, принадлежат к прекраснейшим из всех мыслей, высказанных им».



Я.Ивашкевич и А.Вознесенский

В 1925 г. Ивашкевич со вниманием прослушал в Париже цикл лекций Мариана Здеховского «Дух русской религиозности и Польша», о чем сообщал в письмах к жене, матери и сестрам. Эти лекции помогли ему, как он утверждал, выстроить финал «Заговора мужчин». Позднее он вспоминал, что «на скамьях большой аудитории Сорбонны расселись тогда диковинные, невероятные фигуры французских и нефранцузских мистиков и философов, для которых поистине что-то значило слово Здеховского, его огромные познания и ужасающий пессимизм. Отец Лабертоньер, Альфред Луази, Бердяев, Маритен с глубоким интересом слушали рассуждения польского профессора». Однако «дух русской религиозности» в перспективе познания, избранной самим Ивашкевичем, относился скорее к прошлому. Памятные места зарастали травой, как могила няни в рассказе «Voci di Roma». Только надпись «Господи, прими душу ея», да крашенные яйца, положенные под крестом в день поминовения, казались повествователю «чем-то родным, своим». Как «Деревянные звонницы/ и купола-бездонницы/ впрозелень золочены»...



Ярослав Ивашкевич

Перевод
Андрея Базилевского

БЛОК (из книги «Петербург»)

Не помню, чтобы чья-либо квартира произвела на меня такое впечатление. Да собственно, речь не о квартире — в самих комнатах мы не были — а о том, где она расположена. Александр Блок много лет жил на улице, которая теперь называется улицей Декабристов (опять эти переименования!), в доме номер 57, в квартире 23. Уже сам номер квартиры и то, что расположена она в обычном четырехэтажном доме, указывает, что жилище это вполне заурядное. И действительно — комнаты в четвертом этаже, балкон выходит на канал, именуемый Пряжкой. Что и с чем этот канал сопрягает, сказать трудно, он узок и неживописен, набережная довольно мрачная, хотя дома только с одной стороны, через канал перекинут «венцианский» мостик, которого во времена Блока не было. За каналом вид на некое пустынное побережье с дикими причалами, у которых полно покинутых кораблей, — местность напоминает заброшенную верфь. Можно предположить, что с балкона Блока, с четвертого этажа, виден морской простор. Пряжка и набережная вдоль неё, хоть и находятся неподалеку от Мариинского театра, производят впечатление запущенных. Они тянутся в направлении большого мрачного здания, расположенного в саду: это лечебница для душевнобольных, соседство не из приятных.

Вид с балкона квартиры на отдаленное и мало освоенное побережье, на ржавые корабли и на дом заржавевших душ произвел на меня сильное впечатление. Он многое проясняет в некоторых стихах Александра Блока.

Прежде всего — столь частый у него взгляд на пейзаж сверху. После того, как я увидел эту квартиру, совершенно иначе прозвучало для меня стихотворение «Осенняя любовь»:

*Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь, —*

*Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —*

*Тогда — просторно и далёко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слёз,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывёт в челне Христос.*

*В глазах — такие же надежды,
И то же рубище на нём.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздём.*

*Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И чёлн твой — будет ли причален
К моей распятой высоте?*

Когда смотришь на это унылое место — сейчас оно принаряжено в краски цветущего июня, но как же трудно его пережить ранней осенью (стихи написаны 3 октября 1907 года) — очень многое в стихотворении проясняется и объясняется. Этот чёлн, который должен «причалить» к высоте, поднявшись на уровень четвертого этажа, эта встреча лицом к лицу с Христом на фоне свинцового моря уже есть предвестие финала поэмы «Двенадцать», конечного торжества революционного Христа. Дом умалишенных, с которым связан пейзаж, также кое-что проясняет. Не в этой ли больнице в 1883 году умер дед поэта, Лев Александрович Блок?

Столь частое у Блока самоотождествление с христианскими мучениками —

*Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой...*

и с самим Христом — характерная черта его поэзии, заимствованная у романтиков, причем у романтиков польских. У русских поэтов, предшественников Блока, мы этой черты не встречаем. Не говорит ли о чем-либо то, что в остатках



библиотеки Блока, уцелевших после разграбления усадьбы в имении Шахматово, был найден прекрасно переплетенный томик изысканного издательства «Скорпион»? Томик включал в себя драматическую поэму Зигмунта Красинского «Небожественная комедия» в русском переводе. «Небожественная» кончается так же, как и «Двенадцать» Блока, — видением Христа. Владимир Орлов — специалист по творчеству Блока, который посвятил поэту немало биографических и философских трудов, в одном из своих исследований дает длинный ряд непосредственных реминисценций из других поэтов, обнаруженных им в стихах автора «Незнакомки». Ряд внушителен и поддержан убедительными примерами. Если Блок не избегал явных заимствований из Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Аполлона Григорьева, Тютчева, Фета, Майкова, Вл. Соловьева, Брюсова, причем повторяя не только звуковую поверхность, но и суть некоторых образов, то почему не предположить реминисценций из Зигмунта Красинского? Разумеется, принимая во внимание разницу двух эпох, двух поэтик; у Красинского — «терновая корона из сплетённых молний», у Блока — «в белом венчике из роз»... Меня поражает и возмущает не то, что Христос ведет за собой революционный отряд — сегодня это тем более никого не удивит, — но именно эхо забытых «эстетических» влечений; тот самый **белый венчик из роз**, по-моему — странный финал для революционной поэмы, бросающий совершенно специфический свет на произведение в целом, которое, быть может, до сих пор интерпретировалось слишком односторонне. (Наши многочисленные переводчики «Двенадцати» словно стыдятся этого **венчика** и постоянно переводят — **в венец**.)

Именно в эту квартиру вернулся Блок из Варшавы, похоронив отца, очарованный личностью этого оригинального чудака и в то же время очарованный встречей с Варшавой, с Польшей, которая показалась ему странной и загадочной. То, что он писал о Варшаве (должно быть, все же не в 1921 году, который был годом его смерти, хотя именно так датирует III главу «Возмездия» ее издатель), было, с одной стороны, банальной мешаниной из «Гальки» и «Жизни за царя», мазуркой с откинутыми рукавами, а с другой — призывом к возмездию, к отмщению, которое польские политики и польские патриоты, пожалуй, представляли себе иначе: и в 1910 году, когда Блок начал писать «Возмездие», и в 1921, когда он мучился над продолжением поэмы и уже никто после Рижского мира, пожалуй, всерьез не думал о «возмездии». Многие думали о том, как сосуществовать.

При всем при том Польша в фантазии поэта была странной, невероятной, нереальной — и было в ней что-то от детской картинки.

*Не так же ль и тебя, Варшава,
Столица гордых поляков,
Дремать принудила орава
Военных русских пошляков?*

Наш переводчик — Мечислав Яструн — облагородил замысел Блока. «Орава военных русских пошляков» — это отнюдь не «военных царских орд походы», как он переводит, но гнусные орды грубой солдатни, которым под силу погрузить наш народ лишь в мертвую немоту. Военные походы, скорее, оживили бы привислинский пейзаж.

И далее:

*Жизнь глухо кроется в подпольи,
Молчат магнатские дворцы...
Лишь Пап-Мороз во все концы
Свирепо рыщет на раздольи!
Неистово взлетит над вами
Его седая голова,
Иль откидные рукава
Взметутся бурей над домами,
.....
И, странствуя на злом коне,
Бряцает шпорою кровавой...
Месть! Месть! — Так эхо над Варшавой
Звонит в холодном чугуле!*

Такой образ Варшавы кажется мне несколько ходульным. Ведь эта сонная Варшава уже пережила судороги 1905 года. Так мог написать о ней какой-нибудь благородный француз, а не великий поэт, глядевший сквозь замерзшее окно на картину зимнего Петербурга.

В эту квартиру вернулась из своих театральных странствий жена Блока — актриса, желавшая найти здесь пристанище и родить ребенка, который не был ребенком Александра. Но которому Александр радовался, как своему. Увы, радовался всего неделю.

Здесь, за этими окнами, покрытыми цветами февральских морозов, родилось знаменательное стихотворение, имевшее мало общего с последовавшей за ним эпохой «итальянских стихов», эпохой Венеции и Равенны. Это были очень северные стихи «на смерть младенца», который не был его младенцем. В ту неделю, когда малютка еще был жив, — рассказывает Зинаида Гиппиус, — Блок, сидевший у стола в их квартире, вдруг задумался и надолго умолк. «О чем вы так заду-



мались?» — спросила Зинаида. «Думаю, — ответил поэт, — как мы будем Митю воспитывать». Зинаиде Гиппиус и в голову не приходило, что Митя не был сыном поэта. «На смерть младенца» — это как бы «Импровизация» Мицкевича в миниатюре. Безбожное отречение от Бога и клятва, что поэт будет скорбеть — без Него. Ощущение грозного одиночества, петербургского вихря, мороза и тумана властвуют над этим коротким, но красноречивым стихотворением:

*Когда под заступом холодным
Скрипел песок и яркий снег...*

Вся сладость итальянского путешествия, совершённого в том же году, не могла затушевать зловещего предзнаменования первого января, когда Саша за теми же замерзшими окнами писал:

*О, пицция моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чём ты горько плачешь?*

Это были страшные годы. Именно так и назвал их Блок — «страшные годы». Годы стольпинской реакции, русского горя, нищеты рабочих и крестьян и больших личных драм поэта. Разрыв многолетней дружбы, очень своеобразной и трудной, с Андреем Белым, сложности в браке, который изначально был недоразумением. И именно в это время — столь насыщенное и тревожное — пришел вызов от умирающего отца. Так Блок оказался в Варшаве.

Здесь, за этими окнами с видом на Пряжку и старые доки, на туман и свинцовую гладь воды, одинокий Саша, вернувшись из Варшавы, писал эти слова:

*Отец лежит в «Аллея Роз»,
Уже с усталостью не споря,
А сына поезд мчит в мороз
От берегов родного моря...*

В начале пребывания в Варшаве (отца он уже не застал в живых) Блока восхитили названия улиц. Надо признать — они не банальны и могли подействовать на воображение поэта: Аллея Роз, Новый Свет, Краковское Предместье, Саксонский Сад...

Однако Блок, вероятно, был подготовлен к восприятию Варшавы и Польши. Ведь среди его петербургских друзей был Тадеуш Налепинский.

Слишком мало мы знаем о братьях Кублицких-Пётух. Феликс был мужем матери Блока. Адам — мужем его тетки. Их имена говорят о том, что они, скорее всего, были католиками. Феликс и Адам — имена хоть и возможные в православной церкви (генерал Жевуский и князь Юсупов), но встречались они весьма редко. Кублицкие — виленская семья, давно тяготевавшая к русификации. Умерший в 1809 году Станислав Кублицкий, некогда полковник польской армии, за два года до смерти опубликовал «Дамскую сорочку...», роман, **извлеченный** из русской словесности, писал он и оригинальные пьесы, в предисловии к одной из них заметив, что вынужден эти пьесы писать, поскольку не знает ни одного иностранного языка и не может заняться переводом. Из этого видно, что хоть он и писал по-польски, русского языка иностранным не считал. Но откуда они себе этого Пётуха прицепили? Такое использование прозвищ в соединении с фамилиями, весьма характерно для русифицированных поляков — всевозможных Бонч-Бруевичей, Корвин-Пиотровских, ну и — Пётух-Кублицких, а лучше Пётух-Кублицких (удвоенные согласные в фамилии производили очень хорошее впечатление). Один подольский шляхтич спросил Николая II, может ли он писать свою простую фамилию через два «ф». «Пишите хоть четырнадцать», — ответил царь, который, как видно, был не лишен чувства юмора.

Польское начало в семействе Кублицких — отчим Саши был гвардейским офицером — наверняка было специфического свойства и, полагаю, не создавало никаких проблем ни семье Бекетовых, ни Блоку. Но обыденная необходимость адресовать письма к матери (а переписка с матерью, очень откровенная, играла важную роль в жизни поэта) на польскую, притом довольно странную, фамилию, изо дня в день напоминала об этой польскости. Возможно, братья Кублицкие отчасти были чем-то вроде «полячков» Достоевского, но тогда тем более они должны были вызывать в Блоке противоречивые чувства. Не мог он быть к ним равнодушен, наверняка думал хотя бы так: «ах, эти поляки!». Разумеется, друзья-поляки — другое дело. Мир Тадеуша Налепинского — это мир совершенно иной; Налепинский был революционером, патриотом, горячо переживал 1905 год, конечно, иначе, чем Саша, но уж наверняка совсем не так, как полковник Пётух-Кублицкий.

К этому прибавилась еще и проблема отца, профессора варшавского университета. Фигура сумрачная и странная. Скупец. После его смерти в



стопке ног возле рояля нашли тридцать тысяч рублей — сумму громадную. Сам профессор жил без прислуги, питался в каком-то трактире (возможно, в забегаловке на Зельной?). Вторая жена тоже бросила его, но жила в Варшаве, с дочерью Анжелиной, рано умершей сестрой Блока. Это редкое имя тоже о многом говорит: Ангелина, Анелька. Русскому оно говорит мало, но как же много — поляку, как оно литературно, как ароматно — словно фиалки на платье Анельки в «Без догмата».

Все, что я знаю о старом Блоке (профессоре), — это два анекдота. Тщетно искал я его могилу на Вольском кладбище. Одна история связана с первым вопросом, который он задал моему кузену Яну Иванскому на экзамене по истории права: сколько симфоний написал Бетховен? Вторая история — про Симона Ашкенази. Тот защищал докторскую диссертацию в Варшавском университете у Блока. Блок был так восхищен этим сочинением, что выдвинул его на золотую медаль. Чему решительно воспротивился ректор университета. Ашкенази — поляк и еврей — не мог получить медаль! Между ректором и Блоком вспыхнул весьма острый конфликт, в который вмешалось министерство просвещения. Золотой медали Ашкенази не получил.

Александр Блок-отец был фанатичным любителем музыки и великолепным пианистом. Любовь к музыке он унаследовал, как видно, от своего деда, обрусевшего немца Иоганна-Фридриха Блока (Блоха?), лейб-хирурга цесаревича Павла Петровича. Профессор Блок очаровал своей игрой обеих жен, а в своей диковинной варшавской квартире в одиночестве музицировал вечера напролет.

Надо учесть, что внезапное восторженное понимание незаурядной природы отца пришло к Блоку в том зловещем 1909 году, когда поэт особенно сильно ощутил, какое хмурое политическое небо нависло над его «несчастной» родиной, когда все казалось ему ужасным после смерти отца, после решительного разрыва с женой, после окончательного разочарования, которое приготовили ему ближайшие друзья юности — Андрей Белый, Сергей Соловьев.

Восторг, вызванный личностью отца, был действительно неожиданным. Прежде отношение Александра к отцу было пренебрежительным — семья матери относилась к профессору с открытой враждебностью, редкие встречи в Петербурге не давали возможности сколько-либо существенного общения.

Теперь же, из Варшавы, он писал матери:

«Мне стал яснее внутренний облик отца — во многих смыслах я вижу его совершенно иначе. Все свидетельствует о благородстве и величии его духа, о каком-то необыкновенном одиночестве и исключительном масштабе натурь».

Декабрь 1909 года был для Блока полон открытий. Поездка в Варшаву не только заставила его иначе взглянуть на отца и увидеть в нем то, что он явно недооценивал, — он по-иному увидел «заворки польские России», понял наконец, что такое Польша и Варшава. К Богу он обращается так же, как в стихотворении «На смерть младенца»: «... забывший Польшу, Боже!». Трогательно это его стремление **понять**.

Блок, несмотря на эгоцентричную натуру, был человеком очень впечатлительным и умным. Он разбирался в людях. Видел, каких русских посылают в Варшаву, понимал политическое положение польского народа, хотя порой ограничивался слишком расхожими образами: конные рыцари, откинутые рукава... По-видимому, польскую литературу он знал минимально, а пьесы Пишибышевского, в которых играла любимая им Вера Комиссаржевская и след которых можно обнаружить в драмах Блока, были не лучшим путем посвящения.

Полагаю, что в варшавском эпизоде большую роль сыграла «Анелька» Блок, с которой Саша вел долгие разговоры. Мы много говорим о русификации поляков и совершенно не принимаем во внимание фактора полонизации русских. Однако и этот фактор имел значение.

Я думал об этом только что, когда мне показывали дворец Набоковых где-то возле Литейного проспекта. Какие удивительные судьбы у этой семьи. Александр II, которого лишила жизни бомба, брошенная на Екатерининском канале, ехал, чтобы подписать конституцию, подготовленную министром Набоковым. Взорвалась бомба — к чертям отправился и царь, и конституция, и Набоковы. «Победоносцев над Россией простёр совиные крыла». Но один из сыновей министра Набокова, который был судьей в «Царстве Польском», в 1915 году где-то затерялся и не эвакуировался вместе с другими. Остался на судейской службе в Польше, где-то не то в Радомско, не то в Роспже. Это был отец композитора Николая Набокова, большого моего приятеля — у меня есть письмо от него, написанное превосходным польским языком. Выросшая в Варшаве жена сенатора Готовцева, дочь полковника Заболоцкого, который отдал приказ стрелять по демонстрации на Замковой площади в 1861 году, в шутку меня упрекала, будто у меня дурное польское произношение. Помню, в 1911 году ехал я из Ченстоховы в Колошски. На вокзале группа молодежи провожала юношу в гимназической фуражке (а было это в пору бойкота русских школ), который уезжал из Ченстоховы «в глубь Расеи». Все молодые люди были русскими,



детьми чиновников пётрковской губернии, но говорили меж собой по-польски, на прекрасном польском языке.

Думаю, что и у «Анелки» были подружки-польки. Саша наверняка познакомился с ними — и они ему понравились. А Саша был красив. Вопреки своим мглисто-гуманным стихам он был вполне реален. Когда Андрей Белый впервые приехал в Шахматово, он, к своему удивлению (и разочарованию) увидел высокого, кудрявого, загорелого молодого человека в русской рубахе и высоких сапогах. Тот ездил верхом «по хозяйству», потом возвращался домой и писал стихи о «Прекрасной даме».

Кроме проституток на Новом Свете, к которым он упорно возвращался, Блок наверняка познакомился и с другими польскими женщинами.

Именно в Варшаве, на Новом Свете, у памятника Копернику, что сидит, «склоняясь над пустою сферой», из воспоминаний о смерти отца, разговоров с единокровной сестрой, из стопки пыльных томов Роберта Шумана, что лежали у рояля, тая в себе тысячи бумажных рублей, — и, конечно, из чудесной музыки, которую так любил отец, — зародилось то нечто, та поэма, что так долго мучила Блока. А здесь, за этими окнами, с этим унылым видом на Пряжку, рождались причудливые линии поэмы, которую я процитировал, как она мне припомнилась, — поэмы, которая по сути своей была отрицанием лирики Блока.

Почему Блок не окончил «Возмездия»? Почему от поэмы остались только руины, где притаилась «невозможность», обратившая в прах великий, непомерный труд поэта?

О «Возмездии» раньше писали мало. Соседство со «Скифами» и «Двенадцатью», ослепительно виртуозной поэзией последних лет жизни Блока, оставляло эту поэму в их тени. Замысел возник у Блока сразу по возвращении из Варшавы, зимой 1910 года, потом поэт много раз к нему возвращался. Следует предположить, что эпическая поэма, явившаяся полной противоположностью прежних взлетов поэтической фантазии Блока, была для него материей столь чуждой, что он просто не сумел с нею совладать.

Сейчас советские критики очень высоко ставят «Возмездие» в иерархии произведений Блока. Они подчеркивают реализм поэмы, попытки автора следовать за Пушкинным, видят зависимость «Возмездия» от «Евгения Онегина» и «Медного Всадника», причем не только во внешней форме, но и в идейном наполнении. На первый план выдвигают материал вступления и первой главы, но мне-то кажется, что важнейшее, основа всего, что дошло

до нас от «Возмездия», — это третья, неоконченная, глава. Она посвящена польской проблеме и возмездию, мести, которая еще только предстоит.

В этой главе, наряду с приведенным фрагментом, описанием Варшавы, мы найдем и другие захватывающие пассажи — всё о Польше и польском вопросе. В других фрагментах Блок глубже: он касается менее банальных тем, поражает не только двойным дном, недосказанностью — что всегда его отличало — но и касается некоторых тем напрямую. Проблема отступничества, измены, «питья с врагом вина». Не думал ли он тут о Кублицких — не на них ли ему указывали его настоящие польские друзья?

*Страна — под бременем обид,
Под игом наглого насилия —
Как ангел, опускает крылья,
Как женщина, теряет стыд.
Безмолвствует народный гений,
И голоса не подаёт,
Не в силах сбросить ига лени,
В полях затерянный народ.
И лишь о сыне, ренегате,
Всю ночь безумно плачет мать,
Да шлёт отец врагу проклятье
(Ведь старым нечего терять!..)
А сын — он изменил отчизне!
Он жадно пьёт с врагом вино,
И ветер ломится в окно,
Взывая к совести и к жизни...*

Этот ветер, вызывающий к совести и к жизни, — необычайно важный образ. Он неожиданно и очень глубоко освещает человеческие чувства Блока, все то — стыд, горечь, гнев, — что чувствовал поэт, видя, как поляков и русских разделяет «орава военных русских пошляков».

Несмотря на все «перемены к лучшему» в этих отношениях Блок чувствовал, что его манифест преждевременен. Отсюда и постоянный отход от нее. Очень интересно проследить, в какие годы Блок обращался к «Возмездию». В 1910, по приезде из Варшавы, в 1914, после манифеста великого князя Николая, затем после Октябрьской революции, когда польская тема стала вопросом государственным, и в 1921, после Рижского мира.

Конечно, эта тема, столь личная, увидена «в сырой и серой высоте»; столь дорогая полякам тема мессианства оплетена у Блока зарослями исторических проблем и образов, создающих сложный, трудный для восприятия фон поэмы. Материя распирала выбранные для нее реали-



тические формы, не давая себя втиснуть в эти узкие рамки. Центральная проблема «Возмездия», проблема становления индивидуальности, была представлена Блоком на широком историческом фоне «мировой круговерти» (слова Владимира Орлова). Жизнь России и Польши, русско-турецкая война 1877-1878 годов, возвращение в столицу гвардии из похода в чужие края, движение «Народной воли», повседневная жизнь научной и художественной интеллигенции в глухие годы победоносцевской реакции, революционное брожение, баррикады 1905 года, Цусима и 9 января — таковы исторические измерения блоковского замысла.

Однако этим своим громадным замыслом он не сумел вполне овладеть, тем более что его отношение к философии истории менялось. Мистических теорий Владимира Соловьева уже не хватало, а философией исторического материализма он в достаточной степени не проникся. Так же и польский материал — хоть и прекрасен, но поневоле ограничен фантастическими образами. С историей польской мысли Блок был мало знаком, и потому польский мотив «Возмездия» у него то и дело прерывается. Разговоров с Ангелиной тут явно не хватало. Другой великий поляк, «Фаддей Францевич» Зелинский в этом смысле немного мог ему дать в ту эпоху, хотя наверняка Блок многим обязан ему в том, что касалось культуры Западной Европы, античной и возрожденческой литературы и искусства. Однако в те времена Зелинский, говорят, еще неохотно признавался в своей польскости, а в смысле убеждений был весьма консервативен. Позднее это сказалось в его отношении к Блоку как поэту, в той анафеме, которой он предал поэму «Двенадцать». Так что Александру оставались только образы, вывезенные из Варшавы. Он инстинктивно чувствовал фальшь в том, что православный собор стоит на Саксонской площади, что именно здесь происходят похороны, — но ему трудно было взглянуть на польские проблемы непредубежденным взглядом. Мы знаем, как относился к полякам умный и милый Дмитрий Философов, представитель близкой Блоку среды Мережковского и Зинаиды Гиппиус, который долгие годы, до самой смерти, жил

в Варшаве. Он так и не смог избавиться от легкой иронической улыбки по поводу нашей борьбы, наших усилий, нашей культуры. Все это он считал вещами «не столь важными» с петербургской точки зрения. Не затрудняло ли работу и Блоку такое же непонимание принципиальных основ «польского вопроса»?

Обильный материал в сочетании с устаревшей поэтической формулой создал неразрешимую задачу. Блок работал над «Возмездием» до конца своей короткой жизни — и оставил произведение в форме незавершенной, хотя и производящей на читателя сильное впечатление.

И все это происходило здесь, в странной квартире, над странным каналом. Это дает пищу для размышлений. Какой «надрыв» жил в прекрасной душе этого замечательного человека? Чего ему не хватало? Отчего он мучил — тоже здесь — жену, красивую простую девушку, своими утонченными взглядами на любовь, *amore sacro e profano*? Что виделось ему на этом сером горизонте, за этими занавесками, этими стеклами, преломлявшими реальность совершенно иначе, нежели стекла Достоевского? Сквозь эти окна и революция казалась совсем иной, чем она была в действительности. Она превращалась в мистическое зрелище, мистерию не-буфф, небожественную комедию. Вы замечали, что вся поэма «Двенадцать» написана, словно вид сверху?

Здесь он умер. Седьмого августа, в десять утра вид на море, на канал, на Петербург был не так мрачен, как зимой или осенью. Было летнее утро.

Последние стихи Блока написаны здесь, и звучали они так:

*Мне пусто, мне постыло жить!
Я не свершил того...
Того, что должен был свершить.*

«Не свершил того, что должен был свершить». Быть может, он думал тогда о том, что не завершено «Возмездие»? Поэма о польской девушке, которой предстоит родить мстителя? А он даже не успел ее описать...

Жаль!

[1977]



ПОЧЕМУ СТАЛИН ИСТРЕБИЛ СВОИХ ГЕНЕРАЛОВ

Беседа с Павлом Вечоркевичем



Павел Вечоркевич — известный историк и советолог, профессор Института истории Варшавского университета. Специализируется в военной истории, истории России и СССР. Автор около 20 книг, среди которых «Сталин и советский генералитет в 1937-1941 годах» и «Дело Тухачевского». Известен пользующимися успехом у читателей сборниками исторических эссе и участием в популярных теле- и радиопередачах. Более тридцати лет восстанавливал причинно-следственную связь одного из самых мрачных и трагических явлений в советской истории — репрессий 30-х гг. прошлого века. Вышедшая в 2002 г. в польском издательстве «Рипл» книга «Цепь смерти» описывает причины, ход и последствия чистки в Красной Армии в 1937-1939 гг.

— Как вы заинтересовались этой долгие годы запретной темой?

— Все началось в научном кружке Исторического института Варшавского университета осенью 1967 г. В Польше как раз появилась сенсационная по тем временам книга Александра Некрича «22 июня» о подготовке Сталина к войне. Будущие историки поделили темы, и мне досталось «дело Тухачевского». Оно было окутано абсолютной тайной. О самих сталинских репрессиях тогда в Советском Союзе не очень распространялись, а у нас — тем более. Но я начал собирать материал, хотя понимал, что через рогатки цензуры мне не проскочить.

— И где вы добывали материалы?

— Несколько раз я пытался проникнуть в советские, а позже в российские архивы. Но допуска не получил даже в конце перестройки. На запрос об интересовавших меня судьбах генералов 30-х годов, я получил ответ, что материалы мне могут предоставить, если кто-нибудь из военачальников — мой родственник. Родни среди генеральского корпуса у меня не было. Только в середине 90-х положение, к счастью, изменилось, и я оказался в святой святых — в Российском государственном

военном архиве. Там можно просидеть десятки лет, и то всего не исследуешь — тысячи и тысячи человеческих судеб, каждая из которых представляет интерес.

— Как вы ориентировались?

— Помогла интуиция. В один прекрасный день я наткнулся на материалы, которые никто до меня не смотрел и еще несколько лет смотреть не будет. В России, как и в Польше, введен принцип об охране личных данных, по которому персональные папки можно будет открыть только через 70 лет, то есть в 2007-08 гг. Но я успел «распечатать» страшные красные тома, обложенные красными же картонками с золотыми надписями. Внутри, со следами крови, оказались заключения НКВД, направленные народному комиссару обороны с предложением уволить из армии находящихся по д.подозреваем высших офицеров. Были там также резюме следствия по каждому из дел: что «висит» на подследственном, кто давал показания, каковы мнения сослуживцев и т.д. Материал для исследователя бесценный.

— Но вы же этим не ограничились? Библиография вашей книги содержит около 3000 источников.



— Чем дальше и глубже я проникал в неизвестное, тем больше захватывало дух. Через мои руки прошло почти все, что написано на эту тему в России. Иногда мне удавалось добраться до таких публикаций, о которых не знают даже российские историки. Я «выуживал» материалы из Иркутска, Хабаровска, со всей России. Много нашел на Украине и в Белоруссии. Ехал куда угодно, как только узнавал, что есть что-то доселе мне неизвестное. Очень помогла доброжелательность «Мемориала», в списке которого уже было около 600 репрессированных высших офицеров — от полковника и выше. Параллельно работал в польских и французских архивах. Мне удалось собрать данные о 1600 генералах и высших офицерах. Но это еще не все. Список будет расширяться по мере открытия и исследования новых документов. Пока моя книга больше похожа на разведку боем необъятной темы.

— Тем не менее этот огромный том почти в полторы тысячи страниц уже назвали первой в мировой литературе научной монографией, посвященной чистке в Красной Армии и ее последствиям.

— Это все-таки преувеличение. Я больше согласен с тем, что, как мне сказали в издательстве, «за последние 20 лет это самая объемная книга, изданная одним автором». К тому же сравнительно недавно на эту тему вышла весьма ценная книга уважаемого мною историка Олега Сувенирова. Правда, он подошел к проблеме иначе: использовал реабилитационные документы, а я пользовался документами НКВД.

— Какую цель вы преследовали, приступая к работе над «Цепью смерти»?

— Я хотел доказать, что кровавые репрессии против офицерского корпуса были непосредственной причиной поражений Красной Армии в первые годы войны. Я очень быстро понял, что без представления и анализа механизма чистки нельзя понять политику Сталина накануне II Мировой войны. Расправившись с генеральским корпусом в период напряженной международной обстановки, Сталин дал понять, что не хочет принимать участия в первом этапе войны, которой было не избежать. Чистка стала поощрением для Гитлера, развязавшего войну.

— Вы не задумывались, в чем была причина этой чистки?

— Знаете, это действительно интересно, но расшифровывается довольно банально. Меня тоже интриговало, чем руководствовался Сталин, когда в подаваемых ему для утверждения списках на арест он кого-то вычеркивал и требовал не трогать. Он оставлял людей слепо преданных, но недалеких, как, например, Ворошилов и Буденный. Или хороших профессионалов, полностью лишенных воли и характера, как, например, маршал Шапошников. Конечно, трудно было проявлять характер при Сталине, но были люди, вроде Тухачевского, которые умели выражать и отстаивать свое мнение.

— В своей книге «Дело Тухачевского» вы показали, что именно оно стало началом беспрецедентной чистки в Красной Армии. Ваши доводы отличаются от других исследований?

— Вообще «дело Тухачевского» — это большая провокация. В этом я убедился, работая с материалами, среди которых были и обвиняющие маршала немецкие фальшивки. Сталин, желая избавиться от Тухачевского, инспирировал немцев, дал знать через своего человека о заинтересованности в компромате на Тухачевского. Такие фальшивые материалы были подготовлены и — через Бенеша, через Прагу — дошли до Москвы.

Я считаю, что мне удалось доказать: Тухачевский был приговорен в результате заговора Сталина, а не Гитлера, который в этом деле был всего лишь орудием советских спецслужб. Именно Сталин вынес ему приговор. Почему? Конечно, мстительность Сталина и его давние конфликты с Тухачевским сыграли свою роль. Двух звезд в Красной Армии быть не могло, а Тухачевский, вне всякого сомнения, такой звездой был. Однако меня очень интересовала реконструкция самого дела. Например, исследуя французские архивы, я обнаружил много интересных фактов, опровергающих гипотезу об участии Тухачевского в заговоре против Сталина. Правда, в 1936 году Тухачевский стал требовать отставки Ворошилова, обвиняя наркома обороны в некомпетентности и затягивании решений ключевых вопросов для армии. Сталин,



учитывая его способ мышления, мог это воспринять как бунт или заговор. Но Тухачевский все это «продельвал» в присутствии самого Ворошилова и Сталина.

— *Могли бы вы после ваших многолетних исследований сказать, каким был Тухачевский?*

— В России сейчас предпринимается много попыток сделать из него кровавого преступника. Главное обвинение: Тухачевский подавил Кронштадтский мятеж и восстание Антонова на тамбовщине. По-моему это заведомый перебор. Те, кто стоит на стороне кронштадтских моряков, забывают, что во время гражданской войны это был наиболее зверский, вырождающийся, дикий элемент. Это были те, кто живьем снимал кожу со своих офицеров, вырезал погоны на живом теле. Трудно сегодня восхищаться и их недовольством «военным коммунизмом». Тухачевский был прагматиком и в моем понимании — российским патриотом. То, что Советская Армия выиграла Великую Отечественную войну, — в огромной мере заслуга Тухачевского: он успел привить ей современную военную доктрину и поднять уровень боевой подготовки.

— *В пылу полемики о восстановлении памятника Дзержинскому на Лубянке в российской печати появились публикации о том, что палки в колеса Тухачевскому в его походе на запад, на Варшаву, вставлял именно «железный Феликс», который якобы всячески ему вредил, разрушал тылы... Вы с этим согласны?*

— Нет, конечно. Роль Дзержинского в той кампании была незначительной. «Рыцарь революции» был поглощен созданием польского коммунистического правительства. Но это у него не очень-то получалось, потому что в Польше в 1920 г. эта идея не получила никакой поддержки. Даже среди, как сказали бы сейчас, потенциального электората безземельных крестьян и рабочих. Тогда, во время наступления большевиков на Варшаву, каждый считал основным делом войну за независимость. Классовые вопросы отошли на второй план. Дзержинскому, для которого победа мировой революции была мечтой и

делом всей жизни, можно ставить в вину многое, но о его конъюнктурных взглядах, о неприязни к Тухачевскому говорить не приходится. Может быть, российский дворянин и не пришлось по душе польскому шляхтичу, но из этого еще ничего не следует. В противном случае любая неприязнь в политике сделала бы невозможным какое-либо соглашение. Если и можно говорить о том, что кто-то вставлял Тухачевскому палки в колеса, то это скорее был Сталин, у которого была другая концепция ведения этой кампании...

— *Он видел в Тухачевском соперника, не так ли?*

— Вот именно. Будучи членом РВС Юго-Западного фронта, Сталин стоял под Львовом и не хотел идти на Варшаву. По очень простой причине: он жаждал победы на своем фронте, командуя которым был Егоров. Поэтому он задерживал приказы «польского направления» и препятствовал армии Буденного вести наступление на Варшаву. Сталин хотел взять Львов, стать триумфатором, а затем нанести удар по Словакии, Чехии и Венгрии, а не по Варшаве и Берлину. Тухачевский же побежал на Варшаву чуть ли не с неприкрытым флангом. Их направления все более расходились, и в эту дугу ударил Пилсудский. В такой ситуации дело не могло кончиться ничем, кроме поражения. Сам Тухачевский впоследствии признавал, что собрал слишком мало сил, чересчур положился на энтузиазм, не обеспечил достаточного снабжения армии... Однако при этом он открыто заявлял, что главным автором поражения 1920 г. был Сталин.

— *Поразило ли вас что-нибудь во время работы над книгой?*

— Было такое. Однажды я наткнулся на кипу документов одного из высших офицеров, который пережил, казалось бы, неминуемую чистку, и задался вопросом: почему это произошло? Ответ нашелся быстро. Под угрозой ареста он два года писал на всех доносы — невероятные и омерзительные. Это было ужасно. Система приводила к тому, что ради сохранения собственной жизни надо было стать, по сути, соучастником преступления. Очень мало было таких, кто под занесенным мечом репрессий не доносил, сумев сохранить достоинство и порядочность. Я уже не говорю о тех, из кого показания в буквальном смысле слова



выбивались в кабинетах НКВД. Вовлечение в цепь преступлений косвенно привело к искажениям понятий морали, что сломало нравственный хребет не одному поколению всего народа.

— *Меняется ли отношение к чистке в исторической литературе?*

— Как я уже говорил, об этом вообще преимущественно молчали. Пожалуй, говорить начали только в короткий период хрущевской оттепели. А если уж писали, то в черно-белых тонах: невинно погибшие герои и их палачи. Между тем многие из тех, кто был арестован в 38-м году, были причастны к аресту и гибели своих коллег и начальников годом раньше. Такова диалектика палача и жертвы, когда совинновность охватывает всех. Конечно, раньше об этом не было и речи. А классическим подходом советской историографии к репрессиям 30-х годов было утверждение о кристально чистых ленинских чекистах, которых истребил частично Ягода, но прежде всего — Ежов. Это был пример коммунистического новояза и создания героев поклонения. Но людей надо показывать такими, какими они были: с долей вины или проявлениями мужества. Все-таки множество репрессированных старались честно служить своей стране. Не их виной и не их выбором было то, что это происходило в Советском Союзе в сталинские времена.

— *Однако Виктор Суворов в своей книге «Очищение» думает иначе.*

— К сожалению, не он один смотрит на те трагические события сталинскими глазами. Я не в силах понять, как можно искренне верить в следственные признания в застенках НКВД и утверждать, что это правда. Если посадить такого автора на место подсудимого, то он признался бы, что он инопланетянин или кто угодно. Суворовское «Очищение» — гнусная книжка, свидетельствующая о злой воле или полной невежественности автора. Можно ли, будучи в здравом уме, выдвигать хотя бы предположение, что устроенная Сталиным резня собственных

генералов правильна и служила интересам государства? Ведь эти трагические события могли кончиться гибелью государства. Это было чудовищное преступление, и писать о нем в позитивном ключе кощунственно.

— *Как вы считаете, прекратится ли поклонение Сталину, демонстрация с его портретами и скандирование его имени, что порой случается в России, после смерти старшего поколения?*

— Думаю, что с годами Сталин может быть в России все более популярен. Для того, чтобы этого не произошло, надо провести глубокую декоммунизацию. Сталин стал Сталиным благодаря политической доктрине — коммунизму в большевистском издании. Не осознав этого, осудить Сталина будет очень нелегко, ибо все, что он делал, было логическим продолжением ленинского курса, а отнюдь не ошибками и извращениями. Если обойти это молчанием, Сталин будет ассоциироваться с победой в Великой Отечественной войне, с созданием великого государства, и это может стать неизбежным процессом. Обратите внимание на другое явление — правда, совершенно иного масштаба: сегодняшняя польская молодежь — хотя, может быть, и не вся — восхищается Пилсудским. Между тем до войны у Пилсудского было столько же сторонников, сколько и заклятых врагов. Сегодня каждый поляк в каком-то смысле пилсудчик. Если российские, да и не только российские историки не будут глубоко и всесторонне работать над этой проблемой, освещая правду как можно шире, через несколько десятков лет Сталин станет символом величия России после Петра Великого, рядом со Столыпиным, и займет одно из важнейших мест в истории России. Я думаю, что он обошелся России слишком дорого, чтобы занимать столь почетное место. Сталин сделал из преступления систему. Об этом надо постоянно напоминать.

*Беседу вел Валерий МАСТЕРОВ,
собственный корреспондент газеты
«Московские новости» в Варшаве*



Виктория и Ренэ Сливовские

ВЛАСТЬ СОЛОВЕЦКАЯ И ПОЛЯКИ

Хотелось бы посвятить несколько страничек памяти необыкновенных людей, которых нам довелось встретить на своем жизненном пути. Да и не только хотелось бы. Мы обязаны почтить имена этих троих незаурядных поляков: Александра Александровича, Хелены Овсяны и Валенты Вороновича, жизнь которых была тесно связана с историей ссылки на русском Севере.

Что же сближает этих удивительных и таких разных людей, которых, увы, уже нет среди нас? Александр Александрович скончался в Згожельце в 1997 году. Хелена Овсяны, Хеленка, как звали ее друзья — а было их несчетное множество — и пан Валенты ушли от нас почти одновременно в Варшаве, в нынешнем 2002 году.

Что их объединяло, почему именно их мы выделяем из массы польских граждан, которых жизнь связала с русским Севером XX столетия?

Прежде всего это их невероятная доброта, отзывчивость в самых трудных жизненных условиях, отсутствие всяких следов ксенофобии, предвзятости, чуткость к чужой беде, память обо всех когда-либо и что-либо для них сделавших.

Воспоминания Валенты Вороновича («Случаи XX века. 20 лет на Соловецких островах и Колыме. 1935-1955») были опубликованы в 1994 г. Институтом истории Польской Академии наук, сразу же вызвав огромный интерес. Автор (1915-2002) провел на Соловках и Колыме всю свою молодость. Когда мы стали готовить текст к печати, мы были уверены, что автор писал на основе старых записей — столько там было фамилий, фактов, ярких характеристик. Но оказалось, что все это пан Валенты хранил в памяти, бесконечно повторяя, чтоб не забыть увиденное и пережитое, веря, что придет время, когда он сможет изложить все это на бумаге. И его мечта сбылась. Надо подчеркнуть, что огромным достоинством его воспоминаний является четкое отделение событий, свидетелем которых был он сам, от всего, что доходило до него понаслышке или о чем он где-то прочитал. Это придает им документальную достоверность.

Воронович дает очень выразительные портреты людей, с которыми ему пришлось столкнуться. Более или менее осознанно он раскрывает при этом также свой внутренний мир, черты характера и свое поведение в лагерных буднях и в крайних обстоятельствах. Иногда в это трудно поверить: например, как ему удавалось заставить уголовников не ругаться при нем матом и т.п. Но мы имели счастье сравнить «автопортрет» с подлинником, и это сопоставление оказалось для автора в высшей степени благоприятным. Это был тот же самый человек, каким он явился на страницах воспоминаний — на Соловках и на Колыме. Тот, каким он сам себя изобразил, только намного старше. Кроме этого, пожалуй, не было заметной разницы: невысокого роста, гладко выбритый, скорее худой господин с теплой улыбкой, с искрой юмора в глазах, в меру спокойный, уравновешенный, с шепоткой горечи, сохранивший обиду, даже ненависть, к системе, но не к живущим в ней поневоле людям. Поражали в нем тогда — и потом, когда мы встречались уже у нас, в Залесье, — как, наверно, поражали и его сотоварищей в лагере, скромность, соединенная с огромным чувством собственного достоинства, врожденная вежливость и приветливость. И сохранившийся до конца дней жгучий интерес к окружающему миру, особенно к достижениям науки, который ему, молодому узнику, привил опытный соловчанин — физик по профессии, родом из Англии, «обучавший и формировавший [его] два года с хорошим результатом». В своих воспоминаниях он пишет о нем так:

«Я буду до конца жизни благодарен ему, ибо он научил меня жить в лагере и быть поглощенным не только ежедневными событиями, но и художественной литературой, наукой, искусством, научил жить в этой земной юдоли и оторваться от грязной и страшной действительности, чтобы не опуститься на ее дно. Часто позднее среди барачной кутерьмы, бессмысленных препирательств и гнусных разговоров я размышлял, отойдя в сторону, о совершенно иных материях. Я душевно отдыхал от повседневной лагерной жизни, забывая даже о полуголоде и усталости.

Сологерники обращали на это внимание и спрашивали, почему я так охотно пребываю в одиночестве и почему все время о чем-то думаю. Они внушали мне, что это не к добру, что от постоянных раздумий можно свихнуться. Я не свихнулся и после освобождения без всякого усилия включился в



новую среду, ничем от нее не отличаясь, ибо я был уже подготовлен к этим переменам; в лагере я не отступал, не стал дегенератом, и отрицательные лагерные навыки ко мне не прилипли. Все время моего пребывания за колочей проволокой я пополнял свое образование. Наука и постоянный контакт с ней облагораживает человека».

Когда мы сидели в крохотной квартирке на варшавской Воле и наслаждались множеством ухоженных цветов в горшочках, мы могли убедиться в правоте этих слов. Все в комнате и на кухне блестело. И мы сразу вспомнили, чего ему стоило сохранять подобие чистоты в самых ужасных лагерных условиях! На полках множество книг из различных областей, прежде всего по физике, на польском и русском языках. Квартирка одинокого человека, который, правда, уже не сумел наладить семейную жизнь, но зато нашел настоящих друзей, заботящихся о своем товарище по работе, тогда уже пенсионере, гордящихся выходом в свет его воспоминаний.

В 1996 г. удалось опубликовать короткие «мемуары» Александра Александровича («Записки» // «Неподлежность и паменть», 1996, №6), крепкого хозяина на двенадцати гектарах в Новоградском воеводстве (по тогдашней терминологии типичного «кулака»), которого 10 февраля 1940 г. выслали с женой и детьми в поселок Россохи Шенкурского района Архангельской области. Записок поляков, высланных в 1939-1940 гг. в Архангельскую область, сохранилось в наших архивах и рукописных отделах немало. В них множество фактов, имен и фамилий, весьма ценных для историка. Их нетрудно найти по составляемому в варшавском Восточном архиве указателю, а также по картотекам в отделах Общества сибиряков. И все же мы осмеливаемся утверждать, что рассказ Александровича, с которым у нас завязалась интересная переписка, длившаяся до его смерти в августе 1997 г., необыкновенен, как необыкновенным человеком был и сам автор, остро и весьма критически относившийся и к временам своей молодости, когда он принимал участие в борьбе за независимость родины, и, конечно, к советским порядкам. Не устраивала его и «Народная Польша». И он охотно об этом писал, чаще всего в стихотворной форме. В его описании пребывания в Архангельской области нет никаких дотоле неизвестных нам фактов, но поражает способ их изложения, полностью лишенный псевдопатриотического и плаксивого тона, характерного для большинства такого рода повествований. В то же время автор чрезвычайно конкретен и не лишен чувства юмора. Примером может служить история о том, как полякам пришлось заменить ушедших на войну мужчин:

«А возницами были бабы, из наших. До этого возницами были мужики, из русских. Но когда пришло время их военной службы, на их место поставили баб. Разгрузив воз, баба берет в руки вожжи и кричит: «Но!» А конь стоит, с места не двигается, потому что привык к мужскому голосу. Тогда бригадир, который надзирает, говорит: «Девушка, поругайся на него», — на коня, значит. Баба спрашивает: «А как ругаться на коня-то?» — «Ну, но, ёб твою мать!» Как только баба сказала эти слова, конь двинулся с места». Таких сценок, дающих лучшее представление о жизни депортированных польских семей, чем не одно описание невыносимых тяжестей подневольного труда, у Александровича гораздо больше.

Его жизнеописание — это полный простоты и своеобразного обаяния рассказ человека привыкшего к тяжелому, но приносящему зримые результаты труду, крестьянина, который в Стране Советов на каждом шагу удивляется необходимости симулировать работу, халтурить и в результате жить в невиданной ранее нищете. И в то же время он без труда приспосабливается к новым условиям, находит способ, как самому с семьей прокормиться, да еще и другим прийти на помощь. Ничего удивительного, что его любят и ценят, что к нему тянутся. Вот описание, как его с женой стали уважать их хозяева:

«У этого хозяина все имущество состояло из двух куриц и двадцати соток земли при доме. Приходит весна — пора сеять. Раздобыл хозяин немного ячменя, который держал в бочке. Бочка была глубокая. Одна из куриц взлетела на нее, увидела зерно, вскочила туда и так наелась, что вылезти не могла. Подозрение пало на поляков. «Как мы могли съесть сырую курицу?» — говорим. — «Поищите хорошо, найдете». Хозяин нашел ее на четвертый день. И обращается к жене: «Ульяна, отрублю топором ей голову, будет бульон». Ульяна плачет. Жалко, столько яиц давала. Моя жена слушает и говорит: «Хозяин, я ей сделаю операцию. Если выживет — хорошо, если нет — вы ей отрубите голову». Хозяин подумал и сказал: «Делайте операцию». Жена взяла курицу, разрешила кожу там, где находится зоб, вынула этот мешочек, чуточку разрешила, ячмень высыпался, вложила обратно, сшила кожу и сказала: «А теперь не давайте ей слишком густой пищи, только пить, положите ее под печку, пусть лежит в тепле». И курица выжила. И тогда все убедились, что поляки — добрые и полезные люди, и стали нас к себе приглашать».

Эта подкупающая история оторванного от своей родины польского крестьянина, находчивого, лишённого всяких национальных предрассудков, изобретательного, расторопного, практичного, не подчиняющегося таким превратностям судьбы, которые ссыльным XIX века и не снились, все же



напоминает нам о прошлых временах. Александрович инстинктивно, глубоко убежден, что нужно за собой оставить именно хорошие воспоминания. Не зная об этом, он продолжал традицию выдающихся предшественников, о которых он вряд ли когда-либо слышал.

Хелена Овсяны (1936-2002) войну пережила ребенком под немецкой оккупацией в Польше, в Кросненской области. Получив аттестат зрелости, целых пять лет учительствовала, потом окончила польскую филологию в Высшей учительской школе в Жешуве, оттуда перешла на русскую филологию в Высший педагогический институт, была там ассистентом, а после защиты кандидатской диссертации, посвященной жизни и творчеству Александра Малышкина, — адъюнктом, но уже в Институте славяноведения ПАН в Варшаве. Занималась, как многие тогдашние русисты, русско-польскими литературными связями, но в 80-х годах, будучи на стажировке в Москве, заинтересовалась мемуарами, связанными с судьбой поляков в XX веке. И это стало увлечением ее жизни. Перестройка открыла новые темы и новые возможности. Хелена Овсяны умела этим воспользоваться. Она нашла друзей в обществе «Мемориал», а воспоминания ингуша Созерко Мальсагова о его жизни и бегстве с Соловков¹ вместе с русским Юрием Бессоновым (автором книги «26 тюрем и побег с Соловков» — *Ред.*) и поляком Эдвардом Мальбродским, который, к сожалению, не оставил воспоминаний, до конца жизни связали ее с историей ссылки на Севере России. Она многократно ездила на Соловки и на Кавказ, нашла родственников Мальсагова, выяснила все факты, связанные с его биографией и судьбой его семьи.

«Хеленка» была всей душой отдана задаче увековечить своих героев, всех, чьи кости безымянно лежат на Соловках и в самых различных местах русского Севера. Во второй половине 90-х она сотрудничала с В.Карватом при создании двух фильмов: «Академия преступления» об истории лагерей на Соловках (ей удалось уговорить В.Вороновича принять в нем участие) и «Басрах, или Сон о свободном камне», посвященном истории репрессированных кавказских семейств, который, кроме Польши, показали по телевидению в России, Франции, Великобритании и Германии.

Можно без преувеличения сказать, что собирание документов о поляках на русском Севере в XX веке стало целью ей жизни. Дважды полученный грант она использовала совершенно бескорыстно, радуясь, что может помочь своим сотрудникам из «Мемориала». Благодаря им она получила доступ к огромному архиву делегатуры (представительства) Польского Красного Креста, связанной с Екатериной Пешковой, ныне находящемуся в фондах Государственного архива Российской Федерации в Москве (архивные поиски вели Ирина Осипова и Ида Заикина). Хелена Овсяны нашла следы работы той же делегатуры Красного Креста, возглавляемой Стефанией Семполовской в Варшаве, много времени посвятила работе в польском Архиве новейших дел, где смотрела отчеты польских посольств и консульств в разных странах мира, документы министерств внутренних и иностранных дел и многие другие. Этот огромный материал отразился в ее публикациях, прежде всего в книге «Поляки в лагерях русского Севера на основе воспоминаний, переписки и документов» (Варшава, 2000), а также в находящейся в печати монографии «Парадоксы соловецких лагерей». Хелена Овсяны не была профессиональным историком, да она и не претендовала на то, чтобы ее книги давали исчерпывающую историю польской ссылки на русском Севере. Она прекрасно знала всю литературу предмета, великолепно ориентировалась в сохранившихся мемуарных и эпистолярных фондах и официальной документации. Однако, излагая все это на бумаге, она сама оставалась в тени, предпочитая давать слово авторам воспоминаний и документам. Отсюда впечатление некоторой хаотичности, которую вполне компенсирует богатство и разнообразие собранных свидетельств. Книгами и статьями Хелены Овсяны будут чаще, чем многими учеными монографиями, пользоваться исследователи и читатели, ибо они писались сердцем, необычным чувством долга и, что необходимо подчеркнуть, совершенно бескорыстно. И мы не теряем надежды, что переведенные ею на польский язык воспоминания Созерко Мальсагова увидят свет, несмотря на все сложности нашего книжного рынка. И автор, и его переводчица заслуживают такого памятника.

Супруги Виктория и Ренэ Сливовские — известные филологи-русисты, профессора Варшавского университета и Института литературных исследований ПАН.

¹ С.Мальсагов, «Остров крови и смерти. (Книга очерков о Соловках)», Рига, 1926. Он же, «Адские острова. Советская тюрьма на Дальнем Севере». Лондон, 1926. То же на английском языке: S.A.Malsagoff. «An Island Hell», London, 1926. (См. также: В.Июфе, «Большой соловецкий побег 1925 года». // «Новая Польша», 2002, №7-8. — *Ред.*)



СООБЩАЕТ «МЕМОРИАЛ»

Конференция в Архангельске

2-5 сентября в Архангельске по инициативе Поморского государственного университета, при поддержке Фонда Конрада Аденауэра (ФРГ), консульства Польши в Петербурге и при участии областного краеведческого музея состоялась международная научная конференция «Каторга и ссылка на русском Севере с древнейших времен до наших дней». Конференция собрала историков из России, Германии и Польши. От «Мемориала» в ней приняли участие руководитель программы НИПЦ «Репрессии против поляков и польских граждан» А.Э.Гурьянов (Москва) и И.А.Дубровина (председатель Котласского историко-просветительского движения «Совесть», отделения российского «Мемориала»).

В день открытия конференции у мемориала жертвам политических репрессий «Соловецкий камень» прошел митинг, собравший участников форума, активистов организации «Совесть», представителей мэрии. Собравшиеся почтили память погибших в годы репрессий минутой молчания.

После митинга участники конференции поднялись на теплоход «Гоголь», на котором, собственно, и проходила конференция. Теплоход проследовал по Северной Двине от Архангельска до поселка Орлецы и обратно.

Тема доклада А.Гурьянова — массовая депортация населения в 1940-1941 гг. из западных областей Украинской и Белорусской ССР — бывших восточных окраин Польши. Изучая архивные документы конвойных войск и отдела трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД, исследователь нашел число эшелонов, в которых перевозили людей, и дал оценку по количеству депортированных в Архангельскую, Кировскую области и Республику Коми (более 76 тысяч).

И.Дубровина выступила с докладом «Польский детдом на Вычегде. 1942-1943 гг.», а также прочитала доклад заболевшей Т.С.Сабуровой, бывшей сотрудницы областной прокуратуры и активистки котласской «Совести» (в начале 1990-х Сабурова занималась пересмотром дел осужденных по

политическим мотивам). Доклад Т.Сабуровой был посвящен политическим судебным и квазисудебным репрессиям 1940-х против польских граждан, находившихся в спецпоселках и лагерях Архангельской области.

В день закрытия конференции в областной научной библиотеке имени Добролюбова открылась выставка «Каторга и ссылка на русском Севере». В 2003 г. по материалам конференции планируется издать сборник. В Санкт-Петербургском периодическом издании «Известия Петербург» от 11 сентября 2002 г. была опубликована статья журналистки Ирины Начаровой, посвященная конференции.

День сибирских поляков в Тюмени

17 сентября в Тюмени состоялось собрание членов общества польской культуры «Лятарник». Поводом для встречи послужил отмечаемый тюменской польской диаспорой День сибирского поляка (в Сибирь поляков ссылали при всех режимах, особенно во времена сталинского террора). Выступавшие отмечали, что, несмотря на все невзгоды, полякам удалось сохранить и память о своих корнях, и свою культуру.

Во встрече приняли участие представители тюменского «Мемориала». Собрание было освещено в местных СМИ, в том числе телевизионными каналами.

Закончена подготовка к изданию мартиролога (Республика Коми)

В сентябре этого года Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние» закончил подготовку пятого тома мартиролога «Депортированные с территории Польши, захваченной СССР в 1940 году, в лагерях и поселках Республики Коми».

К концу 2002 г. книга будет издана и распространена в библиотеках республики и среди желающих. (Источники: сайт www.memorial.ru «Мемориал»)

Вестник Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал». Выпуск № 7 (сентябрь 2002), приложение к Информационному бюллетеню «Мемориала»



Михал Болтрык

О ЧЕМ ДУМАЕТ БАБУШКА ФЕВРОНИЯ

У деревянного дома низкая лавочка, перед ней столик, накрытый клеенкой. Цветы вдоль забора. Участок с трех сторон обступила стена леса. Недалеко от калитки колодец с журавлем. За забором — яблони и сливы, дальше разлив трав, еще дальше дорога, покрытая гравием. За ней деревня Бернацкий Мост.

Опушка Беловежской Пуши.

На лавочке сидит Феврония Стоцкая.

— Сажу и думаю, — говорит пани Феня.

О чем же думает пани Феня?

— Размышляю, — говорит, — чего я еще жду. Чего? Смерти. Думаю: как это будет? Как придет за мной смерть? Каким образом? Когда? В какую пору? Днем? Ночью?

Феврония Стоцкая родилась в деревне Бернацкий Мост в июне 1901 года.

Ее родители Адам и Домна Карпоковы жили в деревне Капитушизна. Землю в Бернацком Мосту они приобрели еще при царе, у немцев. А немцы эти уехали на лучшие земли, на Вольнь.

— Помню, — вспоминает пани Феня, — при царе прямо за нашим хозяйством, где теперь лес, стояла кирха и были немецкие могилки. Еще недавно возле нашего поля стоял крест.

Какие первые яркие события отложились в памяти Февронии Стоцкой?

— Мне было пять лет. Закончили строить железную дорогу рядом с деревней Бернацкий Мост. Сказали, что там пройдет поезд. Мы все побежали к путям. И правда — ехал паровоз. Был дым и свист. «Нечистая сила», — сказала моя мама.

Хорошо думается о прошлом, когда опускаются сумерки, но еще не темно и до ночи далеко.

— Я тогда задумываюсь о том, что повидала в жизни, — рассказывает пани Феня. — И все время возвращаюсь мыслями в Омск, к тем людям, местам, событиям. Там мне хорошо жилось. Потом проходят перед глазами вереницей люди из Бернацкого Моста, Наревки, Луки...

братья, сестры. Никого уже нет в живых.

Вот, значит, Омск.

— В 1916 г. все, кроме двух католических семей, выехали из Бернацкого Моста беженцами в Россию. Никто нас на заставлял уезжать. Мы бежали от немцев. Боялись их.

Перед этим мы с отцом продали в Свислочи коров. Оставили тут 22 гектара земли, дом и хозяйственные постройки.

Остановились на берегу Иртыша, в Акмолинской области. Жили мы недалеко от Омска, в горке Коломзино.

Как нам там было хорошо! Какие добрые люди! Вы не можете себе представить, какие хо-

рошие были русские люди! Таких я никогда ни раньше, ни после не встречала. В деревне крестьяне кормили беженцев круглый год даром. Мы в городе не платили за хлеб. Там мы с Максимом, моим братом, ходили в школу. Даже на каникулах мама нанимала нам учителя, платя ему рубль в месяц. Мама была неграмотная и говорила нам: «Учитесь, дети, наука — это свет». Но я стыдилась ходить в школу, потому что была очень рослая. Жаль, что мама меня не била, — была бы пообразованнее.





Иногда вспоминается мне моя омская подруга, которая любила ходить на гулянки. А я нет. Ее мама говорила: «Если Феня пойдет, то и ты можешь идти». Я заходила за подругой к ней домой. Ее мама спрашивала: «Феня, идешь?» — «Да, конечно», — отвечала я. — «Ну, хорошо, идите». Я провожала подругу на гулянку и возвращалась домой.

В нашей школе в Омске уроки начинались молитвой. Потом мы пели «Боже, царя храни». Какой там был набожный народ! В воскресенье дома оставалась только женщина, которая готовила обед. Остальные шли в церковь.

И вот началась революция. Я часто вспоминаю тот день. Сидим в классе. Ждем учителя, чтобы прочитать молитву и запеть «Боже, царя храни». Долго ждем. Наконец приходят. «Сегодняшнего дня за царя молиться не будем», — говорят. «А почему?» — спросил кто-то посмелее. «Нет его больше». А потом ученики сняли со стен портреты царя, царицы, царевича.

Становилось все хуже. Началась гражданская война, убийства, грабежи, доносы. У нас в Коломзине был Колчак. Какие страшные сцены я видела! Представьте себе полную телегу убитых. Их сбрасывали в Иртыш.

Но нас, беженцев, никто из России не выгнал. Был у нас там знакомый поляк, католик из Белостока. В Омске был очень красивый костел, такой же, как в Белостоке, — из красного кирпича. У этого нашего знакомого, Адамом его звали, было три кирпичных завода, несколько домов, сады. Советы отобрали у него заводы. Он хотел, чтобы мы жили в его доме. Отец боялся. Но целый год мы прожили в его конторе. Там было четыре больших комнаты. В них были кафельные печи. Плитки темно-бордовые, на них красивые узоры.

Пан Адам умер. Отец сделал гроб из досок забора, похоронили мы нашего хозяина и уехали из России.

Был 1922 год.

Три месяца просидели мы на вокзале в Тюмени. А потом через Столпцы, Свислочь добрались до Бернацкого Моста.

Наша мама была женщина хозяйственная и бережливая. Она накопила довольно много денег. Мы везли их в Польшу. Какие это были деньги? Не

золото. Потому что народ наш был глупый и не хотел золота. Мы везли деньги, напечатанные Колчаком. Их конфисковали на границе. Но все равно в Польше их не меняли. Керенки, те еще ходили, но почти ничего не стоили.

Вернулись мы из беженства последними. Была тут наша земля и постройки, а дома не было, его сожгли. Стали жить в амбаре. Ни лошади у нас не было, ни коровы. Ничего.

Вспоминается мне одна девочка, Люба из Бернацкого Моста, которой тогда было семь лет, она все бегала вокруг стола и говорила польским солдатам: «Закурить не найдется?» И она на самом деле курила.

Станным мне казался польский язык, которого я никогда до того не учила и не слышала. Да и до сих пор не научилась говорить по-польски.

Вспоминаю самую младшую свою сестру Сашу. Она заболела в Коломзине скарлатиной и умерла. Я купила ей фартушек, несла и потеряла.

Вспоминается другая сестра, Маня. Она тоже переболела скарлатиной. Вернулась в Польшу и заболела чахоткой. Слабенькая была. Мы с ней вместе работали в поле, а я еще на нее сердилась, что она часто ложится на межу и отдыхает. Маня умерла семнадцати лет от роду.

Стоит у меня перед глазами мой муж — Томаш Стоцкий из Луки. Его к нам в дом привел сват в 1930 году. Мы познакомились, свадьба была в церкви в Старом Левкове. У мужа были чирьи. Его оперировал врач из Наревки и уронил ножницы на пол. Поднял и продолжал операцию. Произошло заражение крови и смерть. Муж умер в 1931 году. Я была беременна дочкой Галей.

Тогда в Бернацком Мосту погорел еврей. На возмещение убытков построил себе дом в Наревке. Помню свадьбу его дочки. Разряженная молодая барышня сидела перед своим домом и принимала поздравления и свадебные подарки от гостей. Но из деревни никто не был на этой свадьбе, хотя еврей нас пригласил. Не принято было, чтобы христианин гулял на еврейской свадьбе. Дочка нашего еврея вышла замуж в Волковыск. Сыновья, Нохим и Ицко, жили с отцом в Наревке. А потом, во время войны, немцы вывезли еврейских женщин с детьми из Наревки в Пружаны. Мужчин убили около католических могил. Перед этим велели выкопать себе могилы.



Помню последнего немца из Бернацкого Моста. Его звали Генрих Ланк. Он привез нас в повозке из Свислочи, когда мы возвращались из беженства. И когда теперь я сижу у окна, вижу как сейчас: Генрих пилит с соседом большую деревянную колоду. Колода лежит высоко. Генрих лежит под этой колодой. И эта колода упала на него. И тут же Генриха не стало. Был 1922 год.

А в 1941 г. были уже другие немцы. Сначала выселили нас из Бернацкого Моста. Потом сожгли всю деревню. Это было в Ильин день.

Помню одного немца с той войны. Был такой случай. Забили мы с соседкой в Наревке двух свиней. Это было строго запрещено. Мясо уже лежит в кадлушке. Хотим мы кадлушку снести в погреб. И входит в дом немецкий солдат. Говорит, что голодный. Мы умираем со страху. А на столе стоит свежее жаркое. Пахнет шкварками. Он наелся и говорит: «И Гитлер капут, и Сталин капут!» Потом помог нам спрятать кадлушку с мясом и ушел.

А дальше уже нынешние времена, и я мало что из них помню. То ли дело Омск и люди тех времен. Но они уже все поумирили. Умерли мама с отцом, умер муж и второй муж, с которым я прожила не венчанная 50 лет, умерли братья и сестры.

Пани Феня с утра полет огород за домом, в котором она выращивает огурцы, помидоры, лук и другие овощи. Под вечер поливает огород и обя-

зательно цветы, которых у нее много. В «свободное» время вяжет крючком салфетки.

— Что самое важное в жизни? — спрашиваю.

— Здоровье, — отвечает пани Феня, минутку подумав. И добавляет: — Деньги тоже нужны. Сейчас за деньги все можно получить. Если б то, что у меня сейчас есть, было бы раньше, — размечталась она.

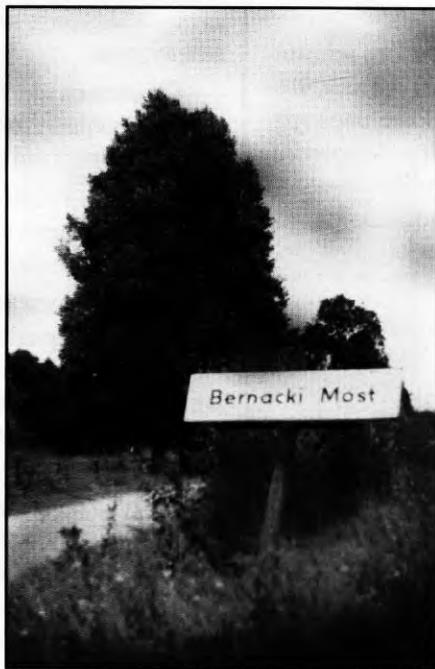
— Лет тридцать назад? — добавляет пани Хелена Опольская, сотрудница гминного управления в Наревке, опекающая старушку.

— Нет, десять лет назад. В 90 лет еще можно было строить планы на будущее. Теперь уже поздно. Что думать о будущем, когда впереди смерть.

Несколько лет назад Тамара Солоневич, известный кинорежиссер-документалист, начала работать над фильмом о Февронии Стоцкой. Фильм должен был называться «Бабушка Феня». Тамара умерла в 2000 г., не докончив фильма.

— Иногда вечером, когда небо в звездах, — говорит пани Феня, — смотрю я в окно и размышляю над чудом этого мира. Небо, звезды, месяц, солнце. Как этот мир устроен... Когда-то мой отец все говорил: «Солнце вращается вокруг Зем-

ли». А Максим спорил: «Нет, Земля — вокруг Солнца». Как все это устроено, вот что интересно. А потом иду спать. Перед сном снова переносюсь в Омск, к тем людям. Но знаю, что их больше нет. Потому что все кончилось. И засыпаю.





БУРНАЯ ЖИЗНЬ ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА

С Эвой Зажицкой-Берар беседует Якуб Садовский (радио «Полония»)

Эва Зажицкая-Берар — автор книги «Бурная жизнь Ильи Эренбурга», польская русистка, живущая в Париже. Мы спросили ее, почему она решила посвятить Эренбургу много лет своей жизни, необходимых для подготовки блистательной биографии, уже в заглавии указывающей на сходство судьбы писателя с судьбой его литературного героя.

— Илья Григорьевич Эренбург жил более 77 лет. Родился он в конце XIX века, в 1890 году. Можно сказать, что кроме, может быть, самого раннего детства, вся его жизнь была очень характерна для судеб особой части русской интеллигенции. Русской, я подчеркиваю: русской. Что касается заглавия монографии... Книга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванце» была опубликована в России лишь недавно, в 80-е годы XX века. Она не в такой степени знакома русским читателям, как польским. И заглавие монографии в Польше понятно сразу: известно, что речь идет и о Эренбурге, и о его герое Лазике Ройтшванце. Боюсь, что такое же название в России на вызывало бы никаких ассоциаций. А почему Илья Эренбург?.. Самый простой ответ: потому что это не положительный герой. Это не кристально чистый «герой нашего времени», и все-таки из-за своей бурной жизни он лучше всех представляет это «наше время». Он был и жил везде: в России и в эмиграции, был в

среде русских поэтов Серебряного века, побывал в еврейских кругах, в большевистских кругах 1905 года, в кругах Ленина и Савинкова. И так, почему Эренбург? Потому что его жизнь и похождения очень интересны с точки зрения истории России, и еще потому, что они нестандартны.

— После публикации вашей книги в Польше прозвучал целый хор голосов, подчеркивающих ваш объективизм, «холодный», лишенный эмоций взгляд на спорную личность Эренбурга. Не боялись ли вы издавать такую книгу в стране, кипящей страстями, в стране темпераментных людей, любящих простые и ясные суждения?

— Нет, вы знаете, простые и ясные суждения любят везде. Простые и ясные суждения — это всегда самый легкий путь. Но опасней издавать книгу у меня как-то не было. Я уверена, что если бы они появились, если бы я поддалась соблазну думать «по прямой», то сам Илья Эренбург наверняка отвел бы меня от такого типа мышления. Можно про него, конечно, говорить разное, но одно неоспоримо: он любил разговор, диалог. Он был человеком, которому все было интересно, везде он любил сунуть свой



Илья Эренбург

нос — и не только нос. Благодаря этому у него везде были и друзья, и враги. Благодаря этому он мог чувствовать себя как дома и во Франции, и в



России, в Советском Союзе и в других местах. Не думаю, чтобы Польша была страной людей, которым чужд разговор. Когда Эренбург впервые приехал в Польшу — это было в 1928 году, его здесь отлично приняла часть писателей, — было издано, что очень редко, собрание его сочинений. Но националистическая, правая печать была ему немного враждебна. Эренбург написал, что его в Польше не любят, потому что он: а) русский, б) советский, в) еврей. Это определение мне показалось очень точным не только для польского восприятия Эренбурга, но и для самого писателя. Однако мне кажется, что восприятие всех трех частей этой схемы сильно в Польше изменилось за 3-4 последних года и что польские читатели готовы к рассказу о русском советском еврее Эренбурге.

— *Польское издание вашей книги появилось спустя многие годы после первой, французской публикации. Почему? Только ли по техническим причинам?*

— Нет, конечно, это были не только технические проблемы. Проблемы, может быть, были две. По-французски книга была опубликована в 1989 г., в период перестройки. Когда я работала над книгой, все материалы я находила в личных архивах. Но вот открылись архивы, стали доступными запрещенные фонды в библиотеках, в России стали публиковаться многие интересующие меня материалы. И трудно было сразу пополнить книгу новым материалом. Я была уверена, что «вскрытие» русской истории в архивах не прекратится. И знала, что следует подождать, пока на поверхность всплывет все. Думаю, что это оправдалось. Сейчас книга дополнена новыми архивными материалами, которые были опубликованы в недавнее время. Должна сказать, что здесь я многим обязана

знатоку жизни и творчества Ильи Эренбурга — Борису Фрезинскому из Санкт-Петербурга. Я думаю, что биография сейчас намного интереснее первого издания.

— *Сложно ли было собирать биографический материал, путешествуя по следам человека со столь бурной жизнью?*

— Да, сложно. В то время все нужно было списывать вручную, я боялась перевозить это через границу. Это была длительная, кропотливая работа, но очень-очень интересная. Имя Эренбурга открывало передо мной двери большинства московских домов. Я познакомилась тогда с очень многими интересными и доброжелательными людьми. Во-первых, с семьей писателя, с дочерью Ириной Ильиничной, со многими его близкими друзьями: Надеждой Мандельштам или Маргаритой Алигер, а также и с «хранителями» его наследства, такими, как Борис Фрезинский или Бенедикт Сарнов.

— *Кроме Ильи Эренбурга в истории России наверняка есть другие личности, судьба которых вас интригует, впечатляет и заставляет продолжать работу биографа... Работаете ли вы над какой-то новой книгой?*

— Личностей выдающихся, ярких в российской культуре советской эпохи очень много, одна интереснее другой. Но, во-первых, отличные книги делаются сейчас в России — это доказывают хотя бы биографии Бабеля, Мейерхольда или Булгакова. Во-вторых, меня сейчас тянет пересматривать другие пласты русской культуры. Поэтому я думаю о биографии совершенно другого типа — Сергея Юрьевича Витте.



Анджей Новак

УНТЕР-ОФИЦЕРСКАЯ ВДОВА

Вместо ответа «клеветнику от России»

Объемистая статья Станислава Куняева «Шляхта и мы», опубликованная в этом году на страницах возглавляемого им «Нашего современника», вызвала определенный резонанс. Трудно было не заметить столь внушительную по размеру (54 страницы) и столь далеко идущую в своих намерениях публикацию, автор которой явно задался целью заново переосмыслить всю историю польско-российских отношений. На этот текст уже обращали внимание польских читателей профессор Ежи Помяновский и автор этих строк на страницах газеты «Жечпосполита». В России значение выступления Куняева уже отмечалось, в частности, в статье Дмитрия Бабича и Валерия Мастерова «Клеветник от России» в «Московских новостях», где оно было названо «самым, наверное, антипольским памфлетом со времен Достоевского».

Действительно накал ненависти к Польше, ко всем ее историческим традициям, ее политическим лидерам (за исключением коммунистов сталинской эпохи) в статье Куняева просто поражает. Однако московские журналисты отметили, что «все эти годы польские публицисты как будто провоцировали русских коллег на [подобный] ответ». Разгул русофобии в Варшаве должен был в конце концов откликнуться эхом во взрыве полонофобии в Москве.

Попробуем поразмыслить над этим фактом.

Современный символ польской русофобии для Куняева (и не только для него) — «вечные претензии» по поводу преступления в Катыни. Это-де обобщенное выражение той позиции, которую поляки (т.е. часть польских публицистов) занимают по отношению к России, — позиции невинной, жестоко пострадавшей жертвы. России в этой картине остается роль варвара-палача. Действительно, убийство польских офицеров — которое, разумеется, было преступлением советского государства, а не России или русского народа — широко воспринимается у нас в контексте чрезвычайно длинного перечня исторических претензий к нашему восточному соседу: с того момента, как Россия добилась над Польшей геостратегического преимущества, а затем и политического доминирования — то есть еще с XVIII века.

«Мы» сражаемся за независимость и целостность польского государства, начиная, по крайней мере, с образования Барской конфедерации (1768-1772), провозглашения Конституции 3 мая 1791 г., в ходе оборонительной войны в ее защиту с памятной резней левобережной Варшавы, устроенной солдатами Суворова (1792), затем во время восстания Костюшко (1794), ноябрьского восстания (1830-1831), январского восстания (1863-1864) и вплоть до покушений на царских сановников и генералов, совершенных боевиками Польской социалистической партии (ППС) Пилсудского во время революции 1905-1907 гг.

«Они», то есть русские власти, лишают нас независимости, жестоко подавляют очередные попытки вернуть ее, вешают польских заговорщиков и повстанцев, тысячами ссылают их в Сибирь, грабят польские культурные ценности. Затем разгорается война 1919-1920 гг. с большевистской Россией, грозящая возрожденной Польше и советизацией, и новым разделом во взаимодействии с Германией. Впоследствии подписывается известный пакт между Риббентропом и Молотовым с «ударом в спину», нанесенным Красной Армией Польше 17 сентября 1939 г., и начинается новая, охватывающая уже сотни тысяч поляков, депортация на русский Север, в Сибирь и Казахстан. За этим следует уже упоминавшаяся Катынь, а потом полякам силой навязывают новую власть, опирающуюся на «московские штгики» — те самые, что бездействовали в 1944 г., когда Красная Армия остановилась на левом берегу Вислы, ожидая, пока Гитлер выполнит «черную работу» — уничтожит цвет польской интеллигенции, участвовавшей в Варшавском восстании. И еще 45 лет, проведенных в политическом лагере, центром которого была Москва, а языком, сопровождавшим процессы укрепления политического господства, — русский язык.

Так вкратце выглядит наша историческая память, в контексте которой и функционируют сознательные и подсознательные ассоциации, связанные с Россией.

Существующий уже тринадцать лет новый политический порядок, при котором Польша больше не зависит от центра влияния в Москве, постепенно отодвигает в тень актуальность этих ассоциаций. С другой стороны, после целых десятилетий вынужденного молчания о подлинных обидах и ранах, которые оставили в памяти поляков «исторические встречи» с восточным соседом, прекращение зависимости от этого соседа привело к вполне естественной реакции: желанию напомнить об этих обидах и увековечить память их жертв.



Будем ли мы помнить о них вечно? «И Бог меня забудь, когда о том забуду» [пер. Б.Левика] — эта клятва записана пером Адама Мицкевича в III части «Дзядов», и в ней говорится о том, как ссылали поляков в Сибирь. Мы не можем не помнить, ибо лишь пока мы помним, мы составляем единое национальное целое. Но одновременно мы должны помнить и об обидах и ранах, нанесенных нами! Только так мы можем занимать свое собственное место среди иных народов и находить с ними взаимопонимание.

В последние годы вокруг этого последнего вопроса развернулась дискуссия, указавшая на конкретные случаи вины поляков по отношению к украинцам (акция «Висла»), немцам (депортации и преследования сразу после II Мировой войны) и прежде всего евреям (в межвоенный период и во время II Мировой войны). Символом вины поляков перед евреями стало Едвабне, местечко в Подлесье, где после вступления немцев в июле 1941 г. было уничтожено еврейское население при значительном участии в этом польских жителей. Значит, Польша, во всяком случае в лице своих официальных авторитетов: Сейма, президента, — готова посыпать голову пеплом, смиренно признавая свою вину по отношению к другим народам. А по отношению к России она последовательно придерживается роли благородной и героической жертвы. По отношению к России поляк — по-прежнему «кичливый лях».

Эту, одну из фундаментальных черт стереотипа поляка в русском сознании и рассматривает Куняев в своей статье, делая ее важным исходным пунктом всего своего рассуждения. Его можно свести к двум основным посылкам.

Во-первых, Польша в течение веков остается жалкой прислужницей Запада в его экспансии на восток Европы, на земли восточных славян, на Россию. На этом направлении она представляет собой авангард западного колониализма. Куняев использует здесь образ, непосредственно воздействующий на воображение своих читателей: Польша — это «спецназ» Европы, Европы кровавой колонизации и инквизиции. Доказательством этой роли Польши должны стать месяцы польской оккупации Кремля 390 лет назад, а также полные презрения и высокомерия по отношению к русским как к людям «низшей категории» строки из польских записок того времени. Подтверждением этой роли и этого отношения Польши к России должны затем послужить участие армии Варшавского княжества в походе Наполеона на Москву в 1812 г.; затем война Пилсудского с советской Россией в 1919-1920 гг.; планы совместной с Гитлером польской агрессии против Советского Союза во второй половине 1930-х, которые были сорваны благодаря предусмотрительному решению Сталина о заключении с Гитлером в августе 1939 г. «оборонительного пакта» (в этом вопросе Куняев идет по следам уже обсуждавшейся мною на этих страницах книги М. Мельтохова [Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. М., «Вече», 2001]. Последним, самым загадочным для историка доказательством оказывается у Куняева участие огромного числа «поляков-фашистов» (по его выражению) в гитлеровском нападении на Советский Союз, ибо целых 60 280 таких «польских фашистов», в том числе пять генералов, попали в советский плен. (В связи с этим нельзя не задать вопрос, что именно означает эта цифра и это определение: ни один историк до сих пор и слыхом не слыхивал о польских коллаборационистских формированиях, сражавшихся против Советского Союза плечом к плечу с Вермахтом или войсками СС в июне 1941 г. или впоследствии. С другой стороны, известно, что из находящихся в трагическом положении советских военнопленных немцам удалось создать насчитывающие несколько сот тысяч человек формирования Русской освободительной армии (РОА) и Русской народной освободительной армии (РОНА). Кстати, именно части РОНА принимали участие в самых кровавых операциях против гражданского населения во время Варшавского восстания 1944 года. Но откуда же взялась вся эта польская армия, идущая вместе с Гитлером на Москву? И о каких пяти генералах идет речь? Я хотел бы обратиться к автору очерка «Шляхта и мы» с просьбой выяснить эту историческую загадку.) Куняев подытоживает свой список так: «Это был уже четвертый — после 1612, 1812 и 1920 годов — поход поляков на наши земли».*

Современным доказательством лакейского отношения поляков к извечно агрессивному Западу для Куняева служит тот факт, что именно перед Западом (немцами, евреями) поляки готовы сегодня занять полную смирения позицию, тогда как перед Востоком-Россией — ни за что.

Во-вторых, признание поляками, польскими государственными органами, преступлений, совершенных против еврейского населения в Едвабне, приводит к тому, что рушится весь миф Польши как жертвы и страдальцы. В истории с Едвабне Куняев находит идеальный исходный пункт, чтобы перечеркнуть весь каталог польских претензий к... России и сформулировать собственное обвинительное заключение по адресу поляков. Это обвинительное заключение Куняев хочет предъявить не столько самим полякам, сколько русским полонофилам. Исходя из утверждения, что все нынешние русские полонофилы — это евреи, Куняев взывает к ним: «Видите, вот они, ваши кумиры, поляки! Нация, которая вершит “Холокост по велению сердца”». Теперь Россия может с облегчением посмотреть Польше прямо в лицо: Польша и есть *единственный* очаг антисемитизма в Восточной Европе, она и есть историческая преступница, и у России нет перед ней никакой вины. Как раз наоборот, теперь-то можно будет, наконец, представить перечень польских вин и

* Нам кажется, что загадка разгадывается просто: Куняев имеет в виду польских военнослужащих, захваченных в сентябре 1939 г., да только забывает уточнить, что тогда не польская армия шла походом на СССР, а Красная армия — на Польшу. — *Ред.*



преступлений по отношению к России, который всем политическим действиям российского (или советского) государства по отношению к Польше и полякам позволяет придать характер не более чем возмездия или даже дальновидных упреждающих действий. Куняев составляет такой перечень и предлагает именно такую интерпретацию всей российской и советской политики — от Екатерины II до Сталина.

Количество беспардонной лжи, которая содержится в рассматриваемом очерке, физически превосходит возможность опровергнуть ее в нашем журнале. Текст, автор которого попытался бы ответить на все лживые утверждения, разъяснить все натяжки в интерпретации, занял бы несколько полных номеров «Новой Польши». Я как историк польско-российских отношений могу лишь заявить, что до сих пор не видел ни одной публикации, содержащей хотя бы сравнимое число измышлений. Однако большинство из них уже встречалось в трудах различных служителей имперской — царской или сталинской — пропаганды, так что они не заслуживают внимания исследователя. Быть может, стоит обратить внимание только на два из них. В одном случае речь идет о вполне конкретном факте: Куняев пишет о погроме, который в 1921 г. Войско Польское якобы учинило в украинском городке «Тешиеве» — по словам автора, там было убито 4 тысячи евреев. В вышеупомянутой книге М. Мельтохова появляется то же самое обвинение, хотя название местечка звучит несколько по-другому: «Тетиев». Я занимался изучением советско-польской войны 1919–1920 гг. и никогда до сих пор не встретился со свидетельствами об этом мрачном событии. Так что я хотел бы обратиться к гг. Куняеву (и Мельтохову) с просьбой о дополнительной информации... Второй вопрос носит более общий характер. Речь идет об интерпретации у Куняева «катынского дела». В одном месте он пишет, что за это преступление несут ответственность еврейские сотрудники НКВД (некий полковник Рейхман) — что некоторым образом оправдывает это преступление как возмездие за кровавый польский антисемитизм и даже как своего рода «профилактическое мероприятие» (если бы польские полицейские не были расстреляны в Медном, то, быть может, впоследствии убивали бы евреев в польских гетто...). Однако дальше Куняев вновь выражает сомнение: не несет ли все-таки ответственность за катынский расстрел гитлеровская Германия, а вся история с советской ответственностью за это преступление — не больше чем геббельсовско-ельцинская фальшивка. Здесь сразу возникает простой вопрос: «А как же в таком случае обстоит дело с этими 6 тысячами польских полицейских из Осташкова? ведь туда гитлеровская армия не дошла?» Даже абстрагируясь от этого вопроса, можно усомниться в логической последовательности автора статьи «Шляхта и мы». Если он доказывает, что в агрессии против СССР поляки были среди главных коллаборационистов Гитлера, то отсюда следует простой вывод, как у Гоголя: «Унтер-офицерская вдова сама себя высекла».

Впрочем, тема настолько серьезна, что здесь не до шуток.

Куняеву, который докатился до утверждения, что даже участие России в разделах Польши в XVIII веке — не что иное, как «либеральный миф», отвечать трудно — да и стоит ли? Но зато стоит задуматься над проблемой, которую во всей полноте выявляет его текст: отчего значительная часть российской элиты не желала осознать и принять на себя ответственность за преступления, совершенные Россией, русским государством, против меньших народов, завоеванных и ввергнутых под ее господство, но при этом замечала исключительно преступления и угрозу — не только для России, но и для всего человечества — в действиях этих народов, защищающих свое право на независимость? Сегодня это прежде всего проблема Чечни — проблема трагическая как для самих русских, жертв террористической акции Бараева в московском театре, так и для чеченцев, жертв кровавых карательных акций, продолжающихся на их родине уже семь лет. Но с конца XVIII века это была прежде всего проблема Польши.

Куняев, к сожалению, прав, когда пишет, что для многих выдающихся творцов русской культуры: Пушкина, Карамзина, Лермонтова, Чаадаева, Тютчева и, разумеется, Достоевского (а список этот можно бы и расширить: от Державина до Демьяна Бедного) — стонущая под российским игом Польша была предметом отнюдь не сочувствия, но яркой враждебности. И над этими явлениями и их отголосками в сегодняшнем сознании русских стоит задуматься.

«Униженная Швеция и униженная Польша, вот великие права Екатерины на благодарность русского народа» — это слова Александра Пушкина. Он не отрицал ни очевидного факта разделов Польши, ни решающего участия в них России. Это отличало его от лицемерно лгущего Куняева. Ему было 23 года, и он находился в ссылке, когда записал эти слова в своих тайно ведущихся «Заметках по русской истории XVIII века». Читателю сегодня эти слова поляку трудно не задуматься: почему? Откуда эта враждебность, откуда эта удовлетворенность уничтожением Польши у юноши, который вскоре снискал себе славу величайшего русского поэта?

Ответить на поставленные здесь вопросы лучше всего нам помогут сами русские — те, кто над ними тоже задумывается. Пятьдесят лет назад их ставил крупнейший историк Киевской Руси и православия, Георгий Петрович Федотов. В своем эссе «Певец империи и свободы», опубликованном в 1937 г. в Париже, он как раз на примере Пушкина показал, как в сознании уходящей своими корнями в XVIII век русской элиты сформировалась идея империи как гарантии не только государственного, но и культурного величия России и даже как необходимой основы для некой великой, всемирной миссии России (независимо от содержания этой миссии) — и как эта идея столкнулась с опытом польского протеста против империи [выражаясь словами Федотова, «свободолюбивой империи». — *Пер.*]. Величие империи, столь ярко описанное Пушкиным в его ответе вдохновляемым поляками «Клеветникам России»,



было для него важнейшей гарантией свободы — свободы России идти своим путем среди других народов Европы и в то же время свободы контактов с Европой, с Западом. Препятствием на этом пути была шляхетская Речь Посполитая, затем созданное Наполеоном Герцогство Варшавское, еще позже — восстание поляков в 1830 г. (а для Куняева, добавим, препятствием на этом пути стала Польша, оторванная от советского лагеря после 1989 г., Польша, связанная с НАТО).

Претензии Польши на независимость и культурные связи с Западом, с Европой, а не с Россией были угрозой не только в стратегическом плане (для целостности империи и ее присутствия в Европе), но и для того самого идеала «детей Екатерины Великой» — идеала, сочетающего и объединяющего империю, культуру, свободу и великую миссию русского народа. Упрямое польское стремление к собственной государственности, собственной свободе и культуре, проявлявшееся еще со времен восстания Костюшко и Герцогства Варшавского, разрушало неотделимую от самой идеи империи (любой империи) уверенность, что лишь в рамках империи могут воплотиться в жизнь самые главные культурные и социальные чаяния всех входящих в нее народов, что они добровольно будут «сливаться» в одно имперское «море». Поляки первыми показали, что русское царство культуры и свободы — это в то же время «тюрьма народов», что подрывало основы и свободы, и культуры, и любой иной высшей миссии, которую русские хотели воздвигнуть на фундаменте этой империи. Что еще хуже, эта неприятная для русских просвещенных патриотов констатация достигала их слуха как отражение польского опыта, польских жалоб и претензий в общественном мнении Запада, то есть той самой, «настоящей» Европы, которую русские критиковали, но одновременно восхищались ею и стремились ей подражать. В этой ситуации единственным остающимся аргументом могла быть только сила. А этой силе сопутствовало формирование коллективного образа врага, который сам заслужил свою судьбу — судьбу «растоптанного бунта» (снова выражаясь словами Пушкина).

Изданная в прошлом году превосходная книга московского литературоведа Андрея Зорина «Кормя двуглавого орла» показывает тот момент, когда формировался этот исторический стереотип Польши — извечного и коварного врага России. Это было время второй войны России с Наполеоном, которую некоторые историки той эпохи называют «первой польской войной», то есть 1806-1807 гг. (второй «польской» войной тогда становится война 1812 года). Тогда, в период между поражением под Аустерлицем и Тильзитским миром, часть русской элиты отождествляла идущую с Запада (из Франции) угрозу с влиянием при дворе Александра I «польской мафии» (выражаясь современным языком), с тем фактом, что второй по значению пост в министерстве иностранных дел занимал близкий друг и советник царя, князь Адам Чарторыйский. Ему приписывалось авторство концепции восстановления польского государства после его окончательного раздела — а концепцию эту должна была претворить в жизнь враждебная России западная держава: наполеоновская Франция. После более чем двухсотлетнего перерыва вновь заговорили об эпохе «Смутного времени», о поляках в Кремле и народном восстании против иноземной интервенции. Лишь тогда в национальном самосознании русских укоренились забытые на два столетия имена купца Минина и князя Пожарского. Тогда был объявлен конкурс на проект памятника обоим национальным героям, который до сегодняшнего дня стоит перед церковью Василия Блаженного. Тогда начинает литься неиссякаемый поток драм, поэм, исторических романов, опер и ораторий (Державина, Хераскова, С. Глинки, Ширинского-Шихматова, Львова, Горчакова и др.), напоминающих о борьбе против поляков за государственную целостность и независимость России. Мощное воздействие сформированной в то время националистической интерпретации истории (позже еще подкрепленной могучим талантом Карамзина) позволила поддерживать в массовом сознании на протяжении следующих ста лет образ России как жертвы Польши. Продолжавшаяся несколько месяцев польская оккупация Кремля и победоносное восстание русских, которое их оттуда изгнало, с тех пор припоминались при каждом удобном случае на протяжении длившейся более ста лет русской оккупации Варшавы и по поводу всё новых, всегда подавляемых польских восстаний.

Каковы были мотивы этой интерпретации исторических событий? Зорин указывает прежде всего на характерную для консервативных кругов антизападную позицию, в рамках которой Польша (как у Куняева) рассматривалась просто как «спецназ» Европы — извечного врага России. Однако наряду с этим существовало и новое явление — формирующийся в столкновении с подрывающим целостность империи «польским вопросом» российский национализм Нового времени. Из него произрастал протест молодых офицеров, которые разбили Наполеона и в 1814 г. дошли до Парижа, протест слишком либеральной, по их мнению, политики Александра I по отношению к полякам. Они считали, что Польша не должна опережать их родину на пути к Европе, а ведь по милости Александра Польша уже получила и конституцию, и парламент, которых у России не было... Из этой уязвленности завидующих Польше «молодых реформаторов» вырос, о чем нередко забывают, заговор декабристов.

Был и еще один мотив: оскорбленные чувства в связи с отвергнутым «славянским братством», которое Россия предлагала Польше в границах своей империи. Об этом мотиве в книге Зорина упоминается в связи с пропагандистской кампанией, развернутой в рамках подготовки ко второму разделу Польши (1793). Одним из ее элементов стала



написанная в то время Василием Петровым ода «На присоединение польских областей к России» — и это отнюдь не было антипольское сочинение. Наоборот, несмотря на только что закончившуюся войну с поляками, в которой те защищали свою независимость и конституцию 3 мая, Петров предвещал близящийся расцвет польско-русского братства, которое должно стать провозвестником объединения всех славян — во главе их, разумеется, должен был стоять «верный росс». Три года спустя, в своей очередной оде (уже на третий, окончательный раздел Польши) Петров с горечью констатировал, что поляки еще не созрели для этого братства. Восстание под руководством Костюшко (1794) было решающим доказательством, что поляки, «как дети», заразились «французским духом» и отказались от исторического шанса, который давало им братское слияние с Россией. С того времени каждое восстание на берегах Вислы будет для русских поэтов поводом припомнить «польскую измену» и «польскую неблагодарность». Поляки, как предполагалось, не только должны были согласиться с ликвидацией своего государства, но и полюбить восточного оккупанта. Никто лучше и точнее не определил этой особенности мышления части российской имперской элиты о народах, которым довелось на себе испытать все благодеяния империи, чем... наместник царя в Польше, великий князь Константин Павлович. Фактический проводник российской политики в Польше заявил в письме к своему брату, императору Николаю I, что он — в отличие от вскармливающего русский шовинизм Карамзина — не принадлежит к числу тех самовлюбленных и глупых русских, которые полагают, что им все дозволено, а другим — нет. «Матушка наша Россия берет добровольно, наступая на горло», — подытожил великий князь подобную «мудрость» своих соплеменников, разочарованных отсутствием отклика на их бескорыстное желание взять под свою опеку судьбы других народов...

Об этих мотивах, об их живучести — вплоть до очерка Куняева, собравшего их все воедино и полившего соусом уже сталинской пропаганды, — задуматься стоит. Есть ли у сегодняшней России причины бояться Запада и рассматривать Польшу, которая хочет быть его частью, как «острие» вражеского наступления? Есть ли у сегодняшней России причины праздновать 7 ноября как день изгнания из Кремля «польских интервентов»? Или иначе: есть ли у сегодняшней России причины «завидовать» Польше — то есть тому, какой ее видит Запад? Или еще иначе: есть ли у сегодняшней России причины сокрушаться над неблагодарностью поляков, которые не желают возвращаться к политическому союзу с центром принятия решений в Москве? И самый важный, самый актуальный вопрос: есть ли у России причины отождествлять сегодня свою свободу, культуру, подлинную мощь и достойное место в мире с продолжением существования империи, с унижением других, меньших народов? Над этим стоит задуматься, вместо того чтобы отвечать на измышления публициста, который наверняка не является первым пером России. Это будет полезнее, чем писать очередную отповедь «Клеветникам»...



Цезарий Поляк

ПРЕССА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

ЖУРНАЛЫ, ТЕАТРЫ И КОЛДУНЫ

По-русски слово «колдуны» означает злых волшебников, в Литве же так называют народное блюдо. Этих знатных родичей наших галушек, но с мясной начинкой, можно отведать в каждом втором доме в окрестностях Пунска, Сейн, Сувалок и Шиплишек, то есть там, где живут около 12 тысяч (половина) польских литовцев. В Голдапе ежегодно даже проходят чемпионаты мира по поеданию этого литовского национального блюда.

Однако мало кто знает, что литовцы обогатили не только польскую кулинарную, но и духовную культуру, да так, что это вызывает восхищение специалистов во всем мире. В Пунске ежегодно проходит международный фестиваль овиных театров. В конце XIX века литовская интеллигенция организовала в районе Сейн сельские театральные коллективы.

— Это была идея национального возрождения литовцев, — рассказывает Юрата Кордовская, директор Литовского дома культуры в Пунске, инициатор и организатор фестиваля. — Играли в овинах — отсюда и название, — потому что в деревне только там и могли поместиться сцена и зрители.

Традиция овиных театров сохранилась без изменений только среди литовцев в окрестностях Сейн. Уже несколько лет эту традицию изучают театроведы из Вильнюса. О пунском фестивале и сельском этнографическом музее-заповеднике, о литовских художественных и народных ансамблях можно прочесть в прессе польских литовцев.

Поражает послевоенная история этой печати. В 1956-1957 гг. на волне послеоктябрьской оттепели власти ПНР разрешили некоторым меньшинствам издавать свои журналы. Литовцы добивались разрешения целых четыре года. Наконец в 1960 г. появился первый номер неперидического издания на литовском языке «Аушра» («Заря»). 13 лет спустя оно стало ежеквартальным, а в 1990 г. начало выходить раз в месяц. Сейчас «Аушра» выходит раз в две недели. Редакция публикует, в частности, тексты, посвященные истории этих мест и польско-литовским связям. Например, Евгениос Петрушкявичюс вспоминает запутанную историю деревни Душницы, до 1935 г. разделенной демаркационной линией, в результате чего дома некоторых хозяев находились на польской территории, а поля — на литовской. Такое положение их очень устраивало, ибо в Литве сельскохозяйственные продукты стоили дешевле, чем в Польше, зато промтовары были дороже. В обход закона можно было неплохо заработать на разнице цен и контрабанде. Этот пример показывает, сколь сложной может быть ситуация на пограничье.

«Аушра» пишет и о текущих делах; в частности, она писала о нашумевшем деле закрытия литовских школ в окрестностях Сейн.

Литовцы, живущие в Сувалках, издают ежеквартальный журнал «Сувалкиетис» (первый номер вышел в 1992 г.), а в Пунске уже пять лет выходит «Аушреле», журнал для детей и молодежи. На его страницах выступает, например, этнограф Юзеф Вайна, который в своих сказах, написанных на дзукийском диалекте (один из четырех литовских диалектов, на нем говорят в районе Друскининкая), знакомит читателей с прежними обычаями, поверьями и историческими событиями.

Динамично развивают свою деятельность издательство «Аушра» и интернетный книжный магазин при нем. В пунском издательстве вышла, в частности, антология поэзии польских литовцев, исторические монографии, сказы Вайны, сборник местных свадебных песен и... телефонная книга по-литовски.

Как видно, в Пунск стоит попасть не только из-за колдунов. Было бы хорошо, если бы столицу польских литовцев посетили правительственные чиновники из Варшавы. Может, они поняли бы, что средства на окончание развороченного строительства Литовского центра культуры не станут деньгами, выброшенными на ветер.



ДВОРЯНЕ, БУРЖУА, ХУДОЖНИКИ

Каждый повар знает, что польское кулинарное искусство, как губка, вбирало достижения соседних народов в этой области. Мы уже писали о колдунах, которые мы получили от литовцев. Несколько утонченной, хотя и необычайно успешно, наше кулинарное искусство обогатили армяне, которые появились на землях бывлой Речи Посполитой уже в XI веке. Можно даже рискнуть предположить, что именно благодаря им еда польско-литовской шляхты приобрела тот, а не иной вкус. Как подметили западные путешественники, посещавшие в то время нашу страну, в усадьбах по обоим берегам Вислы в пищу без меры клали восточные приправы. Откуда в деревнях мелкопоместных польских шляхтичей Добжыневских, Карчевских или Вишневольских взялись шафран и перец? Благодаря, в частности, армянским купцам, привозившим «коренья» с Дальнего Востока. У армян есть заслуги и в истории польской одежды. Чем подпоясывались бы толстопузые сарматы, если бы армянские суконщики не шили таких великолепных поясов к кунтушам!

Со временем армянские купцы начали приобретать земли и деревни, затем каменные дома и пополнили ряды польского дворянства, буржуазии и интеллигенции. Селились они в основном в пограничье — во Львове, Каменце-Подольском, но и в Замостье. К началу XX века практически все они ополячились и перестали пользоваться армянским языком. Утрате национального облика польских армян больше всего способствовала II Мировая война. После 1945 г. в рамках репатриации они селились в разных городах на территории всей Польши, не образуя больших скоплений, что привело к их рассеянию. Сегодня армян в Польше, по разным подсчетам, от 2 до 8 тыс. человек.

Армянское культурное общество выпускает «Бюллетень» — единственное издание польских армян. Армянский ежеквартальный журнал на польском языке, выходящий в Кракове, расходится тиражом 300 экземпляров исключительно наложенным платежом. Существует также интернетная версия, где можно прочесть статьи из последних номеров. Тематика разнообразна. Журнал информирует о событиях в Армении и о жизни армянской диаспоры во всем мире. Он не избегает трудных вопросов, помещает, например, статьи о сложных армяно-турецких отношениях, в том числе о событиях, которые привели к резне армян в Турции в 1915 году. Авторы «Бюллетеня» много пишут о польско-армянской истории, армянском искусстве на наших землях. Есть также рубрика армянской кухни и уроки армянского языка.

Наконец, интересные подробности. Есть ли у нас польские деятели культуры и ученые армянского происхождения? Есть, да еще какие! Прабабка Юлиуша Словацкого была армянкой, армянские предки есть у художника Теодора Аксентовича, композитора Кшиштофа Пендерецкого, математика Гжегожа Пирамовича и режиссера Ежи Кавалеровича.



РОСТКИ НА ПЕПЕЛИЩЕ

— Как вы оцениваете политику Ариэля Шарона по отношению к палестинцам? «Шарон и его кабинет поступают слишком жестоко», — отвечают почти 25% опрошенных. Еще 24% считают, что «политика правительства Шарона — это терроризм. Я решительно на стороне палестинцев». 20% отвечают: «Иногда мне кажется, что действия этого правительства слишком решительны, хотя другую политику проводить трудно». Таковы до недавнего времени были результаты опроса на интернет-страницах двухнедельника «Слово жидовское* — Идише ворт» («Еврейское слово»). Это старейшее в Польше еврейское издание выходит с 1946 г., прежде оно называлось «Фолькштиме» («Голос народа»). Это также единственное периодическое издание на идише в Восточной Европе (статьи печатаются и по-польски). «Еврейское слово», издаваемое Культурным обществом евреев в Польше, внеэтнически. Оно публикует статьи и заметки на темы истории и современности, информирует о жизни диаспоры во всем мире, особенно польских евреев.

Зато религиозная тематика постоянно присутствует на страницах существующего пять лет ежемесячного общественно-культурного журнала «Мидраш». Направление журнала ясно из его названия: «мидраш» по-древнееврейски — разъяснение. Журнал предназначен для людей, интересующихся еврейской проблематикой. Он публикует статьи обо всех аспектах еврейства, об иудаизме, еврейской демонологии, толкования Торы, литературные тексты, корреспонденции со всего мира. Знакомит он и с проблемами национальных меньшинств в Польше.

В сентябрьском номере журнала помещена рецензия на фильм Романа Полянского «Пианист». Петр Пазинский полемизирует в ней с несколькими польскими рецензентами. «Или оценка, или рассказ, — пишет он. — Полянский сознательно выбрал второй вариант, который изначально предопределяет большое художественное значение фильма. Может, еще и потому «Пианист» идеально аполитичен и в каком-то смысле освобожден от споров исторического характера. Сцена, в которой Шпильман переходит на «арийскую» сторону и видит лотки, полные продуктов, может вызвать возражения тех польских зрителей, которые по собственному опыту или же по рассказам близких отождествляют гитлеровскую оккупацию с недоеданием. До сих пор необъяснимый парадокс истории II Мировой войны и того, как она отложилась в коллективной памяти: то, что полякам казалось в Варшаве адом, для евреев было раем (хотя именно в Варшаве этот рай должен был превратиться в груды развалин), — Полянский иллюстрирует одной сценой выхода за стены гетто».

В Варшаве находится также редакция религиозного «издания еврейских детей и их друзей» «Штерндлех». В развлекательной форме оно учит своих малолетних читателей еврейской истории и религии. «Мы надеемся, — пишут создатели журнала, — что нам удастся показать: сегодня евреем можно быть и в Польше, а не только в странах со значительно более численными еврейскими общинами, а чувство национальной принадлежности не приносит лишние хлопоты, а дает причины для гордости».

Смелыми дискуссиями снискал себе известность ныне уже не существующий (он выходил в 1992–2000 гг.) журнал «Иделе». Его авторы анализировали, в частности, миф «жидокоммуны» и деятельность еврейских коммунистов, писали о том, как вели себя евреи в Западной Белоруссии и Западной Украине после вторжения Красной армии в 1939 году.

Три журнала польских евреев (ныне число евреев в Польше оценивается примерно в 15 тыс. человек) — лишь жалкий остаток богатой еврейской прессы, которая погибла в Катастрофе. В 1928 г. в Польше выходили 193 еврейских периодических издания.

* Слова «жид», «жидовский» не имеют в польском языке негативного значения и в точности соответствуют русским словам «еврей», «еврейский». — *Ред.*



600 ЛЕТ ВМЕСТЕ

Культурное достояние польских татар выглядит «белым пятном». Но это лишь видимость. Например, первый перевод Корана на польский язык появился в 1858 г., перевел его Ян Тарак Бучацкий, татарин из Подлесья. В XIX веке царская администрация подвергала татар усиленной русификации. Татарская интеллигенция и помещики боролись с утратой национального облика, в частности претворяя в жизнь идеалы «органического труда», организуя взаимопомощь и самообразование. Это одно из свидетельств общности польско-татарской судьбы.

Между двумя мировыми войнами культура польских татар возрождалась. Главным религиозно-культурным центром было Вильно, где находилась резиденция муфтия, главы мусульман Польши, а также сожженный во время II Мировой войны Татарский музей и ценные архивы. В Польше выходили журналы «Татарский ежегодник», «Татарская жизнь» и «Исламское обозрение» (все — на польском языке).

Во время войны большинство татарской интеллигенции погибло. Как и польскую интеллигенцию, татар уничтожали и в немецких, и в советских лагерях. Татары, офицеры польской армии, лежат и в Катynie. Главного редактора «Татарского ежегодника», юриста Леона Кричинского немцы расстреляли сразу после вступления в Гданьск. После 1945 г. часть татар из нынешней Литвы, Белоруссии и Украины репатриировалась в Польшу.

В ПНР существовал только Мусульманский религиозный союз, не приписанный ни к какому национальному меньшинству. Лишь в 1992 г. был зарегистрирован Союз польских татар.

Сегодня их около пяти тысяч. Живут они в основном в Подлесье, где в окрестностях Сокулки, Бохоник и Крушинян находятся остатки многовековых деревень с мечетями и мизарами (кладбищами). В Белостоке строится Центр исламской культуры, а в Сокулке находится редакция возобновленного четыре года назад журнала «Татарская жизнь». Действует там и Летняя академия татароведения.

Журнал продолжает линию своего виленского предшественника (1934-1939). Главный редактор Юзеф Конопашкий стремится объединить татарскую общественность и познакомить поляков с татарской историей и культурой. В «Татарской жизни» публикуются статьи об империи Чингисхана, о татарах из соседних стран, поэзия польских татар. Раз в полгода выходит приложение к журналу «Мир ислама». Из-за отсутствия средств «Татарская жизнь», задуманная как журнал, выходящий раз в два месяца, выпустила всего шесть номеров.

«Татарский ежегодник» (существует с 1993 г.) — журнал более высокого уровня. Редакция научно-литературного издания, возглавляемая председателем Союза польских татар, поэтом и политологом Селимом Хазбиевичем, находится, как и до войны, в Гданьске, где осело около двухсот татар. Этот журнал рассчитан как на самих татар, так и на всех, интересующихся культурой Востока. В нем публикуются статьи о татарах в Восточной Европе и России, исторические очерки, литературные произведения.

— Мы уже триста лет не пользуемся татарским языком, — говорит Селим Хазбиевич. — Редакции журналов — это своего рода заменитель фольклора. Здесь мы встречаемся, здесь очаг татарской культурной жизни.

В рамках «Библиотеки „Татарского ежегодника“» вышло 20 книг — воспоминания польских татар, мемуары, стихи, эссе, монографии. Большим интересом пользовались публикации по татарской геральдике и гербовнику. В обе редакции, в Гданьск и в Сокулку, начали поступать просьбы о помощи от людей, которые открывают свои татарские корни.



Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Прежде чем обратиться к журнальным статьям, я хотел бы обратить внимание на появление двух антологий, замысел которых — показать вступающие в жизнь друг за другом литературные «поколения», причем термин «поколение», часто вызывающий возражения самих заинтересованных, я здесь сознательно беру в кавычки: ныне он в качестве инструмента описания культурной действительности стал спорным.

Первая из упомянутых книг, составленная Войцехом Вильчином, вышла в Кракове еще в 1999 г. и так и называется «Антология». В ней представлены авторы, родившиеся в 60-е годы. Вторая — «Текстилии. О рожденных в 70-е» (составители Петр Марецкий, Игорь Стокфишевский и Михал Витковский) — издана тоже в Кракове в нынешнем, 2002 году. Обе антологии сосредоточены прежде всего на поэзии, хотя есть там и примеры молодой прозы. Дело в том, что в польской литературе поэзия остается самым выразительным средством обращения к читателю. Если поколение «рожденных в 60-е» уже довольно всесторонне изучено польскими литературоведами и критиками, то самая молодая литература все еще остается стихией необъятной. Потому так важен сборник «Текстилии» (заслуживающий, впрочем, сопоставления с «Антологией» — тем более, что многие из самых молодых пользуются опытом своих прямых предшественников), и потому важными можно считать дискуссии об этом поколении на страницах литературной периодики. Вдобавок постепенно становится заметным и следующее «поколение», еще на десятилетие младше.

Такую дискуссию о рожденных в 70-е начал на своих страницах сопотский журнал «Топос» (2002, №3, выходит раз в два месяца). Здесь заслуживает внимания статья Ежи Франчака «Иностранные языки самой молодой поэзии». Говоря о спорах вокруг молодой поэзии, автор (1978 г.р.) пишет:

«Они вытекают главным образом из тактики различных младолитературных журналов, которые поставили себе целью описание и пропаганду нового литературного поколения. Но хотя мы имеем дело с несчетным множеством малотиражных книг, создающих своего рода «призрачную библиотеку», — всем трудно определить, в чем специфика явления «самой молодой поэзии». Правда, раздаются различные предложения, но одни из них слишком общи — как (...) формулировка, в которую входят «ассимиляция пресловутой «идиоматики разговорного языка», повышенная свобода художественных поисков и большой круг индивидуальных устремлений», другие слишком головоломны, хотя бы как попытка признать характерной чертой «размытость, рассеяние и обособленность», а также... отсутствие поколенческого опыта. В результате споров, в которых молодые авторы и критики злоупотребляют категорией «поколения», она почти утратила описательную ценность и нередко воспринимается как инструмент литературно-критической или просто маркетинговой полемики. Между тем независимо от всех споров и рассуждений выходят всё новые книги, число которых вызывает головокружение у критиков, желающих охватить это явление в целом. Частой реакцией на эту чрезмерность становятся жалобы на издательский рынок, на легкость публикации в книжной форме — легкость, которая не способствует ни отделке, ни требующим времени самокритическим размышлениям. В литературной периодике самую молодую поэзию нередко обвиняют в непонятности, упрекают в увлечении якобы бесплодным на почве литературы постмодернизмом, понимаемым фельетонно: как



полный произвол, дозволенность вторичности и отказ от ценностей, традиционно приписываемых литературе.

Эти обвинения кажутся мне поспешными, хотя и небезосновательными. Действительно, в поэзии родившихся в 70-е нетрудно обнаружить черты, которые Ихаб Гасан признал характерными чертами постмодернизма, т.е. неопределенность и фрагментарность, крушение норм и авторитетов, утрату «я» и «глубины», неизобразительность, иронию, склонность к пастишу, пародии и травестации. Однако я не стал бы приписывать это исключительно увлечению философско-литературными новинками. Может, когда у литературы в целом появилась возможность избавиться от внехудожественных обязанностей, внимание писателя сосредоточивается на самой материи литературы? Если припомнить расцвет художественного авангарда в межвоенном двадцатилетии, то это могло бы оказаться некоторым правилом? Ибо насколько десятилетие назад поэты, выходявшие тогда на литературную сцену как поколение «бруЛьона» [т.е. поэты 60-х годов рождения, связанные с выходявшим в Кракове сначала подпольно, а после 1989 г. официально ежеквартальным журналом «бруЛьон» — «черНовик»], искали себя в антиномиях «приватности» и «долга», «исповеди» и «свидетельства», насколько разговорный язык, не сторонящийся прозаизмов и вульгаризмов, и упрямое изъяснение «только и исключительно от своего имени» были реакцией на все еще звучавший в ушах дубовый язык пропаганды и на идею подчинения искусства заповедям коллективной жизни (...), настолько поэзия родившихся в 70-е ищет себя в диалектике «действительного» и «языкового». Я рискнул бы даже утверждать, что именно усиленный интерес к поэтической материи, пристальное внимание к самому веществу слов, к языку как не просто непрозрачному инструменту, но и объекту познания, а также своеобразное художественное надсознание, порой перерождающееся в одержимость пленением в слове, — что все это самые заметные черты молодой поэзии.

Это видно и в высказываниях самих поэтов, например: «поэзия в языке. Работать надлежит над языком» (Бартош Мушинский); «сначала — вдох языка, а потом — выдох этого языка в виде стихотворения» (Гжегож Янкович); «а началось как всегда с языка постепенно выдвигаемого / на позиции ведущего принципа» (Ярослав Липшиц); «ты дал себя спровоцировать, и тебя втягивает письмо» (Павел Лекшицкий); «хронически страдаю / словом» (Агнешка Вольны); «Все как будто / уже раз написано» (Клара Новаковская).

Вышеперечисленные имена принадлежат лидерам этого поколенческого круга, по крайней мере на настоящий момент. Творчество нескольких из них Франчак детально рассматривает в своей статье, приходя в конце к такому выводу:

«Делались различные попытки описать молодую поэзию; подчеркивали ее погруженность в масс-медиа и массовую культуру, ее сознание жизни в размытом мире (...) или широту того, что ее вдохновляет, и многообразие манер (...). Думаю, что самая характерная черта молодой поэзии — позволю себе еще раз повторить — это сознание литературности и риторического характера языковых творений, усиленный интерес к поэтической материи и пристальное внимание к веществу слов и, наконец, полное погружение в язык. Таков «нулевой уровень» этой поэзии; идя от того, что им всем обще, каждый поэт выбирает свой путь, ищет «свою молитву», свой способ выхода из слова».

Тем временем сенсацией в СМИ стал роман Дороты Масловской (1983 г.р.) «Польско-русская война под бело-красным флагом». Говоря предельно сжато, роман — это попытка описать состояние сознания родившихся в 80-е, погруженных в смесь языка наркоманов и глянцевого журналов. Мерой успеха пусть послужат целых два отклика на роман на страницах варшавского журнала «*Res Publica nova*» (2002, №11). Первый, озаглавленный «Не отталкивай Сильного», написан постоянным фельетонистом журнала Перейрой:



«Перейра уже несколько недель был благодарен судьбе за то, что та дала ему Дороту Масловскую, а конкретно — ее роман «Польско-русская война под бело-красным флагом».



Дорота Масловская

Масловская вернула Перейре хороший, спокойный сон, ибо старикашка именно так реагировал на появление гениев. Его успокаивала мысль, что прибавился еще один человек, способный вести человечество к свету по обманчивым литературным мостам радуги, по-над бурлящим океаном неискusstва. (Извините за стиль, но взволнованный Перейра в самом деле думал в таких категориях). Ему вовсе не мешало, что герой Масловской Сильный был человеком из чуждого Перейре мира. Ему не мешал ни свехвульгарный (но сколь же рафинированный!) язык Сильного, ни низкий уровень событий романа. Наоборот, Сильный открывал ему всю трагическую красоту мира людей проигравших, надрывающихся в борьбе со стихией жизни. Перейра обожал свою новую кумиршу, читал, смеялся и плакал. Восхищался языковым слухом и гением, умом, сообразительностью, чувством юмора,

способностью описывать мир и еще чем только захотите. На протяжении 158 страниц романа Перейра был счастлив. (...) Вот Сильный излагает свое мировоззрение: «Ну и говорю Магде, какое вправду положение дел у нас в стране. Рассказываю ей про повседневную эксплуатацию имущей расой неимущей расы. Что Запад гниет, там разрушена среда, которую засоряют разными неестественными соединениями (...). Что господствуют там истребители евреев, истребители рабочих, убийцы, которые себя и своих незаконных детей содержат на эксплуатацию, на то, что продают людям фирменное дерьмо в фирменной бумажке, продаваемой фирмой «Макдональдс»». (...) Его мировоззрение носит любительский характер и не подлежит строгому определению. Не оставило на нем отпечатка чтение времен учения, так как Сильный нигде не учился. Единственное, что придает форму этому высказыванию, — это горечь и разочарование. Сильный не способен даже правильно квалифицировать собственные взгляды. (...) Сильный умирает от передозировки. (...)

Смерть от передозировки для Сильного — единственная непоследовательность в деятельности, неподвижное событие».

Второй отклик на книгу Масловской принадлежит Мареку Залескому, опытному критику и литературоведу. Его статья озаглавлена «Скорее печальная сказка»:

«Дебютантская «Польско-русская война под бело-красным флагом» 19-летней девушки из Вейхерова, едва окончившей школу, была встречена колокольным звоном: пеан Ежи Пильха в ее честь в «Политике» привел к тому, что первый тираж книги мгновенно исчез с книжных прилавков, ее восторженно рецензировала «Газета выборча», двинулась машина рекламы, беседы с автором напечатали «Пшекруй», «Высоке общась» [«Высокие каблуки» — женское приложение к «Газете выборчей»], не замешкалось и телевидение. И все это ей было положено. Масловской не только удалось изобрести язык для мира своего романа, но и использовать его так, чтобы изображаемый мир казался лишь своим собственным и в то же время очевидным, неповторимым и единственно настоящим, одним словом, пол-



ным. Такое удастся только настоящим писателям. «Котлован» Андрея Платонова, «Москва—Петушки» Венедикта Ерофеева, «Жизнь впереди» Эмиля Ажара (под этим псевдонимом скрылся опытный писатель Ромен Гари) (...) были такими произведениями. (...) Язык, которым пользуется Сильный, герой-рассказчик Масловской (...) это нечто большее, нежели только жаргон определенного круга. И мир, который он созерцает в амфетаминном виде, выходит за рамки действительности, позволяющей квалифицировать «Польско-русскую войну» как «первый польский качковский роман». Речь Сильного, речь Магды, Анджелы, Арлеты, Наташи и других действующих лиц повести — убогий, пораженный раком вариант польского языка, но в то же время в нем таится энергия обновления. Языковые конструкции и сравнения, которыми они пользуются, паразитируют на языковых, лексических, грамматических, синтаксических нормах. Портят их, калечат, выворачивают наизнанку, растлевают, но в смешавшей силе этого языка есть энергия карнавала люмпен-нигилистов. (...) тайной искусства Масловской и ее литературного варианта отечественных «отвратительных, грязных, злых» остается и то, что мы питаем если не симпатию, то некоторое интеллигентское сочувствие к ее героям, отправленным на пособие по безработице и впихнутым в люмпен-культуру. И одновременно слегка стыдимся этого. Они нравятся нам как хорошо написанные «фигуры», но их представления о мире (а они их охотно произносят), взращенные на наживке глупости и обиды и представляющие собой конгломерат модных, лучше всего — радикальных лозунгов, почерпнутых из телевидения и газет, а также из разнообразных интернетных журнальчиков, в такой же степени смешат, как и вызывают ужас. И получается: смешно и страшно».

Залеский старается поместить книгу Масловской в контекст новейших литературных традиций:

«Не напоминает ли нам «День без русака», праздник, проходящий в городке и предвещающий «войну» («русак» — торговые конкуренты местного босса и политика Здислава Штрома, владельца фабрики польского песка и оптового склада с русским «сайдингом», т.е. панелями), чего-то, что мы знаем из прозы Тадеуша Конвицкого?»

Подобных мнений о книге Масловской — надо сказать, действительно неплохо написанной — куда больше. В СМИ автора сделали звездой. И не без основания: книг, поднимающих проблемы людей, потерявших корни и предоставленных самим себе, немного (хотя стоило бы вспомнить и неплохо, хотя в совершенно иной поэтике написанный роман Гжегожа Струмыка «Слезы», рассказывающий о паре бездомных, живущих на развалинах жизни, да только Струмык, давно уже не юноша, — не такое заманчивое для СМИ блюдо). Попытки литературно назвать действительность — что, ясное дело, включает «изобретение» своего языка — все еще встречаются редко. Поэтому не без значения оказывается тот факт, что поиски, ведущиеся в лирическом тигле языковых опытов, начинают находить свое продолжение в прозе. В конце концов, как говорил немецкий философ, границы моего мира определяет мой язык. Это, впрочем, и в философии, и в литературе не ново. Быть может, стоит в контексте этих языковых поисков вспомнить как будто уже вынесенные за скобки заслуги польской «лингвистической школы» в поэзии (Беньковский, Карпович, Бялошевский, Вирпша и более молодые ее приверженцы — Баранчак и Криницкий). Одно не подлежит сомнению: книга Масловской — новое доказательство того, что литература — не только исследование «материи слов», но и стремление — употребим формулу еще времен романтизма, — «как следует дать вещи слово» (Норвид).



Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

● В этом году премию имени Ежи Гедройца, присуждаемую газетой «Жечпосполита» за деятельность на благо польских государственных интересов, получил центр «Карта» и его создатель Збигнев Глюза. «Кто-нибудь может спросить, — пишет в обосновании главный редактор газеты Мацей Лукасевич, — что общего у собрания документации по новейшей истории с государственными интересами? Ему будет легче найти ответ, если он вспомнит слова Норвида о том, что немногого стоит тот народ, который забывает свое прошлое. Тем более когда оно так драматично, как судьбы Польши и поляков на протяжении последних двухсот лет. «Карта» не играет в политические увлечения и политкорректность — через судьбы конкретных людей, их воспоминания и документы она показывает *всю* правду о нашей истории. То, что ее деятельность касается прежде всего польского крестьянского пути на востоке, — естественное следствие положения, при котором почти полвека эта тема была запретной и замалчиваемой. (...) При этом миллионы поляков там, на востоке, — а не только от руки гитлеровской Германии — погибли или пропали без вести. Так же, как и миллионы русских, украинцев и людей других национальностей. Надо вслух говорить правду о подлых системах и их жертвах — во имя судьбы всех людей, ради общего лучшего будущего и соседской дружбы».

● «Антикоммунизм, почтение к классикам, вопросы о Боге... сам Колаковский уже долгое время определяет себя как консерватора в культуре, либерала в политике и социал-демократа в экономике. Однако всегда следует подчеркивать, что все эти определения относительны», — написал по случаю 75-летия Лешека Колаковского, профессора Варшавского, Йельского, Оксфордского и Сан-Францисского (в Беркли) университетов, кавалера ордена Белого Орла, самого крупного современного польского философа, один из его учеников Павел Ключовский. А сам Колаковский однажды сказал: «Дело в том, что у меня нет никакой своей философии, никогда не было амбиций заводить какую-то собственную философию, отличаю-

щуюся от всех остальных, и нет ощущения, что я в таковой нуждаюсь. Подозреваю, что все важное в этой области уже давно сказано».

● Присуждаемые «Тыгодником повсехным» медали св. Георгия в этом году получили Эва Войдылло-Осятынская, активистка движения за трезвость, и проф. Леон Керес, директор Института национальной памяти. Премия присуждается за «борьбу со злом и упорное созидание добра в общественной жизни».

● 13-ю ежегодную премию им. Киселя (Стефана Киселевского) получили: Кишиштоф Павловский, ректор Высшей школы бизнеса в Новом-Сонче за «превращение знаний в капитал»; вице-маршал Сейма, лидер «Гражданской платформы» Дональд Туск, «сумевший устанавить либеральный порядок», и публицист газеты «Жечпосполита» Мацей Рыбинский, который «пишет, потому что мыслит».

● В рамках «Польского года в Австрии» в Венском институте гуманитарных наук состоялась дискуссия о месте Польши в новой Европе. Встречу открыла министр иностранных дел Австрии Бенита Ферреро-Вальднер, а участвовали в ней, в частности, Лешек Колаковский, Норман Дэвис, Кишиштоф Помян, Тимоти Снайдер. Русский историк Алексей Миллер, выступление которого вызвало больше всего споров, упрекнул поляков в том, что они по-прежнему склонны исключать Россию из европейской культурной и политической сферы.

● Выпущенный «Выдавництвом литератцким» (краковским «Литературным издательством») толстый «Дневник» поэта Мечислава Яструна охватывает 1955-1981 гг. К публикации дневник готовил сын поэта Томаш Яструн, который во вступительной статье пишет: «Образ писателя и человека, проступающий на страницах «Дневника», весьма непросто. Отец несколько раз записывал, что дневник — не для печати... однако тетрадей не уничтожил». Яструн начал вести этот дневник в период «оттепели», когда уже перестал быть верующим сталинцем. «Он становится на путь покаяния, — пишет Эльжбета Савицкая в газете «Жечпосполи-



та». — Таким образом, это запись времен отрезвления, стыда и горечи».

● Примерно тот же период охватывает только что опубликованная переписка Станислава Лема. Это письма врагам и друзьям, людям и учреждениям. «Как стиль, так и пунктуация, — отмечает рецензент, — в высшей степени особливые, они показывают, что, обращаясь к врагам и друзьям, автор от души развлекался... Мы, правда, знаем взгляды Станислава Лема по его многочисленным фельетонам, но в письмах нам явлен совершенно иной писательский облик: это тексты не только более личные, но и менее упорядоченные, лишённые самоцензурь».

● Вышел V том записок Рышарда Капусцинского «Лапидариум». О происхождении этих томов автор рассказал на встрече, посвященной выходу книги: «Лучший способ описания неустанно меняющейся действительности — поэтика фрагмента, выборочное наблюдение за миром, причем выбор этот часто случаен. Я — как кочевник, охотящийся на разных зверей. Это цитаты, заметки, мимолетные мысли и высказывания, которые собираются в текст. Писать — это все более коллективное занятие... Десятки авторов сформировали наше представление о той или иной проблеме».

● Самым большим сюрпризом для наблюдателей польской литературной жизни стал небывалый читательский успех книги Дороты Масловской, девушки из провинции, которой еще не исполнилось и 20 лет, пишущей вроде бы с самого детства. «Польско-русская война под бело-красным флагом» — это роман о Польше, в которой уже почти все насквозь проедены потребительским подходом к жизни. Успех книги стал поводом к обсуждению нравов, царящих на нашем издательском рынке, о чем пишет издатель Масловской Павел Душин-Вонсович: «Я понимаю, что издание книг всегда было торговлей, бизнесом, а не какой-то там духовной ценностью. И даже если духовной, то такой, которую надо любой ценой продать, тем более, что времена тяжелые. Но неужели и вправду никогда не вернуться времена, когда книга в первую очередь была произведением писателя, а не фактом договора на рекламу, покровительства СМИ?»

● В Литературном салоне Национальной библиотеки прошла встреча, посвященная двадцатилетию ежеквартального журнала «Зешиты литерацке», внесшего большой вклад в польскую литературу-

ную жизнь. Редакторы журнала «сознательно объявили войну законам моды, социологии и аплодисментам», — сказал на встрече главный редактор «Газеты выборчей» Адам Михник. По случаю юбилея вышел специальный номер журнала с приложением компакт-диска — записи стихов Станислава Баранчака, Иосифа Бродского, Збигнева Херберта, Чеслава Милоша, Томаса Венцловы и др. «Зешиты литерацке» работают и как книжное издательство.

● Самая старая польская послевоенная литературная премия — насчитывающая 40 лет премия им. Костельских — присуждена Ольге Станиславской за репортажи из Африки «Рондо де Голля». Дипломы получили две поэтессы — Анна Пивковская за сборник «После» и Рената Путцлахер за творчество в целом. Вначале эту премию присуждали в Женеве, в 90-х стали присуждать в Польше, а в этом году ее впервые вручали в Мирославе (Великопольша), где находится родовое имение Костельских, учредителей премии. В прошлом ее лауреатами были крупнейшие польские писатели — от Славомира Мрожека, Збигнева Херберта и Талеуша Конвицкого до Магдалены Тулли, Ольги Токарчук и Мартина Светлицкого.

● «Газета выборча» установила на своем сетевом портале «Библиотеку молодого человека» — рекомендательный список книг для детей и молодежи. А присуждаемую за творчество для детей премию им. Корнеля Макушинского получил Гжегож Касдепке за книгу «Кацпериада. Рассказы для проказников — и не только». Касдепке, который сам себя называет сказочником, получил свою премию за «литературные достоинства, замечательный юмор и отлично показанные отношения в семье».

● В списке польских бестселлеров в этом месяце наконец произошли перемены. На первое место вышел «Пианист» Владислава Шпильмана, за ним — Дорота Масловская со своей «Польско-русская война под бело-красным флагом» и последний сборник стихов Виславы Шимборской. Далее следуют: получившая премию «Нике» книга Иоанны Ольчак-Роникер «В саду памяти», выдвигавшаяся на ту же премию «Игра на многих барабанах» Ольги Токарчук и новая книга Ежи Пильха «Падение человека под Центральным вокзалом». Много месяцев подряд занимавшие первые места в этом списке Иоанна Хмелевская и Катажина Грохоля отодвинуты в конец первой десятки.



● Почти весь ноябрь под эгидой Варшавской мэрии проходил фестиваль театральных фестивалей «Встречи». По замыслу, это показ спектаклей, награжденных на важнейших театральных фестивалях в Польше и за ее пределами, тех, которые избранная публика видела на других фестивалях, и тех, которые завоевали в мире успех. Были собраны самые интересные польские и европейские театры. Проходили спектакли, встречи, репетиционная читка современных пьес, показы телевизионных театров.

● «Варшавские Феликсы», премии, присуждаемые Фондом Феликса Лаского за театральное творчество, получили в этом году: Агнешка Глиньская за режиссуру («*Vambini di Praga*»), Анджей Зелинский за лучшую мужскую роль («*Вознесение*»), Агнешка Восинская за лучшую женскую роль («*Память воды*») и Борис Шниц за актерский дебют (в «*Vambini di Praga*»). Премии за роли второго плана получили Славомир Ожеховский и Станислава Целинская. В плебисците публики актерские премии получили Магдалена Целецкая и Марек Кондрат.

● Спустя тридцать лет после смерти Александра Кобздея в галерее варшавского аукционного дома «Штука» («Искусство») открыта выставка, посвященная его творчеству. «Выставка, — пишет в «Газете выборчей» Дорота Ярецкая, — верно названа «Борьба с материей», ибо тягость Кобздея — материя, невозможность оторваться от нее, невозможность видеть искусство вне ее, невозможность отказаться от чувственного наслаждения, которое дают краска и холст. (...) Перед ним стоял очень трудный вопрос: как быть современным художником, идти в ногу с духом времени и в то же время не отказаться от того, что составляет магию живописи. (...) Кобздей выбрал самый безопасный путь: он до конца оставался живописцем».

● «Мало какой артист при жизни может дожидаться фестиваля своего творчества, — пишет Моника Малковская в газете «Жечпосполита». — В Национальном музее и в галерее «У незунтов» открыты выставки работ Магдалены Абаканович, которые стали лишь фоном для главного события — открытия первого в Польше произведения скульптора, установленного на открытом воздухе: 112 чугунных фигур, поставленных в парке Цитадели. Одновременно Академия изобразительных искусств в Познани присвоила художнице первую в своей истории степень почетного доктора». Группа в Цитадели называется «Неопознанные». «Эта

работа, — пишет художественный критик Данута Врублевская, — попытка ответить на вопрос: каков человек в чистом виде? Но так как ответ дает художница, то она проводит исследования через форму и пользуется в них инстинктом».

● Кинофильм Петра Тшаскальского «Эди» уже получил премии на фестивалях в Гдыне и Варшаве и стал польским кандидатом на «Оскара» в категории неанглоязычных фильмов. «Тшаскальский, — пишет Тадеуш Соболевский, — позволяет зрителю вместе с Эди пройти долгий путь, ведущий к внутреннему освобождению. Это отнюдь не выдуманная метафора: мы видим этапы этого пути, который завершается вместе с надписью «Конец». Мы верим, что этим путем воистину можно идти. «Эди» ведет куда-то дальше, за пределы области хаоса. Исходя из картин нашей жалкой жизни, подчиненной погоне за копеечкой и быстрому, но иллюзорному исполнению желаний, режиссер хочет дать зрителю надежду, которая не исчерпывалась бы голословной моралью».

● Все предвещает банкротство «Семейного телевидения», самого нового польского негосударственного ТВ, к концу года. Вместе с ним прекратит передачи канал «Пульс», для которого «Семейное» вело производство. «Семейное ТВ» рухнет, так как было создано по упрямству политиков, в неподходящий момент и на плохо продуманных условиях. Возможно, это станет предостережением для других предприятий того же типа.

● 1 ноября Польша, как всегда, торжественно отмечала День поминовения усопших. «На протяжении долгой эпохи разделенной Польши, — написал в связи с этим Мартин Свенцицкий, председатель Общественного комитета опеки над Старыми Повонзками [главным варшавским кладбищем], — такие кладбища, как Повонзки, были, пожалуй, единственным местом, где можно было представлять польскую скульптуру, помещать польские надписи и воздавать честь национальным героям и заслуженным людям. Поляки это ценят. С другой стороны, в Польше очень много запущенных кладбищ, что произошло в результате территориальных перемещений, миграции, Катастрофы. (...) Кладбища нельзя делить на свои и чужие, все они заслуживают хотя бы минимального ухода».



Катажина Гардзина

НОВЫЙ СТАРЫЙ ДИРЕКТОР

После назначения министром культуры Вальдемара Домбровского, главного директора варшавского Большого театра — Национальной оперы, все гадали, кто станет новым директором этого самого представительного польского театра. Ситуация была тем более нетипичной, что директора Большого театра назначает министр культуры, хотя иногда он проводит для этого конкурс. Таким образом, Вальдемар Домбровский мог (как ни один другой директор Национальной оперы до него) выбрать своего преемника. И он воспользовался этим правом так, чтобы под новым руководством театр продолжал прежнюю репертуарную линию. Главным и художественным директором театра стал известный дирижер Яцек Каспшик, который при Домбровском был художественным и музыкальным директором.

Сам Каспшик — скорее противник совмещения этих двух функций, однако, он согласился исполнять обязанности главного директора:

«Раз уж мы стали перед вопросом, как обеспечить продолжение той программы, которую мы приняли четыре года назад, и некоторым образом застраховать то, что удалось осуществить за эти годы, я согласился принять на себя эти обязанности. Чтобы это было возможно, дирекция должна говорить одним голосом, чтобы главный и художественный директора не вели борьбу за свое мнение, что всегда приносит большой ущерб театру. (...) В последние годы я не отказывался от концертной деятельности и надеюсь не делать этого впредь. Разумеется, есть и ограничения, но это неотъемлемая часть любой творческой деятельности, и я все это учел, принимая на себя новые обязанности. Попросту говоря, мой рабочий день удлинится, но пока это не представляло для меня большой проблемы, и надеюсь, что так будет и в дальнейшем».

На пресс-конференции, где прозвучали эти слова Яцека Каспшика, были представлены подробные планы театра на сезон 2002/2003 года. Выглядят они многообещающе. На этот сезон запланировано несколько гастрольных выступлений звезд мирового вокала. Дирекция подчеркивает, что эти певцы выступят не с сольными концертами, а в оперных спектаклях театра. Хосе Кура появится на варшавской сцене в своей коронной роли Отелло, Ева Мартон выступит в роли Турандот в опере Пуччини, звезда «Метрополитен-оперы» Денайс Грейвс исполнит партию Кармен. Хосе Кура и Ева Мартон примут затем участие в гастрольном турне театра по Японии.

Однако главным событием этого сезона директор считает гастроли варшавского Большого театра в Москве и ответные гастроли московского Большого театра в Варшаве:

«Это тем более важно, что больше не связано ни с какими политическими соображениями, как это бывало в прошлом. Нынешняя поездка носит чисто художественный характер. Это начало нашего сотрудничества с Большим театром, наших будущих совместных оперных и балетных постановок: у нас уже есть на примете спектакли, которые мы хотели бы совместно поставить. Мы едем с нашим, польским



Большой театр в Варшаве



репертуаром, с нашей визитной карточкой — «Страшным двором» Монюшко и «Королем Рогером» Шимановского. Хотим еще показать московской публике наше истолкование великого русского композитора Чайковского и его «Евгения Онегина». Думаю, что варшавской публике будут чрезвычайно интересны два крупнейших произведения оперной литературы, с которыми придет московский Большой театр, — «Любовь к трем апельсинам» и «Хованщина»».

Варшавский Большой театр будет также развивать сотрудничество с другими крупными оперными театрами. После успеха «Мадам Баттерфляй» в Вашингтоне появились разные предложения, которые постепенно будут осуществляться. В декабре состоится премьера «Дон Жуана», совместная постановка с Лос-Анджелесской оперой, на 2004 г. запланирована совместная премьера «Пиковой дамы» в Берлинской государственной опере. Ведутся также переговоры с лондонскими партнерами о приглашении спектаклей «Страшный двор» и «Король Рогер» в Лондон и Эдинбург.

Варшавянам наверняка будет приятно узнать о начале совместной работы телевидения и варшавского Большого театра с Большим театром в Лодзи. Варшавская опера покажет на лодзинской сцене «Короля Рогера» (в рамках Фестиваля диалога четырех культур), а лодзинский театр придет в Варшаву со оперой «Эхнатон» Филиппа Гласса.

Дирекция телевидения тоже старается сохранить равновесие между оперным и балетным репертуаром. В этом сезоне запланированы премьеры двух балетных спектаклей — «Пан Твардовский» польского композитора Людомира Ружицкого и «Чайковский» петербургского хореографа Бориса Эйфмана. Кроме того можно будет увидеть все, что варшавский балетный коллектив имеет в своем репертуаре: «Лебединое озеро», «Щелкунчика», «Спящую красавицу», «Тщетную предосторожность», «Грека Зорбу», а также вечера балета. Две оперных премьеры, подготовленных к нынешнему сезону, — это новая работа режиссера Мариуша Трелинского «Дон Жуан» Моцарта и «Путешествие в Реймс» Россини. Оперу Россини Большой театр готовит специально для замечательной певицы Эвы Поддесь, которая успешно выступала в ней во многих оперных театрах мира. Музыкальную часть «Путешествия в Реймс» готовит Альберто Дзедда, выдающийся знаток творчества Россини, директор фестиваля в Пезаро, родном городе композитора.

Однако работа театра — не одни премьеры, это прежде всего повседневные спектакли. В этой сфере директор Каспшик также заявляет о продолжении начатой с Вальдемаром Домбровским и проводившейся в течение четырех лет работы:

«Мой девиз, который я выбрал с самого начала, — это чтобы все спектакли, не только премьеры, но и повседневные, абонементные, оставались на высоком уровне, так чтобы люди, приходящие в театр, покупающие билеты, не сталкивались с риском художественного провала. Я желаю также, чтобы это место открывалось не только на оперные или балетные премьеры и концерты, но чтобы оно жило постоянно, чтобы варшавяне и вся Польша могли попадать в театр почаще, на различные мероприятия».

Добавим, что вот уже несколько лет залы театрального музея сделали местом проведения важных выставок. Здесь можно было увидеть, в частности, произведения Энди Уорхола, Франсиско Гойи и Пабло Пикассо.

Удастся ли осуществить все эти планы? Польские меломаны надеются, что да, тем более что министр культуры наверняка будет благосклоннее своих предшественников к учреждению, которое сам же возглавлял. Проблемой, как всегда, останутся финансы, но за последние четыре года Большой театр завоевал признание не только среди публики, но и среди спонсоров. В дальнейшем можно будет рассчитывать на их щедрость.



Опера «Король Рогер»
К. Шимановского
в Большом театре



ЖИВЯ — УТРАЧИВАЕМ

Беседа с профессором Марией Янион

— «Живя, утрачиваем жизнь» — самая личная из ваших книг. Она начинается признанием в юношеском чтении «Шагреновой кожи» Бальзака. Содержащаяся в романе философия, согласно которой с каждым новым исполнившимся желанием у человека убывает жизнь, согласуется с самыми глубокими вашими чувствами. И вы всегда так чувствовали, даже ребенком? Не может ли быть так, что к этому привела вас прочитанная в молодости «Шагреновая кожа»?

— Мне кажется, что так было всегда. Потому-то я так и увлеклась «Шагреновой кожей». Кстати, и Бальзак выбрал героем юношу: молодость — самый тяжкий период жизни, человек в это время испытывает навязчивый соблазн самоубийства. В молодости мне случалось пережить такое отчаяние, какого зрелый возраст не знает.

Когда я читала Бальзака, я, собственно говоря, была еще ребенком, но поняла, что мне открывается какое-то ужасающее пространство постоянного конца чего-то, безвозвратной утраты.

— Ваше детство...

— Да, думаю, что это могло иметь значение. Мое детство в Вильно протекало среди людей — как бы это сказать... — очень несчастных и очень бедных, жизнь была тяжелой. И на эту мою детскую жизнь чудовищным грузом легла война. То, что я тогда видела, наверное ознаменовало меня, наложило печать на мои представления, мое восприятие жизни.



Профессор Мария Янион принадлежит к самым видным представителям польской гуманитарной науки. Иногда ее называют «историком литературы, идей и символического воображения». Она создала свою школу изучения эпохи романтизма.



ма и как в своем преподавании, так и в многочисленных научных трудах «преодолевает устоявшиеся стереотипы прочтения литературы, обновляет значение идей и ищет новых бескомпромиссных свидетелей существования». В ее научные интересы входят как история стилей, форм и эстетических категорий, так и методология литературоведения. Она принадлежит к крупнейшим знатокам польского и западного романтизма, изучая его как новую парадигму культуры, созданную иным подходом к истории, воображению, к таким явлениям, как природа и любовь, к вопросам романтического индивидуализма. Она ставит себе задачей своеобразную реабилитацию альтернативных культур и описание оставшихся ранее в пренебрежении экзистенциальных ситуаций женщины, ребенка, сумасшедшего, а также того опыта, какой представляют собой зло, переход установленных границ и инаковость.

Мария Янион родилась в Меньках под Белостоком, неполную среднюю школу окончила в Вильне, там же во время II Мировой войны получила на подпольных курсах среднее образование, а

Война была для меня страшной травмой. У меня такое чувство, будто она определила всю мою внутреннюю судьбу. Стала основополагающим переживанием — как личности и как частицы поколения. Думаю, что мы так хорошо понимали друг друга с моей покойной подругой Мариной Жмигродской, в частности потому, что у нее за плечами тоже был этот жестокий опыт войны.

Она пережила поражение Варшавского восстания, я — восстания в Вильно. Однако, будучи чуть старше меня, она в большей степени принимала участие в тех событиях. Может быть, поэтому ее опыт был еще более болезненным.

— Каждый запоминает войну по-своему. Что на вас особенно повлияло?

— Когда Красная армия заняла Вильно, я, разумеется, видела трупы на улицах, но главное, что я видела, — это как во время оккупации евреев отправляли в Понары. Их гнали из гетто, находившегося в центре города. Пожалуй, никто из глядевших на них не знал, чем это кончится. Однако я узнала об этом довольно скоро, еще девчонкой.

Этот вид гонимых на смерть евреев, их изгнания на массовую гибель оставил во мне отпечаток на всю жизнь. Тогда во мне пробудилось чувство, которое сегодня можно назвать «трагическим состраданием евреям». Это сочувствование осталось у меня навсегда — как присяга, принесенная самой себе.

Это одна из причин, по которым в моей книге говорится об утрате и трауре. Такой траур крайне важен, особенно сегодня.

— Почему?

— На мой взгляд, мы никогда еще не были под столь сильным давлением массовой культуры, которая представляет нам такой образ жизни, будто мы этой жизни вообще не утрачиваем. Создание образа жизни без утраты — вот основополагающее мошенничество массовой культуры. Например, в рекламе жизнь — это жизнь в ничем не ограниченной полноте, потому что в любой момент мы можем докупить себе новую вещь и переживать жизнь еще прекрасней.



Думаю, что сегодняшний интерес к драме Сары Кейн связан с необходимостью вернуть людям право на боль и умение переживать боль, отнимаемые у нас массовой культурой. Приведу цитату из любимого писателя Кейн Ховарда Баркера: «В непрерывном потоке лживой общности трагедия возвращает личности умение чувствовать боль».

Восприятие пьес Сары Кейн сосредоточено на жутком страдании, которое в них высказано. Интерес к ним хорошо свидетельствует о публике. Конечно, часть зрителей идет из-за скандала, но часть — хочет открыться к боли. Коротко говоря, хватит с нас лживой общности и шутовства [телешоу] «Big Brother».

— *Постоянно испытывая боль, утрату, можно ли вообще оставить место для радости, счастья, удовлетворения?*

— Разумеется. По-моему, чувство — трудно сказать удовлетворения, но эмоциональной полноты — дает позиция сочувствия, принципиальная и всеобъемлющая, готовность делить человеческое состояние с другими.

Кроме того существует искусство. Без него жизнь была бы невыносима, а состояние человека — слишком ужасающе.

— *Многим людям помогает религия.*

— К этому следует относиться с уважением, но я отвергаю религию как утешение. Тут я опираюсь на Симону Вейль, которая говорит, что можно лишь непрерывно кричать: «Боже мой, Боже мой! для чего Ты меня оставил?»

— *Вы никогда не скрывали, что вы неверующая.*

— И даже наоборот — не раз об этом говорила. Некоторые даже сердились, что я говорю это так прямо.

— *У кого были к вам претензии? Помню, вы как-то сказали, что вера — это состояние благодати, которой вам не дано.*

— Да, я написала это давно в «Тыгоднике повсехном». Потом меня обвиняли, что это-де легкая уловка, что так-то говорить не следует, ибо это удар по единым позициям интеллигенции, что это может раздражить Церковь и т.п.

Это было в те времена, когда связь между Церковью и польской интеллигенцией была намного теснее.

после войны и репатриации экстерном сдала на аттестат зрелости в Торунь. В 1946 г. начала изучать польскую филологию в Лодзинском университете и закончила в 1951 г. в Варшавском. Во время учебы сотрудничала с литературной периодикой («Весь», «Кузница», «Твурчость») и посещала литературно-критический семинар Стефана Жулкевского при «Кузнице». С 1948 г., продолжая учебу, начала работать в Институте литературных исследований: сначала ассистентом, а затем (1956) ученым секретарем. В 1955 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Люциан Семенский, поэт-романтик» (научный руководитель — проф. С.Жулкевский). В 1957 г. получила звание доцента, в 1973 — профессора. В 70-х преподавала в Гданьском университете, а с 1981 начала преподавать в Варшавском.

Автор многих научных трудов, а также эссе и литературно-критических работ. Среди ее важнейших книг — монография «Зигмунт Красинский — дебют и зрелость» (1962), «Романтизм. Исследования идей и стиля» (1969), «Романтизм, революция, марксизм» (1972), «Гуманитарные науки. Познание и терапия» (ра-



боты по методологии гуманитарных наук, 1974), «Романтизм и история» (в соавторстве с Марией Жмигродской, 1978), сборник статей «Обновление значений» (1989), где проблематика романтизма рассматривается в связи с творчеством избранных современных поэтов, комментированная антология «Рабы чувствительности» (1981), «Время открытой формы. Романтические темы и медиумы» (1984), сборник эссе «Перед лицом зла» (1989), «Проект фантазматической критики» (1991). В коллективном сборнике статей «Женщины и дух инаковости» (1997) она вносит свой вклад в дискуссию по феминистской проблематике; в сборнике эссе «Плач генерала. Эссе о войне» (1998) полемизирует

Я сама во время военного положения выступала в церкви св. Креста. С этим у меня были проблемы, но тогда не было другого публичного места, чтобы прочитать доклад о том, как я понимаю патриотизм.

— *Может ли существовать религиозность неверующих?*

— Часто говорят, что я человек религиозный, что во мне таится некий homo religiosus.

Но за такими речами скрывается уверенность, что всякая духовность религиозна. По-моему, это не так.

Духовность определяет свои отношения с религией или религиозностью, но это не означает, что она сама религиозна.

— *Вы пишете о том, как справляется со смертью литература, в частности, с помощью близкой вам поэтики меланхолии.*

— Речь идет о муках меланхолии. Они состоят в том, что человек, которого мы утратили, остается в нас, и мы его непрерывно стережем. Мы не можем совершенно оставить умершего, но и верно стеречь тоже не в силах.

— *Что это значит?*

— Наш образ этого человека неустанно меняется — он уже не таков, как был. В этом парадокс меланхолии: мы имеем дело с неустанным напряжением между по-



пыткой удержать неомраченный образ умершего и ощущением, что этот образ непрерывно расплывается, меняется, утрачивается, становится недоступным. У нас нет, как прежде, доступа к этому человеку. Это и есть утрата. Меланхолия — это жизнь в таком постоянном напряжении.

Это не только горечь и сожаление, но и попытка борьбы за образ умершего, которого все равно не удержать.

— *Эта невозможность сохранить в себе образ живого человека — не может ли она иногда помочь жить, опомниться от утраты?*

— Но тот, кто говорит, что способен опомниться, на самом деле этого желает или ему просто так посоветовали?

Я считаю, что, предпринимая такую попытку, он поступает дурно: он и не опомнится, и будет чувствовать себя все хуже.

Человек должен внутренне переработать чужую смерть. Думаю, лучший способ — принять муки меланхолии как свою собственность и жить в этом состоянии напряжения между сознанием утраты и необходимостью стеречь.

— *Умирает все больше близких людей. Где найти место для всех?*

— На мой взгляд, местом мы располагаем неограниченным. В человеческом существе есть нечто от бесконечности — все уместится.

Как говорил Огюст Конт: «Умерших всегда больше, чем живых».

— *Вы все время что-нибудь цитируете: о чем ни заговорить, вы все соотносите с литературой. Что вас больше всего интересует в литературе?*

— Жизнь. То, в какой степени разнообразные действующие лица романов, повороты действия, ситуации передают нечто от действительности, которую я знаю не только из литературы.

Очень часто я пытаюсь объяснить себе с помощью литературы разные вещи — например, чью-нибудь психологическую установку или поведение; та или иная жизненная ситуация напоминает мне то, что я знаю из книг. Лите-

с живой по сей день мифологией польского патриотизма, его романтическим жертвенным стилем и трагиронопическим восхищением смертью; в сборнике «В Европу — да, но вместе с нашими погибшими» (2000) подчеркивает связь польской культуры с культурой польских евреев. Наконец, в своей последней книге «Живя, утрачиваем жизнь. Тревожные темы существования» (2002) она поднимает проблематику любви, смерти и преодоления экзистенциальных чувств и размышлений на примере творчества многих видных писателей.

Профессор Мария Янион — лауреат многих премий, в том числе нью-йоркской премии Фонда Альфреда Южиковского (1987), Большой премии Фонда культуры (1999), премии им. Казимежа Выки (2001). В 1994 г. она стала почетным доктором Гданьского университета. Последние несколько лет возглавляет жюри премии «Нике» — главной литературной премии Польши. Член Объединения польских писателей и польского ПЕН-Клуба.

Рышард Матушевский



ратура часто выражает все это глубоко, но в то же время скрыто. Это вопрос формы. Нужно потрудиться, чтобы домыслить сходство с жизнью, понять его. На мой взгляд, литература — это форма понимания людей.

— *Ее редко так рассматривают.*

— Это вина школы. К сожалению, как это описал Гомбрович в «Фердидурке», школа рассматривает литературу как нечто совершенно неприменимое к жизни, своего рода украшение, иногда как вспомогательное средство в укреплении национального самосознания — так, например, происходит с романами Сенкевича или «Паном Тадеушем». А помимо этого вообще неизвестно, о чем она и зачем вообще существует.

Школьники читать не хотят, так как для них из чтения ничего не следует.

Думаю, что анализировать литературу — это самая трудная в мире профессия.

— *У вас не бывает иногда желания позвонить писателю, если он еще жив?*

— Нет. С чего бы это? Я считаю, что произведение оторвано от своего создателя. То, что он на эту тему думает, вовсе не обязано особо меня волновать. К тому же автор часто отвечает: «Сам не знаю, так у меня написалось».

— *Ваши книги полны эрудиции — достаточно взглянуть на обширные примечания. Вы не боитесь, что несмотря на неустанный труд вам не удастся прочесть всего, что важно?*

— О, наверняка. У меня на этом пункте прямо помешательство. Вдобавок я думаю, что, может быть, самая важная книга лежит у меня дома, а я об этом не знаю. То есть не знаю, что она и есть самая важная.

— *Вам не хотелось бы иногда избавиться от всех этих цитат?*

— Разумеется, я вообще хотела бы избавиться от своей эрудиции. Очень хотела бы, но это может произойти лишь на минуту. Дольше — невозможно: моя память уже соответствующим образом организована, действует сама, не дает мне жить.

— *В вашем понимании литература — это нечто тотальное, средоточие всех знаний. А есть ли что-то такое, чего она не в состоянии выразить?*

— Да, конечно, существуют огромные пространства того, что не поддается выражению. Но у меня такое чувство, что каждый день и каждую ночь происходит наскок на это невыразимое: кто-то где-то в мире пытается сказать то, что до сих пор не сказано, назвать то, что не названо.

— *Но есть ли совсем не затронутые пространства?*

— Думаю, нет. Все пространства затронуты, но литература часто останавливается перед ними в молчании. Дает нам сигнал: «Здесь эта зона».

— *А ваша подруга Мария Жмигродская разделяла ваше переживание жизни как утраты?*

— Знаете, трудно сказать. Не знаю... Так прямо мы на эту тему не говорили.



Но, может быть, она не была таким меланхоликом, как я, — любила природу, очень хорошо чувствовала себя на природе, чего обо мне сказать нельзя.

Да и я, может, теперь меняюсь... Видите, здесь, возле этой груды книг, два деревца — я ими занимаюсь, ращу их, так что в каком-то смысле подступилась к природе. Культура перешла в природу.

Не все воспринимают жизнь так, как я. Две мои ученицы и подруги, Малгожата Барановская и Малгожата Черминская, утверждают, что, живя, мы обретаем жизнь: бег жизни приносит все новый опыт.

Возможно, это характерологическая разница между меланхоликом и не меланхоликом. Но, может, и что-то большее: разница в совершенно принципиальном вопросе понимания человеческого состояния, собственного познания бытия. Это, вероятно, зависит от личного «экзистенциального кода». У каждого уникальная мелодия своего существования.

— *А вы не пытались противостоять своему чувству утраты?*

— Однажды я повторила знаменитые слова из «Фауста»: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно». Это случилось только раз, и больше никогда я этого не сделаю.

— *Вы в самом деле думаете...*

— Не знаю, как было на самом деле, но я чувствую, что я этой цитатой что-то спровоцировала. В народной мифологии мы встречаемся с подозрением, что безответственно произнесенное заклятие может стать проклятием. Надо внимательно относиться к тому, что говоришь, ибо слова наши странным образом могут быть подслушаны демонами судьбы.

Беседу вела Катажина Белас

wysokie obcasy

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

М.Зелинский о польской предприимчивости

К.Я.Гослицкий о Станиславе Бжозовском

К.Бурнетко: Газетный киоск

Л.Бальцерович о будущем Европы

М.Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге

Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой

Я.Стшалка беседует с Анджеем Вайдой

К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия

Наши люди: Яцек Возняковский, Гуго Штейнгауз, Леопольд Козловский, Владислав Копалинский

Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский, А.Холланд,

В.Скальмовский, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Титкова, Подсядлю и др.

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой,

Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

Допущен к распространению на территории Российской Федерации
решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ № 77-1063** от 3 ноября 1999 года)



НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЖУРНАЛЫ,
ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША:

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиография.



НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, ее теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник, содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Цена 6 zł w tym VAT 0%